

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 4 (70). № 2

**Симферополь
2018**

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 4 (70). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77 – 61821 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций.

**Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»**

**Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ
ВО «КФУ им. В.И. Вернадского, протокол № 3 от 03 октября 2018 г.**

**Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Александрова И. В. – д. филол. н., проф.	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Гуменюк В. И. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Скороходько С. А. – к. филол. н., доц.
Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Солопова О. А. – д. филол. н., проф.
Короченский А. П. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маслова В. А. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.	Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание.

Подписано в печать 03.10.2018. Формат 70х100/16.
Объем 19,18 усл. п. л. Заказ № НП/235. Тираж 50 экз.
Дата выхода в свет 28.12.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2018 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82

МАКСИМ ГОРЬКИЙ КАК ХУДОЖНИК-НОВАТОР: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ НАЧАЛО РОМАНА «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

Гавриш Т. Р.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва
ligeia1838@yandex.ru

Опыт изучения романа «Жизнь Клима Самгина» отражает несомненный факт художественного новаторства Горького, создавшего свое итоговое произведение на стыке реализма и модернизма и предвосхитившего в его центральном персонаже героя классического экзистенциального романа, что является философски и художественно мотивированным: тема человека, его абсолютного одиночества в чуждом ему абсурдном мире и личного поиска пути стала одной из универсальных в искусстве XX века. Новейшее горьковедение обогащено опытом интерпретации «Жизни Клима Самгина» как повествования, несущего элементы экзистенциального. Специфика экзистенциального отражена и в отношении горьковских героев к действительности, и в их самоощущении. Горький исследует феномен внутренней раздробленности и самоопределения интеллигента-современника, вопрос вторичности человека относительно окружающего, проблему одиночества и отношения человека к другому. Главная сущностная черта Самгина, собственная «выдуманность» им самим, которую он переносит вовне, сопряжена с органичным и внутренне честным поиском концептуальной бытийной идеи. Определение, ставшее одним из символических атрибутов личности Самгина, он формулирует в измененном болезнью состоянии сознания: «Личность – комплекс прочно усвоенных мнений, это – оригинальный лексикон». Создание «системы фраз» – пусть ложное, но кажущееся герою верным средство гармонизации хаоса реальности, объективного определения сущности человека и максимальной отстраненности от действительности. В искренней, но безуспешной попытке Самгина разобраться в себе и окружающем мире Горьким прорисованы первые штрихи, из которых впоследствии сложится трагичный портрет главного героя его «прощального» произведения.

Ключевые слова: «Жизнь Клима Самгина», художественное новаторство, экзистенциальное, интеллигент-современник, измененное сознание, враждебность реальности, личностный поиск пути.

*«Я, может быть, самый трезвый человек в России...»
«Жизнь Клима Самгина», часть II*

Опыт изучения романа Горького «Жизнь Клима Самгина» отражает несомненный факт художественного новаторства писателя, создавшего свое итоговое произведение на стыке реализма и модернизма и предвосхитившего героя классического экзистенциального романа в своем центральном персонаже. Современными исследователями творчества Горького отмечено его предвидение появления в позднейшей литературе концептуального образа постороннего, которое

было философски и художественно мотивированным: тема человека и его абсолютного одиночества в чуждом ему абсурдном мире стала в искусстве XX века одной из универсальных. Новейшее горьковедение обогащено опытом интерпретации «Жизни Клина Самгина» как повествования, несущего элементы экзистенциального [1; 2; 3; 7; 8; 9; 13]. В образах Клина Самгина и большинства людей из его окружения Горьким действительно намечены характерные черты персонажа экзистенциального повествования.

Эта специфика отражена и в отношениях горьковских героев с окружающим миром, и в их самоощущении. Самгина не оставляет мучительное ощущение необычного внутреннего разлада: «Ему казалось, что он уже перегружен опытом, но иногда он ощущал, что все впечатления, все мысли, накопленные им, – не нужны ему. В них нет ничего, что крепко прирастало бы к нему, что он мог бы называть своим, личным домислом, верованием. Все это жило в нем как будто против его воли и – неглубоко, где-то под кожей, а глубже была пустота, ожидающая наполнения другим содержанием. Это ощущение разлада и враждебности между ним, содержащим, и тем, что он содержал в себе, Клима испытывал все чаще и тревожнее» [4, с. 220]. Для Самгина характерен взгляд на себя «как на человека умного, пронизательного и своеобразного. Человека более интересного и значительного, чем сам он, Клима еще не встречал» [5, с. 114]. В действительности же горьковский герой неизменно вторичен по отношению к окружающим его людям: «Клима усердно старался развить в себе способность создания своих слов, но почти всегда чувствовал, что его слова звучат отдаленным эхом чужих» [4, с. 111].

В юности Самгин начинает наблюдать и осмысливать феномен внутренней раздробленности человека, воспринимая его вначале вне отношения к себе. «Это – Фиона Трусова, ростовщица, все в городе считают ее женщиной безжалостной, а она говорит, что ей известен “секрет счастливой жизни”. Она – дочь кухарки предводителя уездного дворянства, начала счастливую жизнь любовницей его, быстро израсходовала старика, вышла замуж за ювелира, он сошел с ума; потом она жила с вице-губернатором, теперь живет с актерами, каждый сезон с новым; город наполнен анекдотами о ее расчетливом цинизме и удивляется ее щедрости: она

выстроила больницу для детей, а в гимназиях, мужской и женской, у нее больше двадцати стипендиатов» [5, с. 65].

От Инокова Самгин слышит о помощнике полицейского пристава Пуаре. «Беспутнейший человек этот Пуаре. <...> Он холостой и – распутник. <...> Циник, сластолюбец... <...> Как-то я остался ночевать у него, он проснулся рано утром, встал на колени и долго молился шепотом, задыхаясь, стуча кулаками в грудь свою. Кажется, даже до слез молился...» [5, с. 78].

Татьяна Гогина говорит о себе во множественном числе, а на вопрос Самгина: «– Почему?» – ответила: «– Потому что чувствую себя жилищем множества личностей и все они в ссоре друг с другом» [5, с. 236].

Молодой Самгин еще не осознает в полной мере своей внутренней «раздробленности». Однако он начинает ощущать, что непонятен себе самому: «<...> нередко он ловил себя на том, что наблюдает за собой как за человеком, мало знакомым ему и опасным для него» [4, с. 455].

Начавшаяся рефлексия горьковского героя несомненна и абсолютно искренна. Так, совершенно неподдельно сильное и настойчивое желание Самгина освободиться от внешнего, наносного, несвойственного ему, навязанного против воли. Гимназист Клим думает, «что хорошо бы сбросить вот так же всю эту вдумчивость, путаницу чувств и мыслей и жить просто, как живут другие, не смущаясь говорить все глупости, которые подвернутся на язык, забывать все премудрости...» [4, с. 188]. Категорически отказываясь от предложения уличной девушки, Самгин–студент внутренне комментирует свой отказ: «Вот так бы отшвырнуть от себя все ненужное» [5, с. 63]. Попытки самоопределения Самгина также не вызывают сомнения ни в факте их, ни в их подлинности. С одной стороны, он воспринимает себя как нечто неординарное, как «человека, который не чувствует границ своей личности» [4, с. 384], с другой – действительно не ощущает их, но искренне пытается отыскать. «Я полагаю, что прежде всего необходимо относиться честно к самому себе, нужно со всей возможной точностью установить границы своей личности. Только тогда возможно понять истинные запросы моего я», – говорит он Елизавете Спивак, лукавя

при этом относительно истинной цели «установления границ». Наедине с собой Клим формулирует ее иначе: «Нужно дойти до каких-то твердых границ и поставить себя в них, разоблачив и отбросив по пути все выдумки, мешающие жить легко и просто...» Однако факт стремления Самгина осознать себя как индивидуальность несомненен. Не случайно его отношение к «любителям споров и разногласий» автор характеризует как «подозрительное»: у горьковского героя возникает «смутное сомнение в праве и попытках этих людей решать задачи жизни и навязывать эти решения ему» [4, с. 144]. Но не только в этом причина недоверия Самгина: чужие «споры и разногласия» обостряют его осознание невозможности самоопределения. Кроме того, один из статичных самгинских идеалов универсального, бытийного личностного комфорта недостижим в динамичной, непрерывно изменяющейся и развивающейся действительности; горьковский герой ощущает это в совершенно естественных «спорах и разногласиях» других людей. В Петербурге, в новом для Самгина-студента окружении, среди ровесников-интеллигентов, он думает: «Как везде. <...> Нет ничего, о чем бы не спорили» [4, с. 206].

Безысходное одиночество – одна из характернейших особенностей образа Самгина, имеющая концептуальное значение. Круг одиночества в романе Горького очерчен автором принципиально отчетливо и серьезно. Художественное пространство «Жизни Клим Самгина» – это мир безнадежно одиноких людей: «...все женщины неизлечимо больны одиночеством», – говорит юному Климу мать [4, с. 351]; фельетонист газеты Варавки «Наш край» Робинзон прячет в карман еду «для знакомой собаки. У меня, батенька, “влеченье, род недуга” к бездомным собакам. Такой умный, сердечный зверь и – не оценен! Заметьте, Самгин, никто не умеет любить человека так, как любят собаки» [5, с. 17]; «У него учеников нет», – говорит Климу Иван Дронов о Степане Томилине; «От него все, – точно крысы у Гоголя, – понюхают и уходят» [5, с. 29]; «Может быть, и я в старости буду так же забыто сидеть среди людей, чужих мне», – думает Самгин об историке Козлове; «люди единодушно не обращали на него внимания <...>, относились к старику фамильярно и снисходительно» [5, с. 30]. Одиночество Самгина кристаллизуется постепенно. «Грустное чувство сиротства» впервые разбужено в душе Клим

смертью отца. «“Кровное родство. Уже лет десяти я чувствовал отца чужим... то есть не чужим, а – человеком, который мешает мне. Играет мною”, – размышлял Самгин» [5, с. 187]. На вечеринке у Лютова он, будучи, по словам Алины Телепневой, «пьян так, что даже позеленел», вне внутреннего контроля, говорит ей: «Пью. Один. Это мой “Манифест”» [5, с. 255]. Свою обреченность одиночеству Самгин объясняет себе тем, что «он – человек своеобразный, исключительный». Однако «эта самооценка, которой он так гордился», бывает у горьковского героя лишь ненужным воспоминанием [5, с. 268]. Мотив одиночества расширяется путем его введения в социальный план повествования. «Никогда не видал человека, который в такой мере чувствовал бы себя чужим всему и всем. Иностранец», – отзывается Варавка об Инокове. «И пытливо, с остренькой улыбочкой в глазах посмотрев на Клима, он спросил: “– А ты себя иностранцем не чувствуешь?” – “В государстве, где возможны Ходынки...” – начал Клим...» [4, с. 506]. Реплика Самгина прервана появлением в комнате Лидии, но утвердительный смысл его ответа однозначен.

Отношение Самгина к миру, не менее сложное, чем его отношение к себе, очень точно сформулировано его учителем Степаном Томилиным: «В мире идей необходимо различать тех субъектов, которые ищут, и тех, которые прячутся. Для первых необходимо найти верный путь к истине, куда бы он ни вел, хоть в пропасть, к уничтожению искателя. Вторые желают только скрыть себя, свой страх пред жизнью, свое непонимание ее тайн, спрятаться в удобной идее» [4, с. 130]. Пусть Томилин не отделяет «удобной идеи» от сформировавшегося убеждения, но так или иначе Клима узнаваем среди вторых.

Потребность Самгина в «идее» очень глубока, даже глубже, чем думает он сам. «Эти растрепанные, вывихнутые люди довольно удобно живут в своих шкафах... в своих ролях. Я тоже имею право на удобное место в жизни...», – думает он. Однако этим все-таки не исчерпывается необходимость «идеи» для Самгина – уже потому, что он, как и другие герои произведения, так напряженно ищет ее. Итог этого поиска станет ясен Самгину позднее; но, будучи студентом, он становится свидетелем безуспешного поиска «общей идеи» Иноковым [4, с. 298, 556], слышит слова Игоря Туробоева: «Среди господствующих идей нет ни одной, приемлемой для меня» [4, с.

376]. К этому же выводу позднее придет и Самгин: «Суть в том, что я не могу найти в жизни точку, которая притягивала бы меня всего целиком» [6, с. 166].

Пока же люди, с комфортом пребывающие, по мнению Самгина, «в своих ролях», требуют объяснения. «Клим чувствовал, как возрастает в нем жажда понять людей <...> он хотел знать людей», – пишет Горький [4, с. 216, 217]. Позднее он говорит о своем герое как о человеке, «который хочет не столько понять людей, как поймать их на какой-то фальшивой игре» [5, с. 93]. «...необходимо, чтоб <...> все люди были понятны, как цифры», – определяет Самгин свою задачу [4, с. 173].

«Жизнь чрезмерно сложна», – говорит он Серафиме Нехаевой [4, с. 241]. «В стремлении своем упрощать непонятное» [4, с. 266] горьковский герой сводит сложность жизни и внутреннего мира людей к действию примитивных импульсов, будто бы движущих человеком, и проявлениям его тщеславия: «Самгин был убежден, что все люди честолюбивы, каждый хочет оттолкнуться от другого только потому, чтоб стать заметней, отсюда и возникают все разногласия, все споры. Но он начинал подозревать, что, кроме этого, есть в людях еще что-то непонятное ему. И возникало настойчивое желание обнажить людей, понять, какова та пружина, которая заставляет человека говорить и действовать именно так, а не иначе» [4, с. 221]. Самгину «всегда нравились <...> упрощающие мысли» [4, с. 155]. Так, он пытается «упростить» познавательный энтузиазм Дронова: «В книгах нет тех странных вопросов, которые волнуют Ивана, Дронов сам выдумывает их, чтоб подчеркнуть оригинальность своего ума» [4, с. 90]. «Макаровское недовольство миром раздражало Клима, казалось ему неумной игрою в философа, грубым подражанием Томилину» [4, с. 169]. Сильнейшая рефлексия Макарова, связанная с его отношением к женщине, воспринимается Самгиным как смешная ерунда, «которой жил этот человек. Нет сомнения – Макаров все это выдумал для самоукрашения, и, наверное, он втайне развратничает больше других. Уж если он пьет, так должен и развратничать, это ясно» [4, с. 146–147]. «Длинная проповедь» Макарова, в которой выражены мысли самого Горького о современной женщине – «матери человечества, возбудителя новой культуры», – для Самгина становится поводом дать товарищу следующую оценку: «романтик <...> дурачок» [4, с. 351]. Лидия, по мнению Клима, «боится любить и

этот страх – все, что казалось ему загадочным в ней. А его робость перед нею объясняется тем, что Лидия несколько заражает его своим страхом. Удивительно просто все, когда умеешь смотреть» [4, с. 315]. «Простенький стерженек, на котором <...> поднимает флаг своей оригинальности» мать Клима Вера Петровна, с его точки зрения, таков: «...стареет и ревнует» [4, с. 351]. Даже политические взгляды старшего поколения интеллигенции, искренность которых не вызывает ни малейшего сомнения, Самгин оценивает иначе: «Я с детства слышу речи о народе, о необходимости революции, обо всем, что говорится людьми для того, чтоб показать себя друг перед другом умнее, чем они есть на самом деле» [4, с. 253]. В четырех этих оценках (и отдельных людей, и целого поколения) реализована главная сущностная черта Самгина – его «выдуманность» им самим, которую он переносит вовне. Нетрудно заметить при этом, что найденная в человеке «пружина» характеризует ее обладателя в той или иной степени негативно, в каждом случае обнаруживая явную недоброжелательность горьковского героя; нелюбовь к людям доминирует в характере молодого Самгина.

Будучи почти статичным персонажем, Самгин не понимает естественности процесса развития личности окружающих его людей. «...персонажи “Жизни Клима Самгина” периодически возвращаются в поле зрения читателя, причем при каждом новом своем появлении характеризуются новыми, подчас резко отличными от прежних чертами» [15, с. 297]; «Внутренний и внешний облик героев романа, характер их поступков и действий не остаются неизменными. Уже в юности Клим отмечает: “Как быстро и неузнаваемо изменяются все”. В этом отношении глаз наблюдателя не подвел Самгина, хотя всякие перемены в характерах и поступках окружающих лиц удивляют его, кажутся ему неожиданными. Эти изменения, обусловленные совокупностью объективных и субъективных причин, никогда не противоречат внутренней сущности горьковских героев, каждый раз поступающих сообразно своему характеру» [14, с. 98].

«Люди пробуют различные маски, чтоб найти одну, наиболее удобную и выгодную», – находит Самгин «простой и ясный» ответ. Идея масок не случайно возникает в сознании горьковского героя. «...не “быть или не быть”, а “казаться” –

вот назначение Самгина» [10, с. 17]. Он часто воспринимает окружающих как своего рода разоблачителей. «...пристальный взгляд его кричащих глаз – взгляд соглядастая, который стремится обнаружить скрытое», – думает Самгин об Игоре Туробоеве [4, с. 215]; «Казалось, что Туробоев присматривается к нему слишком внимательно, молча изучает, ловит на противоречиях» [4, с. 274]. Оценивая Серафиму Нехаеву как человека наиболее образованного и умного по сравнению с его новыми знакомыми- ровесниками, главный герой повести чувствует «опасение, что Нехаева поймет в нем то, чего ей не нужно понимать, и станет говорить с ним так же снисходительно, небрежно или досадливо, как она говорит с Дмитрием» [4, с. 220]; Самгину «было неловко с человеком, который молча рассматривает тебя, как бы догадываясь о чем-то» [4, с. 249]. Его беспокоит Марина Премирова: «Когда Клим случайно оставался с ней в комнате, он чувствовал себя в опасности под взглядом ее выпуклых глаз, взгляд этот Клим находил вызывающим, бесстыдным» [4, с. 221] – и «неприятно щупающий взгляд» Лютова [4, с. 264].

Самгин-«кажущийся» с ранней юности «хорошо знает силу и обязательность» «стремления вороны украсить себя павлиньими перьями» [4, с. 92]. Молодой Самгин в высшей степени озабочен собственным имиджем: «Ночами, в постели, перед тем как заснуть, вспоминая все, что слышал за день, он отсеивал непонятное и неяркое, как шелуху, бережно сохраняя в памяти наиболее крупные зерна разных мудростей, чтоб, при случае, воспользоваться ими и еще раз подкрепить репутацию юноши вдумчивого. Он умел сказать чужое так осторожно, мимоходом и в то же время небрежно, как будто сказанное им являлось лишь ничтожной частицей сокровищ его ума. И были удачные минуты успеха, вспоминая которые он сам любовался собою с таким же удивлением, с каким люди любовались им» [4, с. 96]. Более всего горьковский герой заботится именно «о маске умного и независимо мыслящего человека для самого себя. <...> для Клима казаться является способом утверждения себя в обществе» [11, с. 64].

Почти органическая потребность Самгина «казаться» акцентирована Горьким в великолепно написанном эпизоде костюмированной вечеринки у Лютова. Самгин приходит туда «одетый алхимиком» [5, с. 241]. Выбор Горьким костюма Самгина

очень значим. «Вот – человек оделся рыцарем, – почему? Почему – именно рыцарем?» – спрашивает о ком-то Лютов Кутузова, подразумевая тождественность человеческой сути ее внешнему выражению. Тайнственное одеяние алхимика – это знак желания горьковского героя быть неразгаданным. Его символический образ по-разному интерпретируется гостями. Лютов пытается разгадать представшую перед ним фигуру: «Парацельс? Агриппа?» – а затем называет не узнаваемого им Самгина «астрологом» и «мудрецом»; артист Ермаков и Антон Тагильский единодушны в определении: «чародей»; «матрос» говорит, что Самгин – «фокусник»; некто неназванный – «маг»; «арлекин» (Макаров) – «предрассудок»; «пьяный в белом парике» – «дядя», «чучело» [5, с. 242–254]. Показательны и пестрота, и диапазон определений фигуры Самгина (от «Парацельса» и «Агриппы» до «дяди» и «чучела»), и постепенное, но отчетливое фактическое и стилистическое снижение их.

Эпизод маскарада введен Горьким для того, чтобы показать, что и в реальной жизни Самгин – фигура, по словам Степана Томилина, «скрытая», «прячущаяся» и практически не разгаданная, не узнаваемая окружающими людьми, большинство из которых пребывает в устойчивом заблуждении относительно сущности горьковского героя. «<...> он умеет спрятаться от людей, он неуловим <...> его постоянно принимают не за того, кем он является в действительности» [12, с. 238]. «Юноша независимого ума», – отзывается о Климе его учитель Степан Томилин [4, с. 306]. «Особенный», – выделяет Клима Лидия; «Какой-то талант у тебя должен быть», – убеждена она [4, с. 409, 294]. В начале знакомства с Самгиным Лютов называет его «двоеточием, за которым последует неизвестно что, но – что-то оригинальное» [4, с. 435]; «Ты, Самгин, держишь себя в кулаке, ты – молчальник, и ты не пехота, не кавалерия, а – инженерное войско, даже, может быть, генеральный штаб <...>!» – искренне говорит Лютов, беседуя с Самгиным в трактире Тестова [5, с. 125]. Преис ошибочно предполагает в главном герое романа человека, избравшего «путь, которым идет рабочий класс» («Насколько я понимаю вас, вы – не идеалист и ваш путь – этот, трудный, но прямой!» [4, с. 495]), так же как народник Маракуев видит в нем марксиста, осуждаемого за приверженность материализму [4, с. 496]. «...у вас что-то есть про себя, должно быть что-то», – уверен Иноков [4, с. 528]. «Какой вы

проницательный <...> замечательно проницательный», – говорит он Самгину [5, с. 72]. «...вы – умный, искреннее слово! Это ясно хотя бы из того, как вы умело молчите», – почти восхищается Самгиным Антон Тагильский [5, с. 167]. Однако со временем истинная сущность центрального персонажа все-таки начинает проявляться для действительно проницательных горьковских героев. Так, Макаров ни на минуту не заблуждается относительно Самгина и дает ему достаточно верную оценку: «Здоровая психика у тебя, Клим! Живешь ты, как монумент на площади, вокруг – шум, крик, треск, а ты смотришь на все, ничем не волнуясь» [4, с. 344]. Более поздняя оценка Самгина Лютовым практически совпадает с мнением Макарова: «Ты хладнокровно, без сострадания ведешь какой-то подсчет страданиям людей, как математик, немец, бухгалтер, актив-пассив, и черт тебя возьми! <...> Я, брат, не люблю тебя, нет! Интересный ты, а – не сим-па-ти-чен. И даже, может быть, ты больше выродок, чем я. <...> С какой крыши смотришь ты на людей? Почему – с крыши?» [5, с. 126]. Особенно ясно видит сущность Самгина Игорь Туробоев, который говорит о его желании «придумать третий» ответ, находящийся между «да» и «нет» [4, с. 274].

Реальная жизнь в восприятии Самгина столь сложна, что сложность эта трансформируется в фантазмагоричность, а восприятие действительности становится парадоксальным. В этом главный герой не одинок. «Чепуха какая <...> Вам кажется, что вы куда-то не туда бежали, а у меня в глазах – щепочка мелькает, эдакая серая щепочка, точно ею выстрелили, взлетела... совсем как жаворонок... трепещет. Удивительно, право! Тут – люди изувечены, стонут, кричат, а в память щепочка воткнулась. Эти штучки... вот эдакие щепочки... черт их знает! <...> Меня один человек хотел колом ударить, вырвал кол и занозил себе руку между пальцами, – здоровенная заноза, мне же пришлось ее вытаскивать... у дурака. <...> Щепочки, занозы... Какая-то пыль в душе» [5, с. 58], – говорит Самгину Иноков после обрушения стены артиллерийской казармы.

Ощущение «пыли в душе», отсутствия главного впечатления знакомо Климу с ранней юности. Действительность в его восприятии порой утрачивает реальные

черты. «Размышления о женщинах стали самым существенным для него, в них сосредоточилось все действительное и самое важное, все же остальное отступило куда-то в сторону и приобрело странный характер полусна, полужива. Полусном казалось и все, чем шумно жили во флигеле», – пишет Горький об ощущениях Самгина-гимназиста [4, с. 121]. «Вообще пред ним все чаще являлось нечто сновидное и такое, чего ему не нужно было видеть <...>, что, не имея смысла, только отягощало память», – таково внутреннее состояние Клима перед его неопределенной болезнью [1, с. 390]. Впечатление Самгина от панорамы Москвы, которую он и Макаров наблюдают после случившегося на Ходынке, «было странно, как сновидение» [4, с. 469].

Фантазмагоричность действительности в восприятии горьковского героя постепенно усиливается. Обилие и разнородность жизненных впечатлений, которые Самгин не может структурировать и в которых теряется, приводят его к тому, что он испытывает несколько измененных состояний, усложняющихся и прогрессирующих. Результат делового визита Лютова к Варавке – «состояние угнетения» Самгина «бессмыслицей» [4, с. 310–311]. После разговора с Макаровым о попытке самоубийства, «слушая, как рычит, приближаясь, гром, Клима задумался о чем-то беспредметном, что не укладывалось ни в слова, ни в образы. Он ощущал себя в потоке неуловимого, – в потоке, который медленно проходил сквозь него, но как будто струился и вне мозга, в глухом реве грома, в стуке редких, крупных капель дождя по крыше, в пьесе Грига, которую играл Макаров. <...> Затем все примолкло, и в застывшей тишине Клима еще сильнее почувствовал течение неоформленной мысли. Это не было похоже на тоску, недавно пережитую им, это было сновидное, тревожное ощущение падения в некую бездонность и мимо своих обычных мыслей, навстречу какой-то новой, враждебной им. Свои мысли были где-то в нем, но тоже бессловесные и бессильные, как тени. Клима Самгин смутно чувствовал, что он должен в чем-то сознаться пред собою, но не мог и боялся понять: в чем именно?» [4, с. 324–325]. Наблюдая за Макаровым, Туробоевым, Алиной и Лидией, Клима чувствует, «что им снова овладевает настроение пережитой ночи»: «Клима Самгин не впервые представил, как в него извне механически вторгается множество острых,

равноценных мыслей. Но, когда он пробовал привести в порядок все, что слышал и читал, создать круг мнений, который служил бы ему щитом против насилия умников и в то же время с достаточной яркостью подчеркивал бы его личность, – это ему не удавалось. Он чувствовал, что в нем кружится медленный вихрь различных мнений, идей, теорий, но этот вихрь только расслабляет его, ничего не давая, не всасываясь в душу, в разум. Иногда его уже страшило это ощущение самого себя как пустоты, в которой непрерывно кипят слова и мысли, – кипят, но не согревают...» [4, с. 327–328].

Постепенно для Самгина начинает проявляться абсолютная невозможность самоопределения. Действительность, которая не поддается упрощению и все чаще предстает Климу как «нечто сновидное», и невозможность сориентироваться в ней постепенно усугубляют измененное состояние сознания Самгина, и оно становится болезненным. «Минутами Самгину казалось, что его вместилище впечатлений – то, что называют душой, – засорено этими мудрствованиями и всем, что он знал, видел, – засорено на всю жизнь и так, что он уже не может ничего воспринимать извне, а должен только разматывать тугой клубок пережитого. Было бы счастьем размотать этот клубок до конца. А вслед за тем вспыхивало и обжигало желание увеличить его до последних пределов, так, чтоб он, заполнив все в нем, всю пустоту, и породив какое-то сильное, дерзкое чувство, позволил Климу Самгину крикнуть людям: “Эй, вы! Я ничего не знаю, не понимаю, ни во что не верю и вот – говорю вам это честно!”» Однако для совершения этого поступка у Самгина «не было ни дерзости, ни силы» [4, с. 396–398].

Принципиально важным на данном этапе формирования личности Клима Самгина представляется несомненный факт мучительного, вплоть до физиологических проявлений, процесса поиска Самгиным своего «я», мучительный тем более, что вектор этого поиска изначально задан неправильно. «...пора принять какую-то идею, как это сделали Томилин, Макаров, Кутузов. Надо иметь в душе некий стержень, и тогда вокруг его образуется все то, что отграничит личность от всех других, обведет ее резкой чертою. Определенность личности достигается тем, что человек говорит всегда одно и то же, – это ясно», – думает Самгин. Не менее

важно то, что определение, ставшее одним из символических атрибутов личности Самгина, он формулирует в измененном болезнью состоянии сознания: «Личность – комплекс прочно усвоенных мнений, это – оригинальный лексикон». Эта ложная мысль тем не менее продолжает жить в нем и после выздоровления, сопротивляясь истинному началу Самгина. «Человек – это система фраз, не более того», – уточняет Клим свое первое определение личности как «оригинального лексикона».

В данный момент повествования Самгин воспринимает себя только как человека, «который все еще не может создать свою систему фраз» [4, с. 389]. Причина этого заключается и в том, что бессознательно Самгин все-таки ощущает ложность своих порожденных болезнью постулатов, и в том, что внутренний поиск Самгина абсолютно органичен и честен: создание «системы фраз» не явилось бы для него слишком сложной задачей, а функционирование этой системы потребовало бы только минимальной полуактерской-полубытовой – обычной игры, хорошо знакомой Самгину. Тем не менее «оригинальный лексикон» – это хоть и ложное, но кажущееся ему верным средство гармонизации хаоса реальности, объективного определения сущности человека и максимальной отстраненности от действительности, настоятельно требующей определенной жизненной позиции, ее недвусмысленного выражения, однозначного ответа – «да» или «нет» и не допускающей бегства в нечто иное, третье. В искренней, но безуспешной попытке молодого Самгина разобраться в себе и окружающем мире Горьким прорисованы первые штрихи, из которых впоследствии сложится трагичный портрет главного героя его итогового произведения.

Список литературы

1. Воронин В. С. Фантазия и абсурд хронологического сдвига в «Жизни Клима Самгина» [Текст] / В. С. Воронин // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи. Горьковские чтения. – 2004: Материалы Международной конференции. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006. – 597 с. – С. 386–394.

2. Воронин В. С. Художественный мир «Жизни Клима Самгина» и триалектические воззрения современности [Текст] / В. С. Воронин // Человек и мир в творчестве М. Горького. Горьковские чтения 2006 года. – Материалы Международной конференции. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. – 478 с. – С. 273–280.
3. Гавриш Т. Р. Художественное изображение рефлексированного сознания (на материале романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина») [Текст] / Т. Р. Гавриш // Мировое значение М. Горького (К 150-летию со дня рождения) : тез. докл. науч. конф., 27–30 марта 2018 г. – Москва, 2018. – С. 21–22.
4. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М., 1968–. Т. 21: Жизнь Клима Самгина. 1925–1936: [Ч. 1]. – 1974. – 572, [3] с.
5. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М., 1968–. Т. 22: Жизнь Клима Самгина. 1925–1936: [Ч. 2]. – 1974. – 683, [3] с.
6. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М., 1968–. Т. 23: Жизнь Клима Самгина. 1925–1936: [Ч. 3]. – 1975. – 412, [3] с.
7. Егорова Л. П. «Жизнь Клима Самгина»: современные аспекты изучения [Текст] / Л. П. Егорова // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи. Горьковские чтения. – 2004: Материалы Международной конференции. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2006. – 597 с. – С. 379–385.
8. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: диалоги на границах столетий [Текст] / В. В. Заманская. – М.: Флинта, 2002. – 302 с.
9. Мусатов В. В. История русской литературы первой половины XX века (советский период) [Текст]: учебное пособие / В. В. Мусатов. – М.: Высшая школа, 2001. – 309 с.
10. Никулина Н. И. Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» [Текст] / Н. И. Никулина. – Л.: Тип. Гизлегпрома, 1957. – 51 с.

11. Оляндер Л. К. Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и социокультурный контекст начала и конца XX века [Текст] / Л. К. Оляндер // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи. Горьковские чтения. – 2004: Материалы Международной конференции. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2006. – 597 с. – С. 62–70.
12. Резников Л. Я. Повесть М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Проблемы жанра и стиля [Текст] / Л. Я. Резников. – Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964. – 531 с.
13. Савинкова Т. В. Экзистенциальная проблематика в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» [Текст] / Т. В. Савинкова // Мировое значение М. Горького (К 150-летию со дня рождения) : тез. докл. науч. конф., 27–30 марта 2018 г. – Москва, 2018. – С. 69.
14. Строков П. С. Эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина» [Текст] / П. С. Строков. – М.: Советский писатель, 1962. – 413 с.
15. Тагер Е. Б. Творчество Горького советской эпохи [Текст] / Е. Б. Тагер. – М.: Наука, 1964. – 378 с.

References

1. Voronin V. S. Fantaziya i Absurd Hronologicheskogo Sdviga v «Zhizni Klima Samgina» [Fantasy and Absurdity of the Chronological Shift in The Life of Klim Samgin]. Gorkovskie Chteniya of 2004: Materials of International Conference. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2006, pp. 386–394.
2. Voronin V. S. Khudozhestvennyi Mir «Zhizni Klima Samgina» i Trialekticheskie Vozzreniya Sovremennosti [The Artistic World of The Life of Klim Samgin and Trialectical Views of Modernity]. Gorkovskie Chteniya of 2006: Materials of International Conference. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2008, pp. 273–280.
3. Gavrish T. R. Khudozhestvennoe Izobrazhenie Refleksiruyushchego Soznaniya (na Materiale Romana M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina») [Artistic Image of Reflective Consciousness (Based on the Novel by M. Gorky The Life of Klim Samgin)]. To the

150th Anniversary: Abstracts of International Conference, 27–30 March 2018. Moscow, 2018, pp. 21–22.

4. Gorky M. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 25 Tomakh. Khudozhestvennyye Proizvedeniya* [Complete Works In 25 Volumes. Artistic Works]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, A.M. Gorky Institute of World Literature, 1968, Vol. 21, *Zhizn Klima Samgina. 1925–1936: [Part 1]*, 572 p.
5. Gorky M. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 25 Tomakh. Khudozhestvennyye Proizvedeniya* [Complete Works In 25 Volumes. Artistic Works]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, A.M. Gorky Institute of World Literature, 1968, Vol. 22, *Zhizn Klima Samgina. 1925–1936: [Part 2]*, 683 p.
6. Gorky M. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 25 Tomakh. Khudozhestvennyye Proizvedeniya* [Complete Works In 25 Volumes. Artistic Works]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, A.M. Gorky Institute of World Literature, 1968, Vol. 23, *Zhizn Klima Samgina. 1925–1936: [Part 3]*, 412 p.
7. Yegorova L. P. «Zhizn Klima Samgina»: *Sovremennyye Aspekty Izucheniya* [The Life of Klim Samgin: Modern Aspects of the Study]. *Gorkovskie Chteniya of 2004: Materials of International Conference*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2006, pp. 379–385.
8. Zamanskaya V. V. *Ekzistentsialnaya Traditsiya v Russkoi Literature XX Veka: Dialogi na Granitsakh Stoletii* [An Existential Tradition in Russian Literature of the 20th Century: Dialogues at the Borders of Centuries]. Moscow: Flinta Publ., 2002, 302 p.
9. Musatov V. V. *Istoriya Russkoi Literaturny Pervoi Poloviny XX Veka (Sovetskii Period)* [History of Russian Literature of the First Half of the 20th Century (Soviet Period)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001, 309 p.
10. Nikulina N. I. *Roman M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina»* [M. Gorky's Novel The Life of Klim Samgin]. Leningrad, State Publishing House of Light Industry, 1957, 51 p.
11. Olyander L. K. *Roman M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina» i Sotsiokulturnyi Kontekst Nachala i Kontsa XX Veka* [M. Gorky's Novel The Life of Klim Samgin and the Sociocultural Context of the Early and Late 20th Century]. *Gorkovskie Chteniya of*

-
- 2004: Materials of International Conference. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2006, pp. 62–70.
12. Reznikov L. Ya. Povest M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina». Problemy zhanra i stilya [M. Gorky's Story The Life of Klim Samgin. Problems of Genre and Style]. Petrozavodsk: Karelia Publishing House, 1964, 531 p.
 13. Savinkova T. V. Ekzistentsialnaya Problematika v Romane M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina» [Existential Problems in M. Gorky's Novel The Life of Klim Samgin]. To the 150th Anniversary: Abstracts of International Conference, 27–30 March 2018. Moscow, 2018, p. 69.
 14. Stokov P. S. Epopeya M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina» [M. Gorky's Epic The Life of Klim Samgin]. Moscow: Sovetsky Pisatel Publ., 1962, 413 p.
 15. Tager Ye. B. Tvorchestvo Gorkogo Sovetskoi Epokhi [The Gorky's Work of the Soviet Era]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 378 p.

**MAXIM GORKY AS AN ARTIST-INNOVATOR: THE EXISTENTIAL ORIGIN
OF THE NOVEL *THE LIFE OF KLIM SAMGIN***

Gavriush T. R.

Summary. The experience of studying the novel *The Life of Klim Samgin* reflects the undoubted fact of Gorky's artistic innovation, which created his final work at the junction of realism and modernism and anticipated in the central character the hero of the classical existential novel. It is motivated from philosophical and artistic points of view: the theme of man, his absolute loneliness in an alien absurd world and personal search for a way became one of the universal themes in the art of the 20th century. The latest literary studies are enriched by the experience of interpretation of *The Life of Klim Samgin* as an existential narrative. The specificity of the existential is reflected in the relations of Gorky's heroes with reality and in their self-perception. Gorky examines the phenomenon of internal fragmentation and self-determination of the contemporary intellectual, the question of man's secondariness to the environment, the problem of loneliness and the attitude of man towards the other. In a sincere, but unsuccessful Samgin's attempt to understand himself and the world around him Gorky drew the first strokes, from which a tragic portrait of the main character of his «farewell» work would later emerge.

Keywords: *The life of Klim Samgin*, artistic innovation, existential, intelligent contemporary, changed consciousness, hostility of reality, personal search for a way.

УДК 82.09-2/792

П'ЕСА БЕРНАРДА ШОУ «ПІГМАЛІОН»: ОСОБЛИВОСТІ СЦЕНІЧНОГО ТРАКТУВАННЯ ЛІТЕРАТУРНОЇ КЛАСИКИ

Гуменюк В. І.

Таврійська академія (Структурний підрозділ)
Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського,
Сімферополь
E-mail: ukrlit_tnu@mail.ru

У статті наголошується на плідності врахування при науковому осягненні художньої класики не лише літературознавчих, а й сценічних інтерпретацій, тим більше коли йдеться про явища драматургії. Під відповідним кутом зору аналізується виконання відомим кримським актором, народним артистом України Валерієм Карповим провідної ролі в славетному мюзиклі композитора Фредеріка Лоу та лібретиста Аллана Лернера «Моя чарівна леді» за п'єсою Бернарда Шоу «Пігмаліон».

Актор двічі звертався до втілення постаті Хігінса – в постановці В. Аносова (1988) та в постановці Б. Мартинова (2006). В першій виставі він відмовляється від особливого підкреслення вікової характерності й виразно передає прагнення Хігінса неодмінно досягти успіху в своєму науковому експерименті, що не суперечить відтворенню романтичної піднесеності несподівано закоханого. В пізнішій сценічній версії вікова характерність більш відчутна, тут не менш виразно означений фаховий азарт сполучається з особливо глибоким та вишуканим драматизмом. Притому обидві версії динамічні й експресивні, багаті на різноманітні пластичні відтінки, психологічні нюанси, що цілком узгоджується з яскраво переданою в мюзиклі багатогранністю художньої палітри Б. Шоу.

Ключові слова: літературна класика, драма, мюзикл, сценічна інтерпретація.

ВСТУП

Традиційна біографія відомого кримського актора Валерія Карпова може вкластися в кілька рядків: зумовлені військовою професією батька поїздки разом з родиною по різних містах колишнього Радянського Союзу – від Южносахалінська до Житомира, навчання в музичних школах, в музичних училищах, врешті в студії Київського театру оперети, після закінчення якої прибуття у 1984 році до Сімферополя, в Кримський український театр. В жодному іншому театрі Валерій ніколи не працював, саме тут сповна розкрився його небуденний творчий талант.

– Після закінчення театральної студії, – розповідає актор, – мене помітив Володимир Андрійович Аносов, котрий працював головним режисером Кримського українського театру драми і музичної комедії. Мені поталанило, я відразу потрапив до хорошого режисера. І я вельми вдячний Аносову, моєму першому режисеру, за те,

що, працюючи з ним, здобув ті професійні якості, які необхідні актору для його становлення як особистості

Так почалася творча біографія артиста, яку вже ніяк неможливо вкласти в кілька рядків. Навіть численні газетні публікації не дають про неї достатнього уявлення. Тут потрібна копійка театрознавча й літературознавча робота, яка ще попереду.

Зіграно більше ста ролей різного характеру, ролей які принесли славу й визнання, а головне – вдячну прихильність, щире захоплення глядачів. Мистецтво як свято, котре не лише запалює, надихає, підносить, а й звеселяє, розважає, тішить, котре за всієї своєї урочистості аж ніяк не казенно-патетичне, а задушевно-лагідне, близьке, миле – саме таке мистецтво сповідує й утверджує актор. Тож не дивно, що до його найкращих ролей належать ті, що зіграні у постановках такого своєрідного жанру як мюзикл. Одна з найбільш вдалих та найбільш характерних ролей актора, зіграних у цьому жанрі, – містер Хігінс у виставі за однією з найбільш популярних п'єс визначного англійського драматурга ХХ століття Бернарда Шоу. Саме аналіз цієї ролі, своєрідність її виконання актором у постановках різних років і є основним завданням пропонованої статті. На важливості в літературознавчому дискурсі врахування театральних, у тому числі й акторських інтерпретацій літературної класики цілком слушно наголошував В. Г. Белінський, зокрема в статі «“Гамлет”, драма Шекспіра. Мочалов у ролі Гамлета» [1, т. 1, с. 87]. Про необхідність та плідність при осягненні літературних творів, насамперед драматургічних, поєднання їхніх літературознавчих та сценічних прочитань мені вже доводилось писати раніше [2; 3]. В річищі відповідних методологічних підходів і ця публікація.

ВИКЛАД ОСНОВНОГО МАТЕРІАЛУ

Серед ролей, які відповідають творчому хисту актора і разом з тим сприяють не так фіксації стереотипів, як розкриттю несподіваних граней того хисту, містер Хігінс у популярному мюзиклі композитора Фредеріка Лоу та лібретиста Аллана Лернера «Моя чарівна леді» за п'єсою Бернарда Шоу «Пігмаліон». Характерна для Б. Шоу дотепність та вишуканість, з якою у п'єсі одного з основоположників нової європейської драми актуалізується відомий міфологічний сюжет, тонко відчута й

помножена у мюзиклі, що й стало запорукою його надзвичайного успіху й тривалого побутування на сценах усього світу. Здійснена під керівництвом Володимира Аносова, прем'єра мюзиклу на кримській сцені відбулася у квітні 1988 року. Ексцентричний, проте разом з тим пройнятий зворушливим, хоч і не дуже явним ліризмом дует Генрі Хігінса та Елізи, втілюваних Валерієм Карповим і Тетяною Медведевою, став основним нервом вистави. Тут В. Карпов не намагається наголошувати на рисах вікової характерності. Його Хігінс приблизно такого ж віку, як і виконавець, йому ледь за тридцять, може, трохи більше. Це ще молодий, але вже досвідчений науковець, цілком захоплений своїми фонетичними студіями, в яких він досяг значних успіхів, все інше його мало цікавить. Акуратна зачіска, окуляри, які підкреслюють ледь примружений погляд (дещо іронічний і водночас проникливий), елегантний смокінг з не менш елегантним метеликом, як і інші його час від часу змінювані костюми, бездоганні манери – у всьому вчувається вроджений аристократизм, невіддільний від діловитості, дотепності, принадності цього по-своєму колоритного молодика. Байдужість, навіть ледь вловимий відтінок невдоволеної зверхності стосовно незугарної вуличної квітникарки невимушено змінюється суто науковим зацікавленням особливостями її вимови, а це зацікавлення, підтримане колегою Пікерінгом, раптово переростає в прагнення довести і старшому товаришеві, і самому собі власну спроможність виліпити з цієї представниці лондонського дна великосвітську панну.

В мить прийняття такого рішення герой В. Карпова несподівано для самого себе проймається полум'ям азарту, його пильний і водночас дещо піднесений погляд свідчить, що Хігінс уже уявляє, якою саме може стати під його керівництвом ця неотесана дівача. Надалі цей азарт уже не виявляється так зримо, однак виразно вчувається в чітких впевнених рухах, владних жестах, в дещо менторських цілеспрямованих інтонаціях, врешті в нездоланній наполегливості, з якою майстер своєї справи йде до досягнення поставленої мети. І цей фаховий азарт поступово переростає в щире юнацьке захоплення своїм творінням, врешті в палке кохання до чарівливої вродливиці, якою стає Еліза. Це його спершу насторожує, потім дивує, але швидко молодий професор скоряється новим для себе почуттям і якщо й не завжди

виявляє їх безпосередньо та часом прикриває звичною іронічністю та ущипливістю, все ж вірить в неодмінне досягнення порозуміння з коханою.

Через два десятиліття В. Карпов знову зустрівся з цією роллю в постановці мюзиклу «Моя чарівна леді», здійсненій на кримській сцені режисером Борисом Мартиновим (2006). Тут містер Хіггінс представлений уже закоренілим холостяком, так би мовити, сухарем, якого не так то просто зворушити. Він не хоче й гадки мати про якісь там почуття, що здатні відволікати від занять улюбленою фонетикою, а тому противиться цим почуттям усім єством своїм. І тим переконливішою відтак виявляється перемога кохання над цією зачерствілою натурою. Таке трактування значно драматичніше, хоч разом з тим воно посилює і комедійні аспекти ролі.

Цей Хіггінс – людина вже доволі поважного віку, він сивочолий і статечний, але бісики в очах, схильність до несподіваних дотепів виказують нерозтраченість молодечих сил, внутрішню розкутість. Тож цілком зрозуміло, чому цей професор, який так по-дитячому, так щиро й бурхливо радіє зустрічі з відомим колегою, беззастережно зважується побитися з ним об заклад і, не вагаючись, пускається в таку ризиковану авантюру як перекшталтування, перевиховання «гідкого каченяти» на чудесну лебідку.

Справа виявилася далеко не такою простою, як уявлялося попервах. Цьому Хіггінсу не раз уривається терпець, він доходить до відчаю і зневіри в можливості щось вдіяти з цим не лише неотесаним, а й украй норовливим дівчиськом, вже майже ладен визнати своє фіаско. Але й амбіції вченого, й чоловічий гонор, і зятість у прагненні будь-що домогтися свого виразно даються взнаки і свідчать про неабияку внутрішню силу цього, здавалося б, такого дивакуватого романтика. Пісенна скоромовка про Карла, який украв у Клари корали, стає не просто черговою навчальною вправою, а переломним моментом вистави. Наполегливість Хіггінса, який знову й знову змушує Елізу повторювати цю скоромовку, передається дівчині і вона поступово таки домагається бажаних результатів. Ведучи підопічну крізь хащі складних звукосполучень, Хіггінс виявляє виняткову терплячість та наполегливість, долаючи не так вульгарність Елізиної вимови, як самого себе. Тож коли стає зрозуміло, що його старання будуть не марними, він знову вертається до своєї

дитинної безпосередності й разом з Елізою натхненно виспівує на всі лади приповідку, яка аж ніяк не засуджує, а вихваляє злодійкуватого Карла.

З не меншою наполегливістю прагне професор притлумити в собі мимовільний потяг до чарівної вродливиці, якою стала Еліза. Але цього разу він зазнає поразки, поразки, яка зрештою приносить йому не меншу втіху, ніж попередня перемога.

Виразне відтворення внутрішнього драматизму, складнощів душі персонажа характерне для другого звернення В. Карпова до ролі професора Хігінса у мюзиклі «Моя чарівна леді».

ВИСНОВКИ

Акторське трактування образів літературної класики, яке сьогодні перебуває здебільшого на маргінесі літературознавчих студій, вкрай важливе для належного фахового осягнення різних аспектів художнього твору. Це підтверджує й сценічно яскраве, пластично виразне, психологічно витончене виконання В. Карповим головної ролі в знаменитому мюзиклі «Моя чарівна леді» за п'єсою Б. Шоу «Пігмаліон». Актор двічі звертався до втілення постаті Хігінса – в постановці В. Аносова (1988) та в постановці Б. Мартинова (2006). В першій виставі він відмовляється від особливого підкреслення вікової характерності й виразно передає палке завзяття філолога в досягненні поставленої мети, яке не суперечить відтворенню романтичної піднесеності героя, що несподівано для себе палко закохався. В пізнішій сценічній версії цієї ролі, де вікова характерність більш відчутна, не менш виразно означений фаховий азарт сполучається з особливо глибоким та вишуканим драматизмом.

Притому обидві версії динамічні й експресивні, багаті на різноманітні пластичні відтінки, психологічні нюанси, що цілком узгоджується з яскраво переданою в мюзиклі багатогранністю художньої палітри Б. Шоу, на вишуканість якої звернула увагу зокрема Анна Образцова: «Героїко-сатиричний театр Шоу не мав наміру протистояти ні гумору, ні ліриці. В самих драмах англійського сатирика присутні обов'язкові елементи своєрідного ліризму, якщо розуміти під цим не вияв сокровених почуттів, а пристрасне вираження заповітних ідеалів і думок» [4, с. 104].

Список літератури

1. Белинский В. Г. О драме и театре : в 2 т. / В. Г. Белинский. – М. : Искусство, 1983.
2. Гуменюк В. Театральна журналістика. Випуск 1 : творчий портрет актора / Віктор Гуменюк. – Сімферополь : Таврія, 2006. – 134 с.
3. Гуменюк В. Театральна журналістика. Випуск 2 : рецензія на виставу / Віктор Гуменюк. – Сімферополь : Таврія, 2008. – 176 с.
4. Образцова А. Г. Бернард Шоу и европейская театральная культура на рубеже XIX – XX веков / А. Г. Образцова. – М. : Наука, 1974. – 392 с.
5. Шоу Б. Полное собр. соч. : в 6 т. / Пер. с англ. / Бернард Шоу. – Т. 4. – М. : Искусство, 1980. – 654 с.

References

1. Belinskii V. G. *O Drame i Teatre: v 2 Tomakh*. [About Drama and Theatre. In 2 Volumes]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1983.
2. Gumenyuk V. *Teatralna Zhurnalistyka. Vypusk 1: Tvorchyi Portret Aktora* [Theatrical Journalism. Issue 1: Creative Portrait of Actor]. Simferopol: Tavria Publ., 2006, 134 p.
3. Gumenyuk V. *Teatralna Zhurnalistyka. Vypusk 2: Retseziya na Vystavu* [Theatrical Journalism. Issue 2: Critique on Performance]. Simferopol: Tavria Publ., 2008, 176 p.
4. Obraztsova A. G. *Bernard Shou i Evropeiskaya Teatralnaya Kultura na Rubezhe XIX–XX Vekov* [Bernard Show and European Art Culture in the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 392 p.
5. Shou Bernard. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 6 Tomakh. Tom 4* [Complete Collection of Works in 6 Volumes. Volume 4]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1980, 654 p.

**ОСОБЕННОСТИ СЦЕНИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ
КЛАССИКИ (ВАЛЕРИЙ КАРПОВ В МЮЗИКЛЕ «МОЯ ПРЕКРАСНАЯ
ЛЕДИ» ПО ПЬЕСЕ БЕРНАРДА ШОУ «ПИГМАЛИОН»)**

Гуменюк В. И.

В статье подчеркивается целесообразность учета при научном постижении художественной классики не только литературоведческих, но и сценических интерпретаций, тем более, когда речь идет о явлениях драматургии. Под соответствующим углом зрения анализируется исполнение известным крымским актером, народным артистом Украины Валерием Карповым роли Джимми Хиггинса в популярном мюзикле композитора Фридерика Лоу и либреттиста Аллана Лернера «Моя прекрасная леди» по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион».

Актер дважды обращался к воплощению образа Хиггинса – в постановке Владимира Аносова (1988) и в постановке Бориса Мартынова (2006). У первом спектакле он отказывается от особого подчеркивания возрастной характерности и выразительно передает стремление Хиггинса непременно достичь успеха в своем дерзком эксперименте, что не противоречит воссозданию романтической приподнятости неожиданно влюбленного. В более поздней сценической версии возрастная характерность более ощутима, здесь не менее выразительно обозначенный профессиональный азарт сочетается особенно глубоким и изысканным драматизмом. При этом обе версии динамичны и экспрессивны, богатые на разнообразные пластические оттенки, психологические нюансы, что вполне согласуется с ярко переданной в мюзикле многогранностью художественной палитры Б. Шоу.

Ключевые слова: литературная классика, драма, мюзикл, сценическая интерпретация.

**THE PECULIARITIES OF THE SCENE INTERPRETATION OF LITERARY
CLASSICS (VALERY KARPOV IN THE MUSICAL *MY FAIR LADY* BASED ON
BERNARD SHOW'S PLAY *PYGMALION*)**

Gumenyuk V. I.

The article emphasizes the important role of scientific study of literary classics in terms of scene interpretation, especially when it concerns drama. In such aspect the author presents the detailed analyses of scene image of Mister Higgins, played by well-known Crimean actor, people's artist of Ukraine Valery Karpov in the performance of musical *My Fair Lady* by composer Frederic Lo and playwright Allan Lerner, based on Bernard Show's drama *Pygmalion*.

The actor turned to Higgins's image twice – in Vladimir Anosov's staging (1988) and Boris Martynov's staging (2006). In the first performance he gives up the special stressing of the age-characteristic and expressively describes Higgins's wish to get success by all means in his impudent experiment, and it doesn't contradict to recreation of the romantic inspiration of the suddenly fallen in love person. In later staging age-characteristic is more tangible, here expressively determined professional excitement connects with especially deep and sophisticated dramatic effect. Herewith, both versions are dynamic and expressive, rich by various plastic hues, psychological nuances, which are absolutely approve to the versatility of B. Show's art palette, brightly described in the musical.

Keywords: literary classics, drama, musical, scene interpretation.

УДК 821.161.1

И. СЕЛЬВИНСКИЙ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ В. ПАРНАХА

Корчевская О. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: ok_vs@inbox.ru

Данная статья вводит в научный оборот новый документ из архива Дома-музея И. Сельвинского – статью русского эмигранта В. Парнаха на французском языке 1928 года о молодой русской поэзии 1920-х годов на примере творчества Б. Пастернака, И. Сельвинского и Б. Лапина. В статье производится сопоставительный анализ биографий Парнаха и Сельвинского. Обосновывается предположение о возможности личного знакомства И. Сельвинского и В. Парнаха через общего знакомого – Е. Габриловича. Исследуемая статья рассматривается в контексте литературной критики и творчества В. Парнаха в целом, а также в литературно-историческом контексте эпохи. Выясняется, что, находясь в курсе многих событий литературной жизни Москвы 1920-х годов, Парнах не знал или сознательно умолчал в своей статье о ряде важных фактов – революционных поэмах Б. Пастернака и смерти С. Есенина. Выясняется причина неприязни В. Парнаха к С. Есенину. Выясняется, что фигура И. Сельвинского у Парнаха имеет много общего с В. Маяковским, сам образ крымчакского поэта во многом заимствован из описания В. Маяковского французским писателем П. Мораном в памфлете «Я жгу Москву» 1924 года. В подтексте статьи обнаруживается еврейская тема. Выясняется, что автора и его героев роднит еврейское происхождение, по разному отзывающееся и преломляющееся в творчестве, а также интерес к эксперименту в искусстве.

Ключевые слова: И. Сельвинский, В. Парнах, русско-еврейская литература, еврейская тема, культура 1920-х годов, русский европеизм, советское западничество, литературная критика русского зарубежья о советской литературе.

ВВЕДЕНИЕ

В фондах дома-музея И. Сельвинского хранится статья на французском языке «Sur la Jeune Poésie Russe» о молодых русских поэтах 1920-х годов Б. Пастернаке, И. Сельвинском и Б. Лапине. Эта статья была издана в самом влиятельном литературном журнале межвоенной Европы “La Nouvelle Revue française” (Новое французское обозрение) в мае 1928 года. Подписана она именем «Valentin Parnac». В фонды дома-музея этот документ попал из личного архива И. Сельвинского, следовательно, поэт-конструктивист эту статью знал, хотя его дочери Татьяне Ильиничне имя Парнаха не знакомо¹.

¹ Личная переписка Корчевской О.В. и Сельвинской Т.И. в июне 2018 года.

Именем «Рапас» подписывал свои французские статьи Валентин Парнах (1891-1951), поэт, эссеист, переводчик и танцор, оставивший след в культуре Европы, русского зарубежья и советской России. Жизнь русского еврея и русского европейца Парнаха прошла между Россией, Европой и Палестиной. В советский период это имя было забыто, но на современном этапе Парнахом заинтересовались исследователи разных специальностей - как музыковеды, так и филологи. Были переизданы основные работы В. Парнаха: перевод «Приключений барона де Фенеста» Т.А. д'Обинье (2001), воспоминания о парижском периоде жизни «Пансион Мобер» (2005), книга об испанских и португальских поэтах, жертвах инквизиции (2012). Вышел целый ряд исследовательских работ о Парнахе – П. Нерлера (вступительная статья к «Пансиону Мобер»), Л. Ливака и А. Устинова – о Парнахе и литературном авангарде русского Парижа, О. Купцовой – о Парнахе и Мейерхольде, А. Михайлова – о Парнахе поэте и переводчике [1, 5, 6, 8, 9]. Однако статья Парнаха о Сельвинском нигде не фигурирует. Вообще имя поэта-конструктивиста никем не упоминается рядом с Парнахом. Вводя в научный оборот статью Парнаха о Сельвинском, мы восполняем этот пробел.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

На первый взгляд, Парнах и Сельвинский имеют мало общего. Во-первых, физически: атлет Сельвинский, прошедший Гражданскую войну, работавший борцом и грузчиком, и – щуплый, веснушчатый, рыжеватый «жирафовидный истукан» В. Парнах. Во-вторых, культурно-мировоззренчески: русский европеец Парнах и, скорее, русский евразиец Сельвинский². Их разница в возрасте – 8 лет – является очень существенной из-за революции 1917 года. Если Парнах, родившийся в 1891

² Совсем неслучайной нам представляется его публикация в первом номере евразийского журнала русской эмиграции «Версты» (1926). Среди авторов этого альманаха были также М. Цветаева и Б. Пастернак, С. Есенин, И. Бабель, А. Веселый, А. Ремизов.

году, успел напитаться культурой Серебряного века, то Сельвинский принадлежит уже к поколению без дореволюционной биографии.

В то же время Парнаха и Сельвинского объединяли любовь к поэзии, стремление привнести нечто радикально новое в искусство и литературу, а также еврейское происхождение. Как известно, на рубеже XIX-XX веков еврейский вопрос сильно обострился, затем напряжение стало нарастать, вылившись в Холокосте. Еврейская среда в этот период чрезвычайно активизировалась. Одни старались вернуться к своим иудейским корням, другие от своего еврейства отрекались, старались его изжить, ассимилироваться, но все равно всю жизнь этим мучались.

Для Парнаха еврейская тема была одной из главных в жизни. Именно боль за положение евреев пробудила в нем поэта. В 9 лет он написал: «Моисей, о, если б ты увидел // Позор народа своего...». Свою фамилию – Парнох – он изменил на «Парнах», чтобы приблизить ее к сефардскому и, одновременно, ветхозаветному звучанию³. Главным делом его жизни стал сбор, перевод и публикация материалов о поэтах-сефардах, ставших жертвами инквизиции. Сельвинский, как известно, также отдал дань еврейской теме⁴, хотя, как доказывает в своем исследовании «Кафтаны и лапсердаки» А. Львов, отношение поэта-крымчака к своему еврейскому происхождению было двойственным и противоречивым⁵.

Могли ли Парнах и Сельвинский быть знакомы? Вполне возможно. В 1922-25 годах оба были в Москве, общались в одних кругах. У них был, по крайней мере, один общий знакомый – Евгений Габрилович, игравший на рояле в джаз-банде В. Парнаха и входивший в Литературный центр конструктивистов И. Сельвинского.

После отъезда в Европу в 1925 году Парнах написал несколько статей о русской поэзии начала 1920-х («In the Russian World of Letters» // *The Menorah Journal* (New York). 1926. Vol. 12. №3; «Les poètes russes d'aujourd'hui» («Europe»,

³ Акимова М. Парнах Валентин Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. – С. 532.

⁴ См., например, Шраер М. Д. Илья Сельвинский, свидетель ШОА // *Новый мир*. – 2014. - № 4.

⁵ См.: Львов А. Л. Кафтаны и лапсердаки. Сыны и пасынки: писатели-евреи в русской литературе. - Москва : Книжники, 2015. – 684 с.

1926, № 40). Героями тех статей были О. Мандельштам, Б. Пастернак, Б. Лапин, М. Гершензон и П. Антокольский. Сельвинский же стал представлять российскую поэзию у Парнаха в 1928 году. За эти два года поэт, как известно, серьезно заявил о себе: в 1926 году вышел его первый поэтический сборник «Рекорды», в 1927 - «Улялаевщина».

Обращает на себя внимание тот факт, что в статье 1928 года не упоминается О. Мандельштам – близкий знакомый В. Парнаха и на тот момент уже признанный большой поэт. Одно из объяснений этому можно найти в мандельштамоведении, где получила распространение история о ссоре между Парнахом и автором «Камня» после выхода повести «Египетская марка» [8, 2]⁶. Мандельштам наделил героя повести именем и некоторыми чертами Парнаха. Характерной приметой обоих были «лаковые штиблеты» [9]. Но еще важнее сходство внутреннее, заключающееся в «сочетании хрупкости, напуганности, уязвимости и уязвленности с чувством достоинства, чести, с бесстрашием в вопросах жизни и смерти» [8, с.13]. «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него...», - восклицает в повести Мандельштам.

Парнах прочел эту повесть как пасквиль на себя. Е. Арензон пошел дальше и предположил, что Мандельштам не был инициатором этой ссоры: он ответил на негативный отзыв о его творчестве в упомянутой выше статье Парнаха 1926 года [Цит. по 2]. Прочитав «Египетскую марку» и обидевшись, Парнах действительно мог вычеркнуть все упоминания о Мандельштаме из своей готовившейся к печати статьи.

Вообще статья Парнаха, о которой здесь идет речь, производит впечатление двойственное и противоречивое. С одной стороны, автор декларирует свое намерение говорить о новом и злободневном. И действительно касается актуальных для 1920-х тем в русской литературной жизни: идеология пролеткульта, ЛЕФовцев Маяковского и конструктивистов. Так, он пишет: «Постепенно, начинает осуждаться не только

⁶ Исследователи Мандельштама базируются здесь на воспоминаниях сына В. Парнаха – А. В. Парнаха, узнавшем об обиде отца на Мандельштама от своей матери [1, с. 531]. Исследователь Л. Кацис этим источникам не доверяет.

мистицизм, но все (всякие) попытки сложной и индивидуалистской поэзии. Марксисты требуют, чтобы литература подстраивалась под пролетариат. Футуристы стараются стать марксистами, а молодые люди рабоче-крестьянского происхождения массово начинают слагать вирши» [14, с. 708].

Начиная с 1925 и вплоть до 1930 года велся достаточно напряженный спор между Левым фронтом и конструктивистами. Парнах приводит один из главных принципов конструктивизма, который подчеркивали члены ЛЦК, противопоставляя себя Лэфовцам: «Сегодня эпоха конструкции и организации приходит на смену военного футуризма» [14, с. 710]. Конструкция и организация вместо разрушения и нигилизма.

В остальном Парнах (как, кстати, и многие исследователи) различия между ЛЕФом и ЛЦК не видит. Он отмечает, что лозунг «Искусство – служанка марксизма», добродетель научной организации труда (НОТ) и желание побороть иррациональную поэзию объединяет тех и других [14, с. 708-710].

В выявлении сходства между ЛЕФом и ЛЦК Парнах идет еще дальше. Он изображает вождей этих групп Маяковского и Сельвинского чуть ли не как двойников. Делает он это с помощью цитаты. Парнах характеризует Сельвинского словами французского писателя Поля Морана о Маяковском из скандального памфлета 1924 года «Я жгу Москву». В этом памфлете Маяковский выведен под именем Мордехая Гольдвассера, а Лиля Брик – Василисы Абрамовны. Полю Морану лицо красного поэта напомнило «американских боксеров-евреев, которые недавно появились на ринге» [4]. Этими же самыми словами, ссылаясь на Морана, но не упоминая, что у того они относятся к Маяковскому, описывает Сельвинского Парнах. Моран отмечает силу и необузданность Мордехая. У Парнаха Сельвинский «врывается на арену поэзии как полуслепой бык» [14, с. 709].

Сходство отмечается не только в их внешности, но и в творчестве. Маяковский у Морана «боксирует словами, употребляет каламбуры, грубые выражения, народные образы, монологи сумасшедших, фольклор, деревенское просторечие, диалекты инородцев, жаргон мастеровых» [4]. Сельвинский, по словам Парнаха, умеет «использовать воровской жаргон и стиль цыганских песен» [14, с. 710]. Из-под пера

Маяковского вышли «политические пьесы, атеистические песенки для детей, патриотические гимны, оды сельскохозяйственным удобрениям, каллиграммы в форме серпа и молота, рекламы государственной промышленности» [4]. Конструктивисты Сельвинского хващают знанием «языка газет и большевистских настольных книг», вместе с Маяковским они называют себя «социалистическими поэтами» [14, с. 710]. Маяковский и Сельвинский, по словам Парнаха, «с головой ушли в современность» [14, с. 711].

В то же время Парнах замечает в творчестве Сельвинского и своеобразные черты. В частности, речь идет об умении поэта-крымчака «описывать увиденные воочию кровавые события гражданской войны», проявившемся в «Улялаевщине» [14, с. 711].

Знание важных событий литературной жизни Москвы 1920-х годов сочетается у Парнаха со значительными пробелами или же умолчаниями. Парнах говорит о творчестве Пастернака 1910-х – начала 1920-х годов и не знает либо умалчивает о его «революционных поэмах» («Лейтенант Шмидт» (1926) и «905-й год» (1927)). Русское зарубежье познакомилось с этими поэмами Пастернака еще до выхода их отдельной книгой (отдельные отрывки были напечатаны в журналах «Версты» и «Воля России»), и в 1926-27 годах все влиятельные критики эмиграции – З. Гиппиус (А. Крайний), В. Ходасевич, Г. Адамович – на эту тему высказались [11]. Как и следовало ожидать, нового Пастернака они не приняли [11].

Умолчав о революционных поэмах Пастернака, Парнах поставил в упрек партийную работу Маяковскому. Красного поэта Парнах охарактеризовал как «бывшего апаша», ныне – «высокого литературного чиновника», по-видимому, имея в виду активное сотрудничество Маяковского с Наркомпросом в 1918-1925 годах.

Совершенно уничижительно Парнах отозвался о Есенине - «слащавый *mojijk* с душой гитариста» [14, с. 709]. Создается впечатление, что он не знал о смерти поэта в декабре 1925 года, наделавшей столько шума и в советской, и в заграничной прессе. Для многих критиков русского зарубежья смерть поэта изменила отношение к нему. Если при жизни Есенина Г. Адамович писал о нем как о «дряблом, вялом, приторном,

слащавом стихотворце», то в 1929 отметил, что в последние годы поэт стал «сложнее и привлекательнее» [13, с. 401].

Объяснение такой пристрастности Парнаха находим в его воспоминаниях «Пансион Мобер». Он пишет: «В Москве я уже задыхался от тирании предшественников РАППа, от злобного православия старой загнивающей интеллигенции, от расцветшего с новой силой общественного антисемитизма. Особенно ненавидели меня так называемые «крестьянские поэты» - погромщики, которые считались тогда революционными писателями и состояли даже редакторами. Моих стихов не печатали. Я был опять обречен на молчание. Не раз мне казалось: это чудовищный сон» [10, с. 81]. Действительно, как известно, новокрестьянские поэты С. Есенин, А. Ганин, П. Орешин и С. Клычков обвинялись в национализме и антисемитизме. Таким образом, уничижительно характеризуя в своей статье Есенина, Парнах, по всей видимости, сводит личные счеты с ним.

Еврейская боль звучит не раз в подтексте статьи Парнаха. Говоря о творчестве Бориса Лапина, Парнах отмечает, что к творчеству этого рано созревшего гения хорошо подходят строки Лермонтова: «За то, что мы боготворим, Что презираете вы хладно!» Сам он комментирует это следующим образом: Лапин, в отличие от поэтов-пролеткультовцев и футуристов, любит Прошлое и Заграницу. Во фрагменте о Лапине отсутствует тема боли и гнева еврея в антисемитском мире, но зато эта тема без околичностей прописана в связи с его собственными созвучными строками в «Пансионе Мобер». «Я ненавижу все, что любишь ты, урод, // Я полюблю все то, что ты возненавидишь. // В упор! Моя любовь - твоя вражда и смерть. // В упор! Твоя вражда - моя любовь и жизнь. // Хотя бы в этом мы - увы! – неразделимы» - пишет он во фрагменте о преследованиях евреев в царской России [10, с. 69-70]. Именно еврейские погромы стали причиной его эмиграции из России в 1915 году.

Парнах на протяжении всей жизни испытывал к своей родине России очень противоречивые чувства. Неизменным в его жизни было только чувство своей чуждости и изгнанничества. Оно не покидало его ни в России, ни в Палестине, ни в Европе, ни до – ни после революции. В то же время не оставляла и надежда на изменение обстоятельств, на обретение настоящей родины, что и обусловило его

метания по странам в течение всей жизни. Во Франции в конце 1920-х годов усиливались антисемитские настроения, поэтому даже в либеральном и аполитичном «Nouvelle Revue Française» Парнаху пришлось спрятать еврейскую тему в подтекст.

Так, например, еврея Штейна в поэме «Улялаевщина» Парнах называет иносказательно «один из героев Сельвинского».

Еще один пример спрятанной в подтекст еврейской темы – наблюдение, сделанное о своеобразии поэтической манеры Сельвинского в «Песни в казацком походе». Использование в ней особых интонационных знаков – вопросительный знак в середине слова, перенос ударения и т.д. – напоминает критику Библиейские стихи. В действительности особые знаки – знаки кантилляции – использовались только в Танахе – древнееврейском тексте Ветхого Завета. Парнах же это важное уточнение не делает.

Образ Штейна для Парнаха был олицетворением западничества. Он называет героя «трезвомыслящим и волевым» и приводит его слова в поэме: «Не люблю России – тупа». Как и многие интеллектуалы того времени, Парнах размышлял о русской культуре в оппозициях «стихия/ хаос – порядок», «женственное – мужественное», «безволие – воля».

Как «советское западничество» расценивал конструктивизм, да и социализм в целом, главный теоретик конструктивизма К. Зелинский. В работе «Госплан литературы» 1925 года он пишет: «Можно, наконец, сказать, что ленинизм, взятый в приложении ко всем нашим расейским «стихиям», выступает перед нами в известной своей части (и я это подчеркиваю) как гигантский организационный натиск, как необыкновенно яркое господство плана, как овладение при помощи плана “бесформенным хаосом”» [3].

Об упорядочении хаоса говорит Парнах и в связи с Пастернаком. Если в раннем творчестве над душой поэта властвовал дух бури, грозы, он стремился к слиянию со стихией, то с возрастом, как пишет Парнах, Пастернак «начинает проявлять некоторую мужественную трезвость», «его идеи уточняются», «его энергия сосредотачивается в анапестическом стихе» [14, с. 709].

О Лапине Парнах говорит, что тот «смог примирить свой «негритянский стиль» с чистым и обдуманым языком» [14, с. 711]. Слово «негритянский» здесь следует понимать как «первозданный». Именно в 1910-20-е годы Европа увидела в негритянской культуре источник первозданной энергии, который может обновить и оживить одряхлевшую культуру Европы. Из негритянской музыки вышел джаз, восхитивший Парнаха до того, что тот решил привезти его в РСФСР. Стиль самого Парнаха-танцора также характеризовало соединение негритянского фольклора с «неповторимым хореографическим искусством», как отмечал его знакомый, поэт русского Парижа Довид Кнут [Цит. по 8, с. 11].

Парнаха, как и всех тех, о ком он писал, интересовал эксперимент в искусстве. В этом смысле все они были модернистами, а порой – и авангардистами. В отличие от революционных футуристов, они не разрывали с традицией прошлого, но стремились модернизировать ее. Во второй половине 1920-х годов авангардистское искусство стало затухать. Место эксперимента и в русском зарубежье, и в советской России, занял реализм. Черты авангардистской поэтики еще кое-где проявлялись, но уже в соединении с реализмом. На наш взгляд, этот процесс перехода от авангарда и модернизма к соцреализму и зафиксирован в статье В. Парнаха. Отражает статья и возрастание роли подтекста в литературе под влиянием идеологии.

ВЫВОДЫ

Таким образом, несмотря на принадлежность к разным поколениям, разные культурно-мировоззренческие принципы, Сельвинский и Парнах, в целом, принадлежали к одному кругу – русско-еврейских интеллектуалов и литераторов 1920-х годов, в который входили Б. Пастернак, О. Мандельштам, П. Антокольский, Б. Лапин, М. Гершензон, М. Гнесин, В. Мейерхольд, Д. Кнут, А. Гингер, И. Эренбург и многие другие. Парнах и Сельвинский вполне могли быть лично знакомы: оба были в Москве в 1922-25 годах, в этот период у них был общий знакомый – Евгений Габрилович, входивший одновременно в джаз-банд Парнаха и ЛЦК Сельвинского. Парнаха и Сельвинского объединял также интерес к авангарду, сочетавшийся с еврейской темой, а также фольклором.

Статья «Sur la Jeune Poésie Russe» 1928 года – третья по счету статья Парнаха для иностранной прессы о русской поэзии 1920-х годов. Еврейская тема в ней завуалирована, спрятана в подтекст. Именно в этой статье впервые появляется Сельвинский, вошедший в литературу в 1927 году как автор «Улялаевщины». Фигура Сельвинского у Парнаха имеет много общего с В. Маяковским, сам образ крымчакского поэта во многом заимствован из описания В. Маяковского французским писателем П. Мораном в памфлете «Я жгу Москву» 1924 года. Находясь в курсе многих событий литературной жизни Москвы 1920-х годов, Парнах не знал или сознательно умолчал в своей статье о ряде важных фактов – революционных поэмах Б. Пастернака и смерти С. Есенина. На протяжении всей жизни Парнах страдал от антисемитизма. Боль за преследование евреев в мире сочеталась у него с ненавистью к погромщикам и националистам. Именно этим часто объясняется пристрастность Парнаха как литературного критика, как, например, в случае с Есениным.

Список литературы

1. Акимова М. Парнах Валентин Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. – С. 531–533.
2. «Египетская марка» Осипа Мандельштама: пояснения для читателя. – М.: ОГИ, 2012. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/550838.html>
3. Зелинский К. Госплан литературы. – Режим доступа: <https://zelinski.org/osnovnyie-raboty-i-o-konstruktivizme/> (Дата обращения 12.08.2018)
4. Золотоносов М. М/З, или Катаморан: Рассказ Поля Морана «Я жгу Москву» с комментариями. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1996.
5. Купцова О. Н. Валентин Парнах в театре Мейерхольда: к истории театральных контактов Советской России и Запада 1920-х гг. // Новые российские гуманитарные исследования. – 2012. - № 12. – Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/303/> (Дата обращения 15.08. 2018)

6. Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа. История, хроника, антология, документы. – М.: ОГИ, 2014. – 992 с.
7. Львов А. Мотъкэ-Малхамовес Илья Сельвинский // Львов А. Кафтаны и лапсердаки. Сыны и пасынки: писатели-евреи в русской литературе. – Москва, 2015. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1055610> (Дата обращения 15.08.2018)
8. Нерлер П. Вступительная статья к «Пансиону Мобер» В. Я. Парнаха // Диаспора. VII. – Париж., СПб.: Athenaеum- Феникс. 2005. – С. 7-16.
9. Павленко И. П. Валентин Парнах – карабкающийся акробат // Вехи Таганрога. - 2010. - № 44. - С.21–24.
10. Парнах В. Я. Пансион Мобер. Вступит. статья П. Нерлера. Публикация и комментарии П. Нерлера и А. Парнаха // Диаспора. VII. – Париж., СПб.: Athenaеum- Феникс. 2005. – 91 с.
11. Сергеева-Клятис А.Ю. Поэма Б. Пастернака «905-й год» в советской журналистике и критике русского зарубежья // История литературы и публицистики. – 2013. – Вып. 4. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1483> (Дата обращения 20.08.2018)
12. Шраер М. Д. Илья Сельвинский, свидетель ШОА // Новый мир. – 2014. - № 4. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/4/m11.html (Дата обращения 12.08.2018)
13. Шубникова-Гусева Н. И. Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918-1945) // Les Premières Rencontres de l'Institut européen Est-Ouest. С. 385-414.
14. Parnac V. Sur la Jeune Poésie Russe // La Nouvelle Revue Française. 1928. № V. P. 708-712.

References

1. Akimova M. Parnakh Valentin Yakovlevich. Russkie Pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar. [Russian Writers. 1800-1917. Biographical Dictionary] Moscow, 1999. V. 4. P. 531–533.
2. «Yegipetskaya marka» Osipa Mandelshtama: Poyasneniya dlya Chitatelya. [O. Mandelstam's Egyptian Stamp: Reader's Companion]. Moscow, Associated

- Humanitarian Publ., 2012. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/550838.html> (Accessed 12.08.2018).
3. Zelinskii K. Gosplan Literatry. [The State Plan for Literature]. Available at: <https://zelinski.org/osnovnyie-raboty-i-o-konstruktivizm> (Accessed 12.08.2018).
 4. Zolotonosov M. M/Z, ili Katamoran: Rasskaz Polya Morana «Ya zhgu Moskvu» s kommentariyami. [M/Z, or Katamorand: Paul Morand's Short Story Je brûle Moscou with Comments]. Saint-Petersburgh, INAPRESS Publ., 1996.
 5. Kuptsova O. N. Valentin Parnakh v Teatre Meiyerkhol'da: k Istorii Teatral'nykh Kontaktov Sovetskoi Rossii i Zapada 1920-kh gg. [Valentin Parnakh in Meyerhold's Theatre: to the Question of History of Theatre Contacts Between Soviet Russia and the West in the 1920s] New Russian Humanitarian Research. 2012. № 12. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/303/> (Accessed 15.08. 2018).
 6. Livak L., Ustinov A. Literaturnyi Avangard Russkogo Parizha. Istoriya, Khronika, Antologiya, Dokumenty [The Russian Literary Avant-garde in the 1920s Paris. History, Chronicle, Anthology, Documents]. Moscow, Associated Humanitarian Publ., 2014. 992 p.
 7. L'vov A. Mot'keh-Malkhamoves Il'ya Sel'vinskii [Motke Malhamoves Ilya Selvinsky] Kaftany i lapserdaki. Syny i Pasyunki: Pisateli-Yevrei v Russkoj Literature [Caftans and Lapserdacks: Sons and Stepsons: Jewish Writers in Russian Literature]. Moscow, 2015. Available at: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1055610> (Accessed 15.08.2018)
 8. Nerler P. Vstupitel'naya Stat'ya k «Pansionu Mober» V. Ya. Parnakha [Preface to V. Parnakh's "La Pension Maubert"] Diaspora. VII. Paris, Saint-Petersburgh: Athenaeum-Phoenix Publ., 2005. P. 7–16.
 9. Pavlenko I.P. Valentin Parnakh – Karabkayushchiisya Akrobat [Valentin Parnakh – A Climbing Acrobat] Vekhi Taganroga [The Milestones of Taganrog]. 2010, № 44. P. 21–24.

10. Parnakh V. Ya. Pansion Mober [La Pension Maubert]. Preface by P. Nerler. Publication and Comments by P. Nerler and A. Parnakh Diaspora. VII. Paris, Saint-Petersburgh: Athenaeum-Phoenix Publ. 2005. 91 p.
11. Sergeeva-Klyatis A.Yu. Poema B. Pasternaka «905-i God» v Sovetskoï Zhurnalistike i Kritike Russkogo Zarubezhya [B. Pasternak's Poem "The Year of 1905"] Istoriya Literaturny i Publitsistiki [History of Literature and Journalism]. 2013. Issue. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1483> (Accessed 20.08.2018)
12. Shrayner M. D. Il'ya Sel'vinskii, Svidetel' SHOА [Ilya Selvinsky, Witness to the Shoah] Novyi mir [New World]. 2014. № 4. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/4/m11.html (Accessed 12.08.2018)
13. Shubnikova-Guseva N.I. Diskurs Russkoï Emigratsii o Esenine (1918-1945) [Russian Émigré Discourse on Yesenin] Les Premières Rencontres de l'Institut Européen Est-Ouest. P. 385-414.
14. Parnac V. Sur la Jeune Poésie Russe. La Nouvelle Revue Française. 1928. № V. P. 708–712.

ILYA SELVINSKY IN V. PARNAKH'S FRENCH LITERARY CRITICISM

Korchevskaya O. V.

This article introduces and examines a new document from the archive of the Selvinsky House-Museum. It's a French article by the Russian emigrant V. Parnakh published in *Nouvelle Revue Française* in 1928. It's devoted to the young Russian poetry of the 1920s and in particular to B. Pasternak, I. Selvinsky and B. Lapin's works. The researcher compares the biographies of Parnakh and Selvinskii. It is suggested that I. Selvinskii and V. Parnakh might have got acquainted through Ye. Gabrilovich, their mutual friend. Parnakh's article is studied in the context of literary criticize and his works in whole, also in literary and historical context of the epoch. The article explores that Parhakh kept on many events in the Moscow literary life of the 1920s. But he did not know or deliberately ignored in his article a number of important facts - the revolutionary poems of B. Pasternak and the death of S. Yesenin. The article brings to light the reason for Parnakh's dislike of S. Yesenin. It is revealed that the figure of I. Selvinsky in Parnakh's article has much in common with V. Mayakovsky. The image of the Krymchak poet was largely borrowed from the description of V. Mayakovskii by the French writer P. Morand in the pamphlet *I Burn Moscow* (1924). The subtext of the article reveals a Jewish theme. The article explores the details of the author's and his heroes' common Jewish origin. It is responded and interpreted differently in his works. The article deals with Parnakh's interest to the experiment in art.

Key words: I. Selvinsky, V. Parnakh, Russian and Jewish literature, Jewish theme, culture of the 1920s, Russian Europeanism, Soviet Westernism, Russian émigré literary criticism on Soviet literature.

УДК 82.091(=1.4)/(=1.9)

**«НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ» ЗАДАЧА НАЦИОНАЛЬНОГО АВТОРА
В ОСМЫСЛЕНИИ В. Г. БЕЛИНСКОГО**

Орехов В. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: v-orehov@mail.ru

В статье прослеживается эволюция теории В. Г. Белинского о роли русской литературы в развитии мировой литературы. Утверждается мысль, что разработанная В. Г. Белинским концепция национальной и мировой роли русского литератора явилась откликом на идеологический запрос, существовавший в русской литературе, и представляет собой обобщенную, теоретически завершенную систему взглядов, консолидировавшую творческие усилия авторов и нацеливавшую эти усилия на достижение общенациональной цели. Умозаключения Белинского обеспечили теоретической базой, существовавшее в русской литературе и в русской читательской аудитории представление о национальной значимости национально-представительской роли литератора.

Ключевые слова: национальный имидж, творческая индивидуальность, Белинский, национальное своеобразие.

ВВЕДЕНИЕ

Постижение природы творческой индивидуальности – одна из наиболее сложных задач литературоведения, поскольку творческая индивидуальность рождается в результате синтеза множества разнородных факторов, одни из которых имеют личностный характер (талант, жизненный опыт, эстетические пристрастия, межличностные связи и т. д.), а другие – общий (исторический контекст, литературные традиции, литературная партийность и т. д.). Среди факторов общего характера представляется целесообразным учитывать и общенациональные литературные цели, которые для всякой эпохи и для каждой национальной литературы весьма специфичны. Эти цели определяются посредством своеобразных литературных «идеологий», способных на определенных этапах литературного процесса придать творческим усилиям отдельных авторов общее направление, совместить «горизонты» авторских устремлений и читательских ожиданий. И, думается, именно в контексте этих «идеологий» следует объяснять особенности творческой тактики тех или иных литераторов той или иной эпохи.

Так, применительно к русской литературе первой половины XIX в. легко заметить постоянно усиливавшуюся тенденцию: стремление литераторов приобрести популярность не только в России, но и среди европейских читателей. Это, разумеется, может объясняться авторским тщеславием (обычным явлением для любой эпохи). Но только ли этим?

Нас должно насторожить, что зарубежные успехи российских литераторов воспринимались как предмет гордости не только самими литераторами, но и российской критикой, читательской аудиторией. Положим, и это можно объяснить тщеславием, в данном случае – национальным. Но и здесь существует обстоятельство, которое заставляет искать более существенное объяснение. Дело в том, что успехи русских авторов за рубежом не просто переживались в России на уровне коллективных эмоций, а становились предметом частных и публичных литературных дискуссий, подвергались осмыслению в историко-культурном контексте. А стало быть, российская реакция на внимание европейцев к русской литературе диктовалась не только эмоциями, но и убеждениями. Полагаем, что в наиболее четкой, логичной форме эти убеждения были сформулированы В. Г. Белинским.

Цель нашей статьи – доказать, что разработанная В. Г. Белинским концепция национальной и мировой роли русского литератора явилась откликом на идеологический запрос, существовавший в русской литературе, и представляет собой обобщенную, теоретически завершенную систему взглядов, консолидировавшую творческие усилия авторов и нацеливавшую эти усилия на достижение общенациональной цели. При этом необходимо решить следующие **задачи**: доказать, что «национально-представительская» роль автора являлась объектом осмысления русскими литераторами; проследить эволюцию идей В. Г. Белинского о мировом значении русской литературы; оценить значение концепции В. Г. Белинского для процесса продвижения русской литературы к мировому читателю. **Объект** статьи – роль литератора как представителя отечественной литературы за рубежом, **предмет** – осмысление В. Г. Белинским национальных и «наднациональных» задач русских литераторов и русской литературы в целом.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Рост личной популярности вызывает трансформации и в авторском сознании, и, следовательно – в творческой тактике автора. Эти преобразования связаны с тем, что растущая популярность меняет статус литератора, ставит перед ним новые задачи, накладывает новую ответственность. Так, на определенном уровне известности репутация автора выходит за границы национальной читательской аудитории и превращается в компонент общенационального имиджа. При этом читатель стремится делегировать знаменитым отечественным авторам роль представителей *своей* национальной культуры за рубежом, и автору, как правило, известно об этом возросшем уровне читательских ожиданий. Так было, например, с А. С. Пушкиным. В письме от начала декабря 1825 г. Е. А. Баратынский звал к нему: «Возведи русскую поэзию на ту ступень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело – признательность и удивление» [6, с. 253]. В 1830 г. подобный призыв обращал к Пушкину С. П. Шевырев: «Ты русских дум на все лады орган! / Помазанный Державиным-предтечей, / Наш депутат на европейском вече, / Ты – колокол во славу россиян!» [5, с. 191]. Пушкин и сам сознавал, что русская литература должна быть выведена на европейский уровень известности, и готов был подбадривать литературных соратников для продвижения их к европейскому читателю. Весной 1825 г., убеждая А. А. Бестужева взяться за создание романа, он предрекал перспективу подобного начинания: «Вообрази: у нас ты будешь первый во всем значении этого слова; в Европе также получишь свою цену – во-первых, как истинный талант, во-вторых, по новизне предметов, красок etc...» [6, с. 156]. Анализируя знаменитые имена русских литераторов, Пушкин примерял к ним роль возможных представителей русской литературы в Европе. Перечитав «всего Державина», летом 1825 г. он делился с Дельвигом: «Ей богу, его гений думал по-татарски – а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости национальной не скажем всего, что мы знаем об нем» [6, с. 179]. Зададимся вопросом, как вообще в литературных

представлениях России того периода расценивалась национально-представительская роль автора?

Литератор, создавая произведение, стремится «вписать» его в поток литературной жизни и вместе с тем осуществить посредством этого произведения новый шаг в развитии литературы. Точно так же и отдельная национальная литература стремится осознать свое место в кругу других национальных литератур и определить сущность своего вклада в копилку мировой литературы. Однако чтобы определить, в каком направлении движется литературное развитие, чтобы угадать его стратегические цели, необходимы точки отсчета. Необходимы ориентиры, которые позволили бы и литераторам, и читателям оценить, какое же произведение действительно является шагом вперед, а какое ведет в тупиковом направлении.

На узких интервалах эти ориентиры обнаруживаются легко. Так, например, для литературы натурализма главным показателем достоинств произведения служит точность отражения реальности. Но ведь понятно, что подобный показатель совершенно не применим в масштабе значительной эпохи, в русле которой взаимодействует несколько литературных школ и направлений. Ясно, что, скажем, русская романтическая литература и русская реалистическая литература ставили перед собой разные задачи и цели, но ведь ясно и то, что существовали некие цели, которые в равной мере преследовали и писатели-романтики, и реалисты – те цели, которые ставила перед собой национальная литература в целом.

Для русской литературы XVIII в., думается, подобной стратегической целью было освоение тех достижений, к которым уже пришли передовые литературы Европы. Когда эта цель была во многом достигнута, появилась необходимость в поиске новой, глобальной перспективы. Кто-то предлагал в качестве абсолютной цели усовершенствование классицистических начал, кто-то – осмысление действительности с позиций романтизма, кто-то – видел главнейшую задачу отечественной литературы в точном отображении национальной жизни, а кто-то – в абстрагировании от реальности, в том числе и национальной. Но все эти цели были слишком мелки, чтобы наполнить смыслом набравшее темп движение русской

литературы, которая постоянно наращивала свои масштабы, интересы и разнообразие форм.

Осмыслить логику движения русской литературы, выяснить ее стратегическую цель весьма последовательно стремился и В. Г. Белинский. В первой же крупной работе «Литературные мечтания» (1834) Белинский начал выстраивать модель развития русской литературы и определять значимость того или иного автора в рамках этого развития. Сразу же стало очевидным и то, что в качестве основного критерия оценки он избрал вклад авторов в создание самобытной, действительно национальной русской литературы – будь то отразившие «народный дух» басни Крылова или переводы и «переделки» Жуковского, познакомившие российского читателя с литературой Англии и Германии.

Но вот важный момент – говоря о Жуковском, Белинский подытоживал так: «Жуковский есть поэт <...>, оказавший русской литературе неоцененные услуги, поэт, который никогда не забудется <...>; но вместе с тем и не такой поэт, которого б можно было назвать поэтом собственно русским, имя которого б можно было провозгласить на европейском турнире, где соперничают *народными* славами» [1, т. 1, с. 49]. Эта мысль пока проскальзывает будто случайно, к слову. Да и выглядит она как-то противоречиво: Жуковский для России хороший поэт, но Европе его показывать не стоит. Так хорош или плох все-таки поэт Жуковский?

Через 7 лет в статье «Русская литература в 1840 году» Белинский снова вернулся к этой проблеме. Он заявил, что до Пушкина русской литературы не было, а «вместо нее была словесность – ряд <...> явлений, вышедших не из родной почвы русского духа, а из подражаний чужим образцам...» [1, т. 1, с. 714] То есть Белинский снова предлагает в качестве оценочного критерия – степень национальной самобытности авторского творчества. Но теперь он находит логический поворот, который позволяет устранить противоречие между оценками национального и мирового значения писателя. И вот как это происходит.

Карамзин, Жуковский и Батюшков, полагает Белинский, развивали в своих сочинениях «не содержание русской жизни», а знакомили русских «с содержанием европейской жизни». В их произведениях отсутствовало «сознание» русского народа,

не выражалось его «миросозерцание». А следовательно, их творчество, рассуждает Белинский, – это «знакомство России с Европой, а не Европы с Россией». «Только с Пушкина, – продолжает Белинский, – начинается русская литература, ибо в его поэзии бьется пульс русской жизни. Это уже не знакомство России с Европой, но Европы с Россией» [1, т. 1, с. 712]. Таким образом, оценочная система, предложенная Белинским, логически «закольцевалась»: автор, внесший вклад в создание русской национальной литературы, одновременно вносит вклад и в общеевропейскую литературу, поскольку обогащает ее потоком самобытной национальной культуры. Значит, автор, завоевавший непреложный авторитет в отечестве, должен заслужить признание и за рубежом. Но система «закольцевалась» на уровне теоретическом, а на деле оказывалось, что, например, Пушкин, по определению Белинского, наиболее самобытный русский поэт, так и оставался в Европе малоизвестен, а стало быть, и не признан.

Белинский, как видно, пока не мог объяснить этого несоответствия между теорией и действительностью, но, несомненно, объяснение искал. В 1842 г. в следующем годовом обзоре русской литературы он вернулся к изложению своего видения истории русской литературы. Карамзина он снова отнес к авторам, уже выполнившим свою функцию и потерявшим значение в новых условиях, поскольку произведения его, считает Белинский, «не могут быть переведены ни на какой европейский язык». «Что бы нашла в них Европа, из чего бы поняла она в них, что он великий писатель?» [1, т. 2, с. 143] – обосновывал Белинский свое мнение. А вот о европейском значении Пушкина теперь Белинский говорил подробнее.

«Если Пушкин найдет достойных переводчиков, – предполагал критик, – то не может не обратить на себя изумленного внимания Европы; но все-таки он не может быть там оценен по достоинству: этому всегда помешает объем и глубина содержание его поэзии, далеко не могущие состязаться с объемом и глубиной содержания, каким проникнута поэзия великих представителей европейского искусства... Иностранец, коротко ознакомившийся с Россией и ее языком, не может не признать в Пушкине, как в художнике, мировой творческой силы, которой нечего бояться чьего бы то ни было соперничества, <...> но те произведения Пушкина, в которых он выходил на

историческую почву жизни и которых величие и колоссальность необходимо зависит от содержания, покажет ему, что Пушкин, слишком рано родившись для России, слишком рано и умер для нее...». «Сказанное о Пушкине можно применить и к Гоголю» [1, т. 2, с. 172], – заключал Белинский.

Реальность заставляла его вносить коррективы в собственные теоретические построения, и он был готов признать, что русская литература, хотя и приобрела уже индивидуальные национальные черты, но еще не готова выступить в «соперничество *народными* славами» на общеевропейском уровне. Если в отношении Пушкина европейский читательский вакуум можно было списать на трудность перевода стихотворных текстов, то чем же могла объясняться неизвестность за границей Гоголя, как только не слабым уровнем развития российского национального начала? По сути, Белинский не отказался напрочь от той мысли, что достоинства российского писателя, по самому большому, счету определяются его европейским признанием, но сделал вывод, что *пока* русская литература не готова к мировой конкуренции. В том же 1842 г. он заявил об этом весьма категорично в статье о «Мертвых душах». «<...> Гоголь великий русский поэт, не более, – писал Белинский, – “Мертвые души” его – тоже только для России и в России могут иметь бесконечно великое значение. Такова пока судьба всех русских поэтов; такова судьба и Пушкина. Никто не может быть выше века и страны <...>. Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть переведено на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанционального достоинства; но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано!» [1, т. 2, с. 300] То есть выходило довольно неутешительное самопризнание: своя литература у нас уже есть, но выставить ее перед европейцами в качестве достижения мирового масштаба мы пока не можем.

Между тем Белинский продолжал оценивать российских авторов по мере их вклада в мировую литературу, будто забыв собственное утверждение, что никто из них пока вклада этого сделать не мог и не может, поскольку не может опередить общее развитие своего отечества. «Пиндара, Анакреона и Горация, – писал Белинский в 1843 г., – читает весь просвещенный мир на их родных языках и в

бесчисленном множестве переложений: в Державине ничего не найдет ни француз, ни англичанин, ни немец» [1, т. 2, с. 555].

И вдруг... В 1845 г. в Париже вышли переведенные на французский язык повести Гоголя. Более того, в парижской печати они удостоились самых лестных отзывов. «*Journal des Débats*» приравнял Гоголя к лучшим европейским писателям, «*Illustration*» назвал его самым оригинальным из русских авторов, а «*Revue des Deux Mondes*» поместил целую статью знаменитого Сен-Бева о Гоголе [4, с. 555]. Трудно переоценить то значение, которое имело это событие для Белинского. Действительность наконец подтвердила верность его логически выстроенных установок: наиболее национальный, по его мнению, русский литератор одновременно явился во Франции самым ярким представителем русской литературы. В обзоре русской литературы за 1845 г., отрекаясь от недавних своих суждений о Гоголе, Белинский заявил: «Его уже давно знает вся читающая Россия; теперь его знает и Европа» [1, т. 3, с. 15].

Теперь в логической цепочке последнее звено встало на свое место, и Белинский мог со спокойной душой развивать свою теорию соотношения между национальным и мировым значением художника. В «Петербургском сборнике» (1846) он рассматривал с точки зрения европейской востребованности уже не отдельных авторов, а целые выделенные им периоды русской литературы. «Ломоносов и Карамзин имеют *для нас* великое значение, – рассуждал он, – но попробуйте перевести их сочинения на любой европейский язык, – и вы увидите, станут ли европейцы читать их <...>. Они скажут: “мы давно уже прочли все это у себя дома; дайте нам русских писателей”. <...> Итак, целый период русской литературы решительно не существует для Европы» [1, т. 3, с. 41]. Можно представить, что для Белинского соблазн был велик, чтобы взять да и заявить, что теперь, мол, настал новый период – период Пушкина, Лермонтова и Гоголя – и он-то уж призван стать эпохой вхождения русской литературы в Европу. На основании перевода гоголевских повестей это заявить было можно. Но европейская популярность Пушкина и Лермонтова росла слишком медленно. И, видимо, потому Белинский ограничился весьма умеренным заявлением, что новый период русской литературы может

заинтересовать европейцев, но «только в известной степени». «<...> Хотя в творениях Пушкина и Лермонтова, – пояснял критик, – видна душа русская, ясный, положительный русский ум, сила и гибкость чувства, – однако ж эти качества виднее нам, русским, нежели иностранцам, потому что русская национальность еще не довольно выработалась и развилась, чтобы русский поэт мог налагать на свои произведения ее резкую печать, выражая в них общечеловеческие идеи» [1, т. 3, с. 41].

В главном, однако, Белинский оставался непреклонен: европейский успех писателя, по его убеждению, является высшим показателем художественных достоинств. В статье о «Петербургском сборнике» он снова писал о Гоголе: «И вот, когда французский перевод нескольких его повестей доставил ему громкую известность в Европе, – теперь и самые враги его таланта <...> уже не решаются говорить о нем прежним языком...» [3, т. 3, с. 65] А дабы «враги гоголевского таланта» не воспринимали французский успех Гоголя как случайность, Белинский сообщал, что «Тарас Бульба» уже переведен и на немецкий язык, в связи с чем Прусская всеобщая газета отметила, что «талант Гоголя приобрел в Европе *классическую* известность» [1, т. 3, с. 87].

Когда в 1847 г. читатель открывал первый номер обновленного «Современника», то обнаруживал в нем обзор русской литературы за предыдущий год и новые соображения Белинского – все на ту же тему: о европейском престиже русских авторов. «Мы дождались, наконец, до того, – начинал критик с повторения уже давно высказанного, – что перевод нескольких повестей Гоголя на французский язык обратил на русскую литературу удивленное внимание всей Европы, – говорим *удивленное*, потому что переводы русских романов и повестей на иностранные языки делались и прежде, но, вместо внимания, порождали в иностранцах совсем не лестное для нас невнимание к нашей литературе, по той причине, что эти русские повести и романы, переведенные на их языки, они считали, напротив, переводами с их языков: так чужды они были всего русского, всякой самобытности, оригинальности» [1, т. 3, с. 648–649]. Но любопытнее всего, какой вывод из этих наблюдений делал Белинский на сей раз.

Мы уже вели речь, что Белинский настойчиво стремился определить ту роль, которая суждена в европейской истории русскому народу, и в конце концов приходил к такому оптимистическому заключению: «Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль <...>» [1, т. 3, с. 655]. Иными словами, Белинский утверждал, что российский национальный престиж вырастет в Европе настолько, что европейские народы будут воспринимать народ русский с уважением и вниманием, станут прислушиваться к нему; но чем мог Белинский подтвердить такое заявление? Он, конечно, мог сослаться, как это часто и делалось, на громкие победы российского оружия, на географические преимущества России и проч. Однако Белинский, доказывая будущий взлет российского международного престижа, обращался к предмету, ему более близкому, – к истории русской литературы. «Она существует всего каких-нибудь *сто семь лет*, – замечал Белинский, – а <...> в ней уже есть несколько произведений, которые потому только и интересны для иностранцев, что кажутся им непохожими на произведения их литератур, следовательно, оригинальными, самобытными, то есть национально русскими» [1, т. 3, с. 655]. Итак, логическая цепочка, предложенная Белинским, замкнулась по глобальному кругу: если русский автор национально самобытен, то он заслужит мировое признание; если заслужит мировое признание – он станет представителем своего народа в мировой литературе; если он добился этого представительства – он вполне национально самобытен.

Конечно, выстраивая эту схему, Белинский зачастую имел возможность опираться лишь на единичные факты, которым он, скорее всего, интуитивно придавал обобщающее значение. Ведь, например, повести Гоголя, хотя и удостоились похвал французской критики, но не имели в Европе такого успеха, как, скажем, произведения Бальзака, Дюма и т. д. Почему же Белинский придал их переводу несравнимо большее значение, нежели переводам из других российских авторов? Почему сделал вывод, что именно последователи Гоголя завоюют признание европейцев? Ведь он видел, что произведения не менее национальных писателей Лермонтова и Пушкина не слишком увлекают европейскую публику.

Не мог он не знать, что и его собственные статьи в Европе переводятся. Еще в 1843 г. на основе его работ в Лейпциге в журнале «Летопись славянской литературы, искусства и науки» был составлен на немецком языке очерк о русской литературе [3, с. 437–438]. В 1844 г. статья Белинского о «Парижских тайнах» Э. Сю была помещена в немецкой «Газете для эlegantного мира» [3, с. 474]. В 1847 г. французский журнал «La revue Indépendante» не только ссылался на работы Белинского, но и провозгласил его видным представителем новой школы, которая «стала во главе литературы и прогресса в России» [3, с. 498]. Почему же после этого Белинский не стал воспринимать самого себя в качестве полномочного представителя русской литературы в европейском мире? На каком основании он убежденно предрекал эту роль именно художнику Гоголю и его последователям, хотя поначалу сам сомневался в возможности перевода сочинений Гоголя на иностранные языки?

Загадки авторской интуиции неизъяснимы, но, думается, если бы Белинский прожил тремя-четырьмя десятками лет более и пронаблюдал стремительно возросшую за это время европейскую популярность Тургенева, Толстого и Достоевского, то он сумел бы воспользоваться очевидными подтверждениями своей мысли, которую вынашивал годами.

Впрочем, напомним, что на уровне обыденного читательского восприятия, а зачастую и на уровне критических оценок, как мы уже видели, европейское признание автора и ранее воспринималось как высшая заслуга. Признание автора за рубежом воспринималось и как подтверждение его мастерства, и как особая заслуга перед собственной литературой. Так, И. И. Дмитриев в своей автобиографии, доказывая исключительность достижений Карамзина-историка и защищая его от критических нападков соотечественников, указывал, что тома «Истории Государства Российского» были «с поспешностью переведены на языки французский, итальянский и немецкий, заслужили от европейских журналов лестные отзывы» [2, с. 322]. Европейская популярность автора, как правило, автоматически закрепляла за ним право на роль представителя русской литературы за рубежом. Но связь между национальной значимостью литератора и его мировым значением, между его самобытностью и его правом на представительство в мировом литературном

процессе оставалась неосознанной, спорной, признаваемой лишь по частному факту. В осмыслении Белинского эта связь приобретала вид логически выведенной и подтвержденной опытом закономерности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы приходим к **выводу**, что рассуждения Белинского обеспечили теоретической базой существовавшее в русской литературе и в русской читательской аудитории представление о значимости национально-представительской роли литератора. Русские авторы, конечно, и без того стремились завоевать европейское признание, и без того они сознавали, что личный успех за рубежом означает одновременно и ответственность за поддержание национального авторитета, но теперь с очевидной ясностью было доказано, что представительская роль писателя подчиняется не столько соображениям личного честолюбия, сколько требованиям национального самосознания. Стало очевидным, что стратегическая цель отечественной литературы – выход на мировую арену, где русская литература могла бы «соперничать *народными* славами». А из этого следовало, что в качестве высшей заслуги литератора перед отечественной литературой, да и перед отечеством вообще, является его мировое признание.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Собр. соч. В 3-х т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1948. – Т. 1–3.
2. Дмитриев И. И. Сочинения [Текст] / И. И. Дмитриев. – М.: Правда, 1986. – 592 с.
3. Литературное наследство. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 56: В. Г. Белинский. – Ч. II. – 625 с.
4. Некрасов Е. С. Гоголь перед судом иностранной литературы, 1845–1885 гг. [Текст] / Е. С. Некрасов // Русская старина. – 1887. – Кн. IX. – С. 553–571.
5. Поэты 1820–1830-х годов: В 2-х т. [Текст]. – Л.: Советский писатель, 1972. – Т. 2. – 765 с.

6. Пушкин А. С. Полное собр. соч. В 19-ти т. [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1994. – Т. 13. – 684 с.

References

1. Belinskii V. G. Sobranie Sochinenii. V 3-kh T. [Collected Works in 5 Volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatelstvo Khudozhestvennoi Literatury, 1948. 3 v.
2. Dmitriev I. I. Sochineniya [Works]. Moscow: Pravda Publ., 1986. 592 p.
3. Literaturnoe Nasledstvo [Literary Heritage]. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1950. V. 56: V. G. Belinskii, part II. 625 p.
4. Nekrasov E. S. Gogol pered Sudom Inostrannoi Literatury, 1845–1885 gg. [Gogol in the Estimates of Foreign Literature, 1845–1885]. Russkaya Starina, 1887, v. IX, pp. 553–571.
5. Poety 1820–1830-kh Godov: V 2-kh t. [Poets of the 1820s-1830s]. Leningrad: Sovetskii Pisatel Publ., 1972, V. 2. 765 p.
6. Pushkin A. S. Polnoe Sobranie Sochinenii. V 19-ti t. [Complete Works in 19 Volumes]. Moscow: Voskresene Publ., 1994, V. 13. 684 pp.

THE THEORY BY BELINSKY ON THE INTERNATIONAL TASK OF THE NATIONAL AUTHOR

Orekhov V. V.

Summary. The well-known Russian literary critic V. G. Belinsky for many years created a theory which formulates the tasks of national Russian literature. Belinsky sought to determine what role Russian literature should play in the development of world literature. He was also interested in the question about Russian writers' representation of Russian literature achievements in Europe. It is important to note in those times these questions were of great interest to very many Russian writers and readers. Belinsky's view was changing and developing. According to the critic, the European reader can be interested only in original Russian writers who are guided by national Russian traditions. Thus, original Russian writers will be able to enrich world literature. Belinsky was able to prove that Russian literature should not imitate European literature. The main goal of Russian literature is the development of original national traditions that will be of interest to readers around the world. The main aim of the Russian writer is to achieve world popularity. Belinsky believed that this would enrich world literature and improve the Russian national image.

Keywords: national image, creative individuality, Belinsky, national identity.

УДК 821.161.1.

«ЛЮБОВЬ И ГОЛОД ПРАВЯТ МИРОМ»:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М. ГОРЬКОГО 1920-Х ГГ.

Примочкина Н. Н.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук.
E-mail: nprim47@yandex.ru

Аннотация: В основе культурологической концепции Горького 1920-х гг. лежала идея перерождения живой культуры в механическую цивилизацию. Эта идея из книги О. Шпенглера «Закат Европы» (1918) была подхвачена многими европейскими и русскими философами и оказала определенное влияние на Горького. В отличие от ленинской теории о двух культурах, основанной на классовом принципе, Горький придал своей концепции вневременный, онтологический смысл, связал ее с основными инстинктами человечества: инстинктом голода и инстинктом размножения. Писатель подчеркивал, что только у человека этот второй инстинкт облагорожен чувством любви. Чтобы сформулировать свой взгляд на проблему сосуществования культуры и цивилизации в мире, Горький воспользовался выражением «Любовь и голод правят миром» из стихотворения Ф. Шиллера «Мудрецы», утверждая, что деятельность человека, направленная на удовлетворение инстинкта голода, приводит к проявлениям цивилизации, и только там, «где правит любовь, – возникает и развивается жизнь духа – “культура”».

Ключевые слова: М. Горький, различие культуры и цивилизации, теория двух культур, концепция О. Шпенглера, формула Ф. Шиллера.

Тема «Горький и культура» поистине безгранична и требует многотомных разносторонних монографических исследований. В данной небольшой статье мы сосредоточим свое внимание на ограниченном временном отрезке послереволюционной жизни писателя и всего лишь на одном, на первый взгляд частном, но несомненно очень важном моменте этой необозримой темы: проблеме разделения Горьким единого сложного феномена культуры на «культуру» и «цивилизацию» и анализе его культурологической концепции 1920-х гг. в контексте других теорий того времени.

Идея противостояния культуры и цивилизации отражала реальные объективно-исторические процессы обострения противоречий во всех сферах жизни и общественного сознания, которые были характерны для конца XIX–начала XX в. Осознание противоречивости, сложности, неоднозначности современной культуры было свойственно многим выдающимся деятелям искусства революционной эпохи. Например, размышления А. Белого о противоречивой сущности искусства привели его в 1918 г., в книге «Кризис культуры» к осознанию враждебности «машинно-

материальной», «фабричной» цивилизации подлинному, «фантазийному» культурному творчеству [1, с. 72, 74].

Такого рода представления были близки и А. А. Блоку. Его особое понимание культуры как духовного, динамического процесса творчества способствовало, с одной стороны, сближению этого понятия с философско-эстетической категорией «дух музыки», с другой – к отделению культуры от враждебной ей, порочной капиталистической цивилизации. В 1919 г. в набросках к докладу «Крушение гуманизма» Блок, например, писал: «Музыка была тем цементом, который создавал культуру гуманизма; когда цемента не стало, гуманистическая культура превратилась в гуманную цивилизацию» [3, с. 362].

Н. А. Бердяев в книге «Философия неравенства» (1918) и других послереволюционных работах тоже разграничивал понятия культуры и цивилизации. «Культура, – утверждал философ, – есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду повторяющееся <...> Культура имеет душу. Цивилизация имеет лишь методы и орудия» [2, с. 218].

Неоднородность, противоречивость современной культуры была замечена и по-своему интерпретирована также философами-марксистами. В. И. Ленин, например, руководствуясь классовым критерием, тоже разделил культуру: на дворянскую, элитарную и демократическую, народную. В статье «Критические заметки по национальному вопросу» (1913) он указывал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса <...> Но в каждой нации есть также культура буржуазная <...> – притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры» [12, с. 120–121]. Учение Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре в советское время было положено в основание идеологии, эстетики и всей культурной политики государства.

Для Горького понятие «культура» было всегда священным. Но содержание, философско-эстетическое наполнение этого понятия в течение его жизни менялось. В связи с событиями Первой мировой войны и последовавшей за ней революции, которые поставили Россию на грань полного разрушения и катастрофы, вопросы

культуры в сознании Горького заняли особое место, стали особенно острыми и животрепещущими. Отъезд писателя осенью 1921 г. за границу, жизнь в центре Европы – в Германии, Чехословакии и Италии – все это внесло свои коррективы в его напряженные размышления о современном состоянии мировой культуры, о кризисе европейских духовных ценностей.

Горький еще до революции познакомился с трудами о культуре и цивилизации русского философа Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и французского социолога Ле Бона «Психология народов и масс», а в годы революции – с вышеназванными книгами и статьями Белого, Блока, Бердяева и других. Однако анализ размышлений и высказываний Горького о современном кризисном состоянии европейской культуры показывает, что толчком, который заставил писателя «вплотную» заняться этой проблемой, стало его знакомство с книгой немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы».

Труд Шпенглера не случайно вышел в 1918 г., в год окончания Первой мировой войны. И европейский мир, пораженный невиданной жестокостью войны, приведшей к огромным разрушениям и многочисленным человеческим жертвам, воспринял идеи Шпенглера о скором неминуемом крахе западной цивилизации как великое пророчество. Его труд был переведен на многие языки мира, имел оглушительный общественный резонанс. В России, еще до выхода русского перевода, в 1922 г. была издана книга трех видных русских философов Ф. А. Степуна, С. Л. Франка и Н. А. Бердяева под названием «Освальд Шпенглер и закат Европы», в которой давался глубокий критический анализ основных идей этого труда. Поэтому нет ничего удивительного, что Горький счел своим долгом познакомиться с этим интеллектуальным «бестселлером». Он читал книгу с карандашом в руках и оставил на ее страницах множество помет. Об особом интересе и внимании писателя к книге свидетельствует и тот факт, что обычно скупой на словесные пометы в книгах, в данном случае он оставил достаточно много развернутых замечаний и реплик на полях, которые демонстрировали не только согласие, но и живую полемику, горячий спор Горького с основными идеями немецкого философа [См. подробнее: 11, с. 263–279].

Интересно отметить, что мысли Горького о кризисе и упадке мировой культуры в чем-то даже перекликались с некоторыми положениями книги Шпенглера. Европа, считал немецкий философ, вступила уже в старческий возраст. Культурный период сменился эпохой цивилизации, которая понималась им как «логическое следствие, завершение и исход культуры» [13, с. 30]. Проживавший в центре послевоенной Европы Горький мог воочию убедиться в правильности предсказаний Шпенглера о ее неминуемой гибели. 1 февраля 1925 г. Горький писал М. М. Пришвину: «...“закат Европы” – на мой взгляд – факт неустрашимый, хотя, конечно, закатывается она не по Шпенглеру <...> Устали здесь люди, живут – не серьезно, а так как-то – без главного. Особенно ясна эта усталость и отсутствие «главного» в литературе, в живописи, вообще – в искусстве» [4, с. 119]. Однако имелись и существенные, принципиальные отличия между концепциями Горького и Шпенглера. Свои слабые надежды на возрождение дряхлеющей Европы Шпенглер связывал с мировым империализмом. Симпатии философа были обращены назад: он видел сохранившиеся «пережитки культуры» только в патриархальном крестьянстве и провинциальном дворянстве. В то же время автор «Заката Европы» враждебно относился к революционным народным массам, борющимся за свои права. Концепция Горького имела более демократичный и социально направленный характер. В отличие от Шпенглера, он возлагал свои надежды на активность пролетариата и революционность народных масс, полагая, что именно они определяют развитие исторического процесса и дальнейшие судьбы культуры.

Размышляя о принципиальном различии культуры и цивилизации в современном мире, Горький воспользовался поэтической «формулой» Ф. Шиллера «Любовь и голод правят миром» из его стихотворения «Мудрецы» (1795). Эта цитата имела для писателя ключевое значение, она помогла ему сформулировать свой собственный оригинальный взгляд на проблему. Горький познакомился с русским переводом книги Шпенглера в 1923 г., а уже в январе следующего, 1924 г. он писал в очерке «О С. А. Толстой»: «“Любовь и голод правят миром” – это самый правдивый и уместный эпиграф к бесконечной истории страданий человека. Но там, где правит любовь, мы, недавние звери, имеем культуру, – искусство и всё великое, чем

справедливо гордимся. Там же, где возбудителем деяний наших является голод, мы получаем цивилизацию и все несчастья, сопряженные с нею, все тяготы и ограничения...» [6, с. 367].

Идею о двух основных силах, движущих вперед жизнь человечества, писатель повторял в то время неоднократно. Например, 27 ноября 1924 г. он писал в редакцию немецкого словаря "Menschen und Menschenwerke", указывая на обилие в словаре биографий политиков в ущерб биографиям деятелей искусства и науки: «"Любовь и голод правят миром", – указал Шиллер два рычага, неустанно поднимающих нас на какую-то высоту. Но там, где правит голод, – экономия, политика и все то, угнетающее нас всех, что заключено в понятии "цивилизация". Там же, где правит любовь, – возникает и развивается жизнь духа – "культура"» [4, с. 85].

Как видим, в 1920-е гг. подход Горького к вопросу о культуре и цивилизации оказался гораздо ближе к концепциям русских и иностранных философов и деятелей искусства Серебряного века, чем к ленинскому учению о двух культурах. В отличие от ленинской теории, в основу которой положен классовый принцип, Горький постарался придать своей концепции вневременный, глобальный, онтологический смысл, связал ее с вечными основными инстинктами всего живого на земле: инстинктом голода и инстинктом размножения. Однако только у человека этот второй инстинкт, считал писатель, осложнен и облагорожен чувством любви, физиологической, душевной привязанности и духовной близости.

Горький продолжал исследовать, развивать и обыгрывать полюбившуюся ему формулировку идеи о принципиальной разнице между культурой и цивилизацией также и в своих художественных произведениях 1920-х гг. Впервые фраза о «любви и голоде» из стихотворения Шиллера появляется в автобиографической повести «Мои университеты» (1922). Горький вложил ее в уста некоего учителя истории, которого он в свои юношеские годы встретил случайно на улице в Казани. « – Пойми, – внушал учитель Алексею, – каждому нужно не много: кусок хлеба и женщину <...>

Любовь и голод правят миром, – слышал я горячий шепот и вспомнил, что эти слова напечатаны под заголовком революционной брошюры "Царь-Голод", это придавало им в моих мыслях особенно веское значение» [6, с. 45]. Весь фокус,

однако, заключается в том, что в нелегальной брошюре А. Н. Баха «Царь-Голод», с которой Алексей Пешков познакомился еще в Казани, фраза Шиллера о «любви и голоде» отсутствует. «Царь-Голод» имеет другой эпиграф, из стихотворения А. Н. Некрасова «Железная дорога»: «В мире есть царь: этот царь беспощаден / Голод названье ему» [цит. по: 6, с. 547]. Подобная аберрация памяти возникла, видимо, не случайно. Она означает, что Горький обратил особое внимание на изречение Шиллера и начал вкладывать в него важный философский смысл только после революции, в начале 1920-х гг. и «по ошибке» ввел его в свою повесть «Мои университеты».

В рассказе «О тараканах» (1925), казалось бы, весьма далеком от философствований на подобные темы, раздумья писателя о культуре и цивилизации также нашли свое косвенное отражение. Но здесь они пародийно снижены и заметно окрашены авторской иронией и юмором. А отправной точкой для авторских сентенций служат ... певчие птицы, которых необходимо держать в голоде, чтобы заставить петь. «Ибо птицы, – замечает автор, – прославляют богов земли и неба только с голода, свои же свободные песни поют ради любви, так же, как и другие честные художники» [7, с. 40].

Размышления о культуре и цивилизации, о подлинном, свободном либо продажном искусстве не только не перестают волновать Горького, но даже обостряются в связи с началом работы над романом «Жизнь Клима Самгина». В этом он сам признался в письме от 15 марта 1926 г. писателю С. Т. Григорьеву: «Жили мы – и живем до сего дня – инстинктом голода, откуда истекло все, именуемое цивилизацией, инстинктом любви, создавшим все, что мы зовем культурой, и вот находимся накануне возникновения третьего инстинкта, который неизбежно должен возникнуть на почве всех наших трагических разочарований. Вообразите, что будет, если десятки и сотни тысяч людей восплают страстью догадаться не о том, как удобнее жить, а о том, зачем жить. Вот что я думаю. Это *одна* из тем моего романа, над коим сижу» [5, с. 20–21]. Добавим, что в самом романе Клим Самгин повторяет по разным поводам слова Шиллера целых три раза. Во второй части романа, опираясь на ту же цитату, он намеренно грубо разъясняет Варваре свое понимание движущих

рычагов жизни: «"Любовь и голод правят миром", и мы все выполняем повеления этих двух основных сил. Искусство пытается прикрасить зоологические требования инстинкта пола, наука помогает удовлетворить запросы желудка, вот и – все» [8, с. 120].

В 1929-м, «переломном» году Горький, еще не опровергая основную идею Шпенглера, попытался использовать ее для доказательства правдивости марксистско-ленинского учения: «...книга Шпенглера «Закат Европы» и книги, подобные этой, – писал он в статье «О мещанстве», – откровенно рассказали об интеллектуальном и волевом истощении буржуазии и установили факт механичности, инертности ее движения по пути к окончательному вырождению» [9, с. 26]. В 1930-е гг. писатель разрешает мучивший его вопрос, уже полностью отвергая концепцию немецкого философа и руководствуясь учением о классах. В статье 1932 г. «С кем вы, “мастера культуры”?», вступая в открытую полемику со Шпенглером и другими «утешителями буржуазии», он утверждает, что «против яда своекорыстной мысли» этих «мещан Европы и Америки выработано и оздоравливающе действует противоядие учения Маркса – Ленина» [10, с. 249, 251]. В это время писателю, кажется, удастся примирить в своем сознании противоречия культуры и цивилизации. Теперь он полагает, что технические достижения цивилизации при социализме можно и нужно использовать для освобождения трудящихся от тяжелой работы и для их дальнейшего культурного роста. В связи с этим Горький пишет в одной из своих статей о новом советском человеке: «Ему смешно слышать стоны и вопли Шпенглеров, уstraшенных техникой, ибо он хорошо знает, что техника еще не работала в интересах культурного развития сотен миллионов людей рабского физического труда» [10, с. 289].

Список литературы

1. Белый, А. На перевале. III. Кризис культуры. – Пг.: Алконост. 1920. – 89 с.
2. Бердяев, Н. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. – Берлин: Обелиск, 1923. – 246 с.
3. Блок, А. А. Собр. соч. в 8 т. – М.-Л.: ГИХЛ, 1963. – Т. 7. – 544 с.

4. Горький, М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 2012. – Т. 15. – 965 с.
5. Горький, М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 2013. – Т. 16. – 980 с.
6. Горький, М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1973. – Т. 16. – 628 с.
7. Горький, М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1973. – Т. 18. – 551 с.
8. Горький, М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1974. – Т. 22. – 683 с.
9. Горький, М. Собр. соч.: в 30 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 25. – 518 с.
10. Горький, М. Собр. соч.: в 30 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 26. – 462 с.
11. Евдокимов, А. В. Судьбы цивилизации в мировоззрении и творчестве М. Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. – М. Горький. Материалы и исследования. – Вып. 9. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 447 с. – С. 263-279.
12. Ленин, В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во политической литературы, 1973. – Т. 24. – 568 с.
13. Шпенглер, О. Закат Европы. – М.-Пг.: Изд-во Л. Д. Френкеля, 1923. – Т. 1. – 446 с.

References

1. Belyi A. Na Perevale. III. Krizis Kul'tury [On a Mountain Pass. III. A Crisis of Culture]. Petrograd, Alkonost Publ., 1920. 89 p.
2. Berdyaev N. Filosofiya Neravenstva: Pis'ma k Nedrugam po Sotsial'noy Filosofii [Philosophy of Inequality: Letters to the Enemies on Social Philosophy]. Berlin, Obelisk Publ., 1923. 246 p.
3. Blok A. A. Sobranie Sochinenii.: v 8 t. [The Collected Works in 8 v]. Moscow-Leningrad, State Publishing House of Artistic Literature, 1962. V. 7. 544 p.
4. Gor'kii M. Polnoe Sobranie Sochinenii. Pis'ma v 24 t. [Complete Works. Letters in 24 v]. Moscow, Nauka Publ., 2012. V. 15. 965 p.
5. Gor'kii M. Polnoe Sobranie Sochinenii. Pis'ma v 24 t. [Complete Works. Letters in 24 Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2013. V. 16. 980 p.

6. Gor'kii M. Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennyye Proizvedeniya v 25 t. [Complete Works. Artistic Works in 25 Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1973. V. 16. 628 p.
7. Gor'kii M. Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennyye Proizvedeniya in 25 t. [Complete Works. Artistic Works in 25 Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1973. V. 18. 551 p.
1. 8. Gor'kii M. Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennyye Proizvedeniya in 25 t. [Complete Works. Artistic Works in 25 Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1974. V. 22. 683 p.
8. Gor'kii M. Sobranie Sochinenii v 30 t. [The Collected Works in 30 Volumes]. Moscow, State Publishing House of Artistic Literature, 1953. V. 25. 518 p.
9. Gor'kii M. Sobranie Sochinenii v 30 t. [The Collected Works in 30 Volumes]. – Moscow, State Publishing House of Artistic Literature, 1953. V. 26. 462 p.
10. Evdokimov A. V. Sud'by Tsivilizatsii v Mirovozzrenii i Tvorchestve M. Gor'kogo [Fates of Civilization in the World View and Work of M. Gor'kii] . Kontsepsiya Mira i Cheloveka v Tvorchestve M. Gor'kogo. M. Gor'kii. Materialy i Issledovaniya. Vyp. 9. [Conception of the World and Man in M. Gorkii's Creative Work. M. Gorkii. Materials and Researches. Issue 9]. Moscow, Gorkii World Literature Institute Publishing House, 2009. P. 263-279.
11. Lenin V. I. Polnoe Sobranie Sochinenii v 55 t. [Complete Works in 55 Volumes]. Moscow, Political Literature Publishing House, 1973. V. 24. 568 p.
12. Spengler O. Zakat Evropy [Decline of Europe]. Moscow-Petrograd, Izdatelstvo L. D. Frenkelya, 1923. V. 1. 446 p.

**"LOVE AND HUNGER RULE THE WORLD":
CULTUROLOGICAL CONCEPTION OF M. GORKY OF THE 1920S**

Primochkina N. N.

Summary. Gorky's culturological conception of the 1920s was based on the idea of the degeneration of living culture into a mechanical civilization. This idea from O. Spengler's book *The Decline of the West* (1918) was picked up by many European and Russian philosophers. In contrast to the Leninist theory of two cultures based on the class principle, Gorky gave his concept timeless, ontological meaning, linked it to the basic instincts of mankind: the instinct of hunger and the instinct of reproduction. The writer stressed that only a person's second instinct is ennobled by a feeling of love. In order to formulate his view on the problem of the coexistence of culture and civilization in the world, Gorky used the opinion *Love and Hunger Rule the World* from Schiller's poem «The Wise Men» stating that human activity aimed satisfying the instinct of hunger. It leads to manifestations of civilization, and only there «where love rules, – the life of the spirit arises and develops – culture».

Keywords. M. Gorky, distinction of culture and civilization, theory of two cultures, conception of O. Spengler, formula of F. Schiller.

УДК 82-225

**«ЗАГАДКА К. М. СТАНЮКОВИЧА»
В ОСМЫСЛЕНИИ НАУКИ И КРИТИКИ**

Чжан Менця

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: mengjia9339@mail.ru

Творческое наследие К. М. Станюковича разделено на две текстовые группы, отличные не только по своей тематике (морские и «неморские») и объему, но и по читательскому вниманию, роли в русском литературном процессе. Эта особенность рождает литературоведческую проблему, которую было бы справедливым назвать главной загадкой творчества К. М. Станюковича: чем обусловлено, что две тематически дифференцированные группы произведений, создававшиеся одним и тем же автором и зачатую синхронно, сыграли совершенно неравнозначную роль в литературном процессе и заняли существенно разное по масштабу и долговечности место в читательском сознании? Настоящая статья обобщает выводы литературных критиков и литературоведов, предпринимавших шаги к решению этого вопроса.

Ключевые слова: К. М. Станюкович, литературная маринистика, беллетристика, творческий метод.

ВВЕДЕНИЕ

Самый общий взгляд на творчество К. М. Станюковича позволяет заметить характерную особенность: все наследие автора четко разделяется на две текстовые группы, которые разнятся не только по своей тематике (морские и «неморские») и объему, но и по читательскому вниманию, роли в русском литературном процессе. Эта особенность рождает литературоведческую проблему, которую было бы справедливым назвать главной «загадкой творчества К. М. Станюковича»: чем обусловлено, что две тематически дифференцированные группы произведений, создававшиеся одним и тем же автором и зачатую синхронно, сыграли совершенно неравнозначную роль в литературном процессе и заняли существенно разное по масштабу и долговечности место в читательском сознании? Для успешного решения этой проблемы современное литературоведение имеет возможность опереться на те наблюдения и выводы, которые были сделаны литературными критиками и учеными предшествующих эпох.

Цель настоящей статьи – обобщить лиетатурно-критические и литературоведческие выводы относительно специфических особенностей художественного творчества К. М. Станюковича. При этом необходимо решить следующие **задачи**: реконструировать историю литературно-критических и литературоведческих обращений к творчеству К. М. Станюковича; сопоставить взгляды литературных критиков и литературоведов разных эпох на художественные достижения К. М. Станюковича; обобщить позиции, которые на сегодня могут считаться итогом литературно-критического и научного осмысления литературного наследия К. М. Станюковича. **Объект** статьи – специфика литературного творчества К. М. Станюковича; **предмет** – литературное творчество К. М. Станюковича в литературно-критическом и научном осмыслении.

ТВОРЧЕСТВО К. М. СТАНЮКОВИЧА В ОБЪЕКТИВЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Хотя первая литературная публикация К. М. Станюковича относится еще к 1859 г. [30, с. 11], рецензенты из авторитетных журналов начали отзываться на его произведения лишь спустя два десятилетия. В 1879 г. «Отечественные записки», отреагировав на выход сборника повестей и рассказов Станюковича «В людях», хотя и признали за автором наличие таланта, но все же указывали на целый ряд художественных недостатков: «ни психологии, ни твердых и отчетливых образов, ни характерных положений» [10, с. 167]. В следующем 1880 г. анонимный критик «Отечественных записок» еще более остро отозвался о только что вышедшем романе Станюковича «Наши нравы». Автор отзыва упрекал писателя в «репортерском безучастии», с каким он относится к своим персонажам, в отсутствии психологической достоверности, наконец, в ошибочных обобщениях, которые выразились даже в самом названии романа [22, с. 97].

На этом фоне весьма показателен отзыв 1889 г., принадлежащий писателю и постоянному сотруднику «Вестника Европы» К. К. Арсеньеву, который уже получил возможность сравнить «неморские» произведения К. М. Станюковича с новинкой его творчества – «Морскими рассказами», вышедшими отдельной книжкой в 1888 г.

Оценка «неморских» произведений близка к той, что высказывалась прежде «Отечественными записками». По мнению К. К. Арсеньева, «характеры здесь шаблонны, исполнение – ординарно», но вот «Морские рассказы», «будто написаны другой рукой». В «Морских рассказах» К. К. Арсеньеву нравится все: и выбор тематики, и морские пейзажи, и верно выписанные портреты. В заключение критик приходит к мысли, что К. М. Станюкович первым в русской литературе мастерски изобразил морскую жизнь, то есть сделал то, что по отношению к военному быту давно уже исполнено гр. Л. Толстым» [1, с. 681].

Любопытно, что в 1893 г., когда очередной отзыв о Станюковиче появился в «Русском богатстве», писатель уже воспринимался как автор преимущественно морских произведений. «Русское богатство» сравнивало К. М. Станюковича с И. К. Айвазовским и даже предлагало специальный термин, определяющий специфику его морских сочинений: «литературная маринистика» [17, с. 81]. Критик «Русского богатства» высоко оценивает способность К. М. Станюковича выражать красочность морских картин и умение создать точные типажи моряков. Возвращение же автора к «неморской» тематике, критик сравнивает с примеркой «вицмундира», который, по метафорическому выражению рецензента, писателю гораздо менее к лицу, нежели мундир морской, поскольку очерки о сухопутной жизни содержат сгущение красок и нарочитую назидательность [17, с. 84-85].

В общих чертах это заключение «Русского богатства», видимо, разделялось большинством читателей и критиков, во всяком случае, в «Истории новейшей русской литературы» А. М. Скабичевского К. М. Станюкович оценивался как писатель, которому принадлежит большое количество произведений, но «особенное достоинства имеют <...> его “Морские рассказы”, исполненные живого бытового интереса и рельефно, мастерски очерченных типов русских моряков» [34, с. 336]. В 1900 г. известнейший историк литературы С. А. Венгеров поместил в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» очерк о К. М. Станюковиче, оценив морские произведения как «лучшее из написанного» автором [4, с. 437].

В 1901 г. «Морские рассказы» К. М. Станюковича были удостоены самой престижной литературной премии России – Пушкинской премии, учрежденной

Императорской Петербургской академией наук. При этом рецензентом «Морских рассказов» выступил известный литератор, автор ряда произведений о народной жизни, почетный академик Академии наук по разряду изящной словесности А. А. Потехин, который констатировал, что К. М. Станюкович «вывел целую галерею типов современного русского военного флота» и «“Морские рассказы” автора – это живая панорама, в которой вы видите всю жизнь, все подробности быта, всю душу, все мирозерцание русского моряка на разных степенях служебного положения и нравственного развития» [33, с. 6].

В соответствии с постулатами теории читательского восприятия, рецепция произведения публикой (и прежде всего, критиками, выражающими мнение известного сегмента аудитории) является для автора важным ориентиром при выборе тематики творчества и повествовательной стратегии [25; 26, с. 68–69]. Так что закономерно предположить, что острый интерес критиков именно к морским произведениям – упрочивал готовность К. М. Станюковича развивать морскую тему, к которой он серьезно обратился довольно поздно (в последнее пятнадцатилетие своего творчества).

После смерти писателя (1903) читательский интерес к его маринистике не ослабевал. Сохранился он и в советскую эпоху, поддержав интерес критиков к творчеству К. М. Станюковича. В качестве его главного литературного достижения однозначно выделялись именно морские произведения. «Береговая» же беллетристика социально-политического плана признавалась слабо художественной, несмотря всю ее антибуржуазную направленность. Наиболее выразительно эта мысль высказана в статье члена Содружества писателей революции «Перевал» М. М. Поляковой «Станюкович и его морские рассказы». Статья предвляла издание «Морских рассказов» (1934), однако по своей полемической заостренности и охвату материала выбивалась за пределы жанра традиционной вступительной статьи. По убеждению М. М. Поляковой, К. М. Станюкович всегда оставался человеком эпохи 1860-х гг. Он искренне отвергал и мораль, и социально-экономическую систему капитализма, которые стремительно охватывали послереформенную Россию, однако его знания об этой новой эпохе были ограничены. «О капиталистической России, –

утверждает М. М. Полякова, – Станюкович знает ровно столько, сколько это нужно, было для фельетониста, не принимающего ее». По мнению критика, этого хватало для создания «остроумных и злых памфлетов», но при создании художественных произведений автор оказывался «осужден на <...> схематизм при изображении чужой, враждебной и непонятной новой действительности» [32, с. 20–22]. В то же время, описывая в морских произведениях эпоху 1960-х гг., писатель оказывается как бы на своей территории и потому уходит от схематизма, наделяя свои персонажи индивидуальными чертами, объективируя свой взгляд и тем самым превращая свою маринистику в «достояние многих поколений» [32, с. 7, 24].

В 1935 г. о маринистике К. М. Станюковича в журнале «Литературный критик» высказался известный драматург В. В. Вишневский, включив свои рассуждения в статью о романе А. С. Новикова-Прибоя «Цусима». По мысли В. В. Вишневого, эпичное произведение Новикова-Прибоя не явилось «внезапным» явлением отечественной литературы, а имело «примечательную родословную», начало которой положил А. А. Бестужев-Марлинский, но важнейшая страница которой – творчество Станюковича. Морские рассказы последнего, по словам Вишневого, «дали незабываемую картину жизни старого русского флота», «захватывали, доводили до слез» читателя. По мнению В. В. Вишневого (кстати, воевавшего во флоте и писавшего о моряках), морские типы Станюковича «были потрясающе жизненны», а изображенная им «галерея морских волков, битые, жестокие нравы, “марсофлотский” дух, первые протесты матросов, – все связано в великолепный морской узел живой страдальческой эпопеи» [9, с. 111]. В. В. Вишневский, пожалуй, оказался первым критиком, который выделил литературную маринистику в качестве отдельного вектора развития русской литературы, кратко очертил ее историю и обозначил место Станюковича в этой истории.

Характерно, что и сам А. С. Новиков-Прибой воспринимал К. М. Станюковича в качестве наставника. Последняя печатная работа А. С. Новикова-Прибоя (1944) была посвящена как раз К. М. Станюковичу. Подобно предшественникам, он обращал внимание, что «неморские» романы Станюковича не представляли «большой художественной ценности» [23, с. 344], зато морские рассказы это – «замечательная

картина жизни русского военно-морского флота <...>, написанная талантливо и правдиво»: «Станюкович впервые в русской литературе создал образ матроса – подлинного сына народа на родных морях», и созданные писателем морские портреты – «это не схематические наброски, а живые люди, суровые на вид “морские волки”, в которых бьется доброе и любящее сердце» [23, с. 345]. Заметим, кстати, что последнюю фразу Новиков-Прибой позаимствовал из очерка о Станюковиче С. А. Венгерова [Ср.: 23, с. 345 / 4, с. 437]. В заключение Новиков-Прибой делает признание, важное для понимания роли К. М. Станюковича в становлении традиций русской маринистики: «Для меня в начале моей писательской деятельности “Морские рассказы” явились настоящим откровением. Я учился у Станюковича и его пониманию жизни моряка, и тому теплому, любовному отношению к людям, которое так характерно для этого талантливого писателя. <...> У Станюковича учился не только я, но учатся и сейчас наши талантливые писатели маринисты» [23, с. 345–346].

Эти мысли оказались близки и другому известному советскому писателю, чья жизнь и творчество были тесно связаны с военно-морским флотом. Речь идет о Б. А. Лавреневе, который в 1953 г. опубликовал в «Литературной газете» статью «К. М. Станюкович». В отличие от В. А. Вишневского, Б. А. Лавренев полагал, что родоначальником русской литературной маринистики явился не А. А. Бестужев-Марлинский, а именно К. М. Станюкович, поскольку именно он сумел создать «подлинно художественные произведения, открывающие читателю увлекательный мир морской службы, борьбы с грозной стихией моря, показать образы и характеры русских людей, посвятивших свою жизнь морю» [18, с. 410]. Б. А. Лавренев был единомышлен с другими критиками в том, что морская жизнь стала «главной темой Станюковича», и, разгадывая секрет особой популярности морских произведений писателя, замечал, что уже первые морские рассказы Станюковича «обратили на себя внимание читателя своей яркостью, свежестью материала, романтикой морской стихии, подлинным гуманизмом, горячей любовью к людям, серьезной психологической разработкой характеров» [18, с. 412]. Чрезвычайно важен при этом вывод Б. А. Лавренева о значении Станюковича не только для развития маринистики, но и для русской литературы в целом: «Можно сказать, – заключает критик, – что

Станюкович так же открыл читателю русского матроса, как Тургенев в “Записках охотника” открыл русского крестьянина» [18, с. 412].

ТВОРЧЕСТВО К. М. СТАНЮКОВИЧА В ОСМЫСЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Признание критикой высоких художественных достижений в морских произведениях К. М. Станюковича стимулировало рост литературоведческого интереса к маринисту. «Полное собрание сочинений» писателя, выпущенное в 1906–1907 гг., открывалось биографическим очерком, который и ныне сохраняет роль важного историко-литературного источника. Очерк был подготовлен известным литератором, критиком и библиографом П. В. Быковым, который предположительно прежде был знаком с К. М. Станюковичем и черпал биографические сведения из личного общения с писателем [15, с. 442]. Кроме того, Быкову принадлежат некоторые принципиальные выводы, объясняющие специфику творческих подходов Станюковича. Скажем, биограф очень убедительно показывает, что трудное материальное положение писателя в конце 1860-х – начале 1870-х гг. и необходимость печататься сразу в нескольких изданиях «на срок, наспех» делали стиль автора беглым и слабо обработанным, вели к тому, что в публицистике и «неморской» беллетристике К. М. Станюкович «скользил по поверхности жизни» [3, с. 11], однако в зрелости писателю удалось преодолеть эти недостатки, что и обеспечило его маринистике высокие достоинства. Важнейшим, на наш взгляд, является наблюдение П. В. Быкова о том, что морские произведения Станюковича представляют собой «нечто целое, как бы большую законченную картину», и эта целостность обеспечивается «общим предметом и родственностью настроения» [3, с. 23], то есть, выражаясь современным языком, – идейно-тематическим содержанием.

Первой аналитической монографией, посвященной творчеству Станюковича стала небольшая по объему книга «К. М. Станюкович. Критико-биографический очерк», подготовленная преподавателем кафедры русского языка и литературы Ростовского пединститута [21, с. 20] Г. Ф. Лозовиком и увидевшая свет в Симферополе [20]. Интерес исследователя привлекли, прежде всего, морские

произведения писателя, «неморская» проза анализировалась чрезвычайно бегло и почти исключительно с точки зрения идейной направленности. Зато Г. Ф. Лозовик значительно развивает идею новаторства Станюковича в русле традиций реалистической морской прозы, заложенных И. А. Гончаровым во «Фрегате Паллада». По наблюдению Г. Ф. Лозовика, Станюкович, в отличие от предшественников, изображал не «отдельные штрихи морского быта», а выступил в качестве «подлинного бытописателя русского военно-морского флота» [20, с. 65–66]. Причем, по Г. Ф. Лозовику, главное достоинство морских сочинений Станюковича, подкупавшее читателей и критиков, заключалось в «типичности и жизненности матросских образов»: «это были настоящие русские матросы, простые русские люди. Лица, улыбки, натуры, песни и пляски, разговоры на баке – все это было родное, типично русское, милое сердцу русского читателя» [20, с. 65]. Анализируя маринистику Станюковича, Г. Ф. Лозовик отмечает особое умение автора стилизовать язык повествования под живую речь матросов, мастерски создавать пейзажные зарисовки, наделенные разнообразными художественными функциями [20, с. 86–92], использовать широкий набор тематических и сюжетных линий, оставаться свободным «от схематизма и искусственности» [20, с. 84]. Книга Лозовика не исчерпывала ни одного из затронутых вопросов, но она намечала векторы дальнейших литературоведческих поисков, была первой попыткой дать, пусть беглый, но все же целостный анализ творчества К. М. Станюковича.

В 1956 г. в 10-томной академической «Истории русской литературы» появился довольно обширный очерк о творчестве К. М. Станюковича, принадлежащий Н. В. Яковлеву. Литературовед, подобно предшественникам, признавал, что К. М. Станюкович «известен прежде всего своими произведениями на темы из жизни военно-морского флота» [40, с. 238], однако подчеркивал, что и «неморское» творчество писателя (в особенности, сатирическое), заслуживает внимания как оригинальное преломление отечественных литературных традиций. В то же время, Н. В. Яковлев замечал, что в «неморских» произведениях Станюковича народ предстает «в виде толпы» [40, с. 248], что зачастую отдаляет их от верного отражения действительности.

Важным этапом в осмыслении творчества К. М. Станюковича стала написанная в 1958 г. статья известного советского автора, много писавшего о море и по личному опыту хорошо знавшего флотскую жизнь, – Л. С. Соболева. Этой статьей – «О Константине Михайловиче Станюковиче» – открывалось 6-томное собрание сочинений К. М. Станюковича, изданное в 1958–1959 гг. По форме и стилистике статья носила литературно-критический характер и благодаря свободному, метафоричному языку, конечно, должна была найти отклик в самых широких кругах аудитории. В подобном стиле статьи о К. М. Станюковиче появлялись и до и после указанной работы Л. С. Соболева. Как правило, они выполняли роль предисловия или послесловия к изданиям произведений мариниста. Среди наиболее известных назовем: «К. М. Станюкович и его повесть “Вокруг света на «Коршуне»» известного исследователя жизни и творчества А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского – И. С. Новича [24], «Флагман русских маринистов» писателя-мариниста И. П. Гайдаенко [12], «В океане нужно иметь смелую душу и чистую совесть...» историка литературы М. А. Соколовой [36], «Озарение» писателя-мариниста И. И. Дуэля [14]. Все это продуманные, мастерски и с чувством написанные тексты, однако статья Л. С. Соболева выделяется среди них, поскольку она не только знакомит широкого читателя с личностью и основными особенностями творчества К. М. Станюковича, она, как думается, еще и имеет самостоятельное научное значение, поскольку с окончательной определенностью ставит вопрос о главной загадке в творческой истории Станюковича: почему именно морские произведения писателя, занявшие всего три тома в 13-томном прижизненном собрании сочинений автора, сделали его «первооткрывателем», «обусловили бессмертие его имени»? [35, с. 5–10].

Нащупывая путь к ответу на этот вопрос, Соболев апеллирует к биографии автора, к его художественным поискам морского и «неморского» периодов и заключает, что именно в морских сочинениях «совершилось» «взаимодействие духовного направления писателя и великолепно знакомого им материала жизни»: «Дело совсем не в том, – утверждал Соболев, – что, как считалось, писатель “нашел свою тему, обрел самого себя”. Не “богатая жила”, не случайный успех, а великая

закономерность соответствия формы и содержания, сочетания идеи и опыта, соединения жизненных наблюдений и философских размышлений – вот что определяет долгую жизнь морских рассказов Станюковича» [35, с. 11].

Таким образом, Л. С. Соболев сформулировал принцип успеха морских произведений К. М. Станюковича, однако это поставило вопрос о поиске «формулы» этого успеха, что требует знаний о том, каковы были у Станюковича источники «жизненных наблюдений», какой была история его идейного становления и его «философских размышлений», и наконец, какие механизмы успешного сочетания формы и содержания были обнаружены Станюковичем (и каким образом они были обнаружены); иными словами – в чем специфика и какова эволюция индивидуального художественного подхода К. М. Станюковича к морской тематике. Такая литературоведческая проблематика логично выстраивалась на основе литературно-критических рассуждений Л. С. Соболева о К. М. Станюковиче. Видимо, именно это умение – говорить о литературе на языке, внятном широкому читателю, но при этом акцентировать внимание на ключевых литературоведческих вопросах – сделало статью Л. С. Соболева чрезвычайно популярной. В 1977 г. она была перепечатана в качестве предисловия к 10-томному собранию сочинений К. М. Станюковича, а кроме того, неоднократно помещалась в изданиях отдельных произведений писателя.

Закономерно, что из тех литературоведческих задач, которые ставила статья Л. С. Соболева, на первое место выступала необходимость сбора и систематизации биографических сведений о К. М. Станюковиче, что открыло бы возможность для выводов относительно того, как в творчестве автора преломились его жизненные наблюдения. Важным шагом в этом направлении стала публикация в 6-томном собрании сочинений обширной хронологической таблицы «Даты жизни и творчества К. М. Станюковича» [19], составленной Г. Ф. Лозовиком и до сих пор представляющей собой важный справочный источник.

Вскоре, в 1961 г., в «Литературном архиве» был опубликован еще один блок ценных биографических материалов: письма К. М. Станюковича, адресованные из кругосветного плавания родным [37]. Речь шла о 13 корреспонденциях, автографы

которых хранились в рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Письма подготовил к печати, сопроводил предисловием и научным комментарием известный литературовед В. П. Вильчинский – в то время ученый секретарь Пушкинского Дома. Вскоре В. П. Вильчинский опубликовал статью, в которой на основе архивных документов реконструировал подробности ареста и ссылки К. М. Станюковича [5]. Однако главной работой В. П. Вильчинского о писателе-маринисте стала объемная монография «Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество» (1963). В книге представлен целостный взгляд на личность и творчество писателя в их развитии. Исследователь проследил автобиографические истоки многих художественных мотивов автора, выделил основные этапы его творческого становления, указал на неразрывные связи между публицистикой К. М. Станюковича и его беллетристическими произведениями, осмыслил идеологические поиски писателя в контексте эпохи. По убеждению В. П. Вильчинского, высшее достижение К. М. Станюковича – морские произведения, которые явились закономерным результатом развития реалистических тенденций в русской литературе, а также индивидуальных творческих поисков К. М. Станюковича [6, с. 238–240]. Сравнивая морские произведения К. М. Станюковича с литературными опытами его предшественников, В. П. Вильчинский приходит к выводу, что К. М. Станюковичу удалось соединить «трезвый реализм Гончарова с романтической приподнятостью, поэтизацией моря и моряков» [6, с. 251]. При этом в центре внимания К. М. Станюковича оказалась не внешняя сторона флотского быта, а моряки, чьи характеры, не подверженные идеализации, отражают трудности, опасности, героизм, противоречия и, одновременно, романтику морской жизни. Именно обостренное внимание к «человеку-моряку» В. П. Вильчинский полагал основным открытием Станюковича, усвоенное его последователями: от А. Новикова-Прибоя – до А. Корна [6, с. 272].

В 1966 г. В. П. Вильчинский выступил с еще одной монографией, где прицельно рассматривал формирование в русской литературе традиций маринистики. Анализируя морские произведения братьев Бестужевых, В. И. Даля, И. А. Гончарова, Д. В. Григоровича, ученый усиливает аргументацию своих прежних выводов о том,

что маринистика К. М. Станюковича суммировала позитивный опыт писателей предшественников, обогатила его собственными художественными находками автора, хорошо знавшего реалии флотского быта и сумевшего талантливо типизировать характеры русских моряков.

Синхронно с В. П. Вильчинским к системному анализу творческого наследия К. М. Станюковича обратился заведующий кафедрой литературы Таджикского университета В. С. Петрушков. Помимо ряда статей о К. М. Станюковиче, он выпустил в Душанбе несколько аналитических монографий, ныне превратившихся в библиографическую редкость.

В книге «К. М. Станюкович – журналист» В. С. Петрушков актуализирует проблему поиска и изучения произведений К. М. Станюковича, «разбросанных» «по страницам многочисленных и самых разнообразных периодических изданий» [28, с. 184], но не вошедших в собрания сочинений писателя. Исследователь сосредоточивает внимание на выявленных им сочинениях К. М. Станюковича, регулярно публиковавшихся в газете «Сын Отечества». Это значительный массив текстов, входящих в авторские циклы «Современные картинки», «Письма знатного иностранца», «Мимоходом» и зачастую представляющих собой произведения беллетристических жанров (новеллы, рассказы, очерки). При анализе этих ценных находок В. С. Петрушков отдает приоритет рассмотрению идейно-тематического содержания, лишь бегло фиксируя особенности поэтики.

В монографии «К. М. Станюкович (к вопросу о периодизации творчества)» В. С. Петрушков прослеживает логику творческого развития мариниста: от очеркиста-делетанта, покорно копировавшего детали реальности, – до автора, способного к широким, объективным обобщениям. Впрочем, некоторые замечания В. С. Петрушкова воспринимаются сегодня несколько прямолинейно или не вполне доказательно. Так, слишком декларативно порою выглядят утверждения ученого об изменениях в «творческом методе» писателя [29, с. 97], схематично и тенденциозно представлены некоторые «этапы» идейного становления Станюковича. Однако В. С. Петрушков делает и наблюдения, чрезвычайно важные для понимания личных и внешних условий, в которых формировался талант мариниста. Очень убедительно

воссоздана ситуация начала 1890-х гг., когда на К. М. Станюковича после ссылки был навешен ярлык «неблагонадежного», что сузило для него возможность заниматься публицистикой. Отчасти именно это обстоятельство заставило автора сосредоточиться на беллетристике морской тематики, что открывало перед ним возможность свободного творческого маневра и, прибавим от себя, сделало его не «партийным», а национальным автором. Так, Император Николай II фиксировал в своем дневнике, что «Морские рассказы» были в царской семье предметом совместного чтения в часы досуга [13, с. 187].

Работы В. С. Петрушкова о К. М. Станюковиче были рассмотрены В. П. Вильчинским на страницах журнала «Русская литература». В. П. Вильчинский высоко оценивал «любовь исследователя к архивным разысканиям, оригинальность наблюдений, основательность выводов» [8, с. 201] и особо отметил монографию «Поэтика К. М. Станюковича-мариниста». По мнению В. П. Вильчинского, основное достоинство этого исследования заключалось в том, что оно позволяло увидеть «морские рассказы в органической связи со всем творчеством Станюковича, доказывая неправомерность их отрыва от романов и публицистики писателя», а кроме того, восполняло «существенный пробел», возникший вследствие того, что «современная Станюковичу и последующая критика <...> не уделяла должного внимания мастерству писателя, проблеме стиля, композиции, сюжетосложению, речевым средствам характеристики персонажей» [8, с. 203].

Вполне соглашаясь с этой оценкой, добавим все же, что В. С. Петрушков, прослеживая преемственную связь между «неморскими» и морскими произведениями К. М. Станюковича, кажется, временами оказывается подвержен абсолютизации, что рождает противоречия. Так, исследователь заявляет в качестве одной из целей – разрушить «легенду о двух Станюковичах», бытовавшую в «литературно-критическом обиходе» [31, с. 62], и пытается уравнивать художественное значение социально-политических тенденциозных произведений К. М. Станюковича и его маринистики. Однако и сама постановка проблемы в монографии В. С. Петрушкова, и предпринятый им анализ поэтики маринистики как раз свидетельствуют о том, что именно в маринистике (а не в «береговой» литературе,

публицистике) Станюкович сумел добиться наивысшего художественного результата. Более того, это наблюдение позволяет В. С. Петрушкову прийти к очень важному выводу о том, что маринистика Станюковича (по Петрушкову – «произведения морского цикла») представляет собой некое художественное единство, организованное не только благодаря тематической специфике (как это замечал П. В. Быков), но и благодаря оригинальному набору авторских приемов [31, с. 73] (и добавим от себя, тем же набором признаков дифференцируемое от «неморского» творчества писателя). Основная часть монографии В. С. Петрушкова посвящена выявлению и систематизации этих оригинальных авторских подходов в маринистике К. М. Станюковича. Правда, исследователь порою лишь фиксирует специфические детали поэтики (скажем, историзм), но не анализирует цель, форму, варианты этих деталей [31, с. 82–83], и, тем не менее, монография В. С. Петрушкова сохраняет за собой значение очень важного подспорья для всякого исследователя, обратившегося к изучению поэтики К. М. Станюковича.

После Г. Ф. Лозовика, В. П. Вильчинского и В. С. Петрушкова монографические исследования, посвященные целостному осмыслению творчества К. М. Станюковича, не предпринимались. Литературоведы сосредоточивались на углублении представлений по поводу вопросов, уже в той или иной мере освещенных в описанных нами монографиях. Такова, скажем, статья В. П. Волкова «Романы К. М. Станюковича 1870-х годов». Исследователь обращает внимание, что художественная позиция Станюковича-романиста приближала его к классикам литературы, писавшим в тот же период: к И. С. Тургеневу с его «Новью», к М. Е. Салтыкову-Щедрину с «Господами Головлевыми», к Л. Н. Толстому с «Анной Карениной», однако он не поднялся «в художественном отношении до уровня этих шедевров» [11, с. 135].

Внимания заслуживает и статья «К вопросу о мировоззрении Станюковича в 70–80-х годах» (1969) Л. М. Шкарубы. Анализируя публицистику и романы К. М. Станюковича, Л. М. Шкаруба приходит к заключению, что представления писателя об истории, социальном устройстве и государственной системе России представляли собой некий индивидуальный синтез идей просветительства 1860-х гг.

и народничества [39, с. 143]. Если говорить о национально-мировоззренческой «оси идеологической эволюции русского общества» [27, с. 117], то позиция К. М. Станюковича приближалась к западной, хотя и не позволяла писателю идеализировать Запад [39, с. 142]. Станюкович, как многие авторы-современники стремился сформулировать и выразить в художественной форме собственное представление об актуальном для России той поры положительном герое. По убеждению Л. М. Шкарубы, именно в морских произведениях Станюковичу удалось представить перед читателем свой оригинальный вариант положительного героя – «простого русского матроса с душой крестьянина» [39, с. 147].

В 1977 г. вышло в свет 10-томное собрание сочинений К. М. Станюковича с «Очерком литературной деятельности» К. М. Станюковича, подготовленным профессором кафедры русской литературы Литературного института имени А. М. Горького М. П. Ереминым. Ученый замечает существенную деталь: первые морские очерки К. М. Станюковича, напечатанные в 1860-х гг., не были замечены публикой, в то время как морские рассказы 1890-х гг. вызвали восторженные отклики и всеобщую любовь сразу же после своего появления. Эту разницу в восприятии М. П. Еремин объясняет исключительно переменами, произошедшими в обществе за прошедший период, что, на наш взгляд, выглядит несколько спорным, поскольку не учитывает художественных различий между ранними и зрелыми произведениями мариниста. Вместе с тем следует отметить важное наблюдение М. П. Еремина, которое во многом объясняло читательскую симпатию к героям мариниста: «Литература тех лет в различных вариантах представила фигуру рефлектирующего скептика, готового подвергнуть сомнению не только успех борьбы, но и сам ее смысл; в морских рассказах и повестях Станюковича действовали люди, которым некогда было рассуждать о смысле борьбы; они должны были быть готовы к ней каждую минуту» [15, с. 472].

Благодаря работам советских литературоведов К. М. Станюкович занял заслуженное место в истории русской литературы, за ним закрепилась характеристика «флагмана русской маринистики». И хотя объективное определение роли автора в литературном процессе должно восприниматься как обязательная, но

далеко не окончательная научная задача, литературоведческие обращения к его творчеству в позднейшие десятилетия были довольно редки и сводились, как правило, к фрагментарным наблюдениям. Правда, в последние годы появились диссертации, которые анализировали творчество К. М. Станюковича в контексте изучения масштабных литературных процессов. Так, в 2011 г. в Краснодаре была защищена кандидатская диссертация В. М. Тарасовой «Новороссийская маринистика как продолжение истории мировой литературной маринистики». Диссертант доказывает, что творчество ряда новороссийских авторов XX в., основывалось на традиции, прежде всего, не западной, а отечественной маринистики, которая, в свою очередь, обязана своей спецификой К. М. Станюковичу, который первым сумел отразить «глубинную связь русских морских традиций с особенностями менталитета русского человека» [38, с. 15].

В 2017 г. в Костроме была защищена докторская диссертация В. Г. Андреевой «Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX в.». В. Г. Андреева анализирует лишь один роман К. М. Станюковича – «Без исхода», однако делает это на фоне обобщенной ею впечатляющей панорамы русской романистики указанного периода, что позволяет исчерпывающе оценить сочинение Станюковича и с точки зрения оригинальности, и с точки зрения следования автором разнообразным литературным тенденциям. По мнению исследователя, Станюкович продолжал «романную традицию Н. Г. Чернышевского, посвященную “новым людям”» [1, с. 249] при этом зачастую не мог избежать схематизма и шаблонности [1, с. 250]. Но наряду с этим В. Г. Андреева доказывает, что К. М. Станюкович в ряде случаев сумел перешагнуть за рамки шаблона, присущего романам «о новых людях», и в описании аристократического общества приблизился к манере И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого [1, с. 260].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если обобщить наблюдения критиков и литературоведов, можно сформулировать несколько ключевых позиций, явившихся итогом в осмыслении литературного наследия К. М. Станюковича: 1) высшим художественным

достижением К. М. Станюковича стали произведения о море и моряках, заложившие основы русской национальной маринистики и определившие автору место среди выдающихся русских литераторов; 2) «неморские» произведения К. М. Станюковича, хотя и «рисуют <...> с разных сторон общественное движение 60–70-х годов» [16, с. 140], зачастую отличаются схематизмом, тенденциозностью, недостатком психологизма, что не позволяет им подняться выше ординарного уровня беллетристики соответствующей эпохи; 3) значение маринистики К. М. Станюковича для истории русской литературы определяется прежде всего тем, что она создала панорамное и вместе с тем детализированное литературное представление о жизни русского флота определенной эпохи, что соотносимо с достижениями Л. Н. Толстого в сфере изображения жизни армейской, а И. С. Тургенева – усадебной и крестьянской; 4) к художественным достоинствам маринистики К. М. Станюковича следует отнести оригинальный выбор тематики, удачное соответствие формы и содержания, создание галереи реалистичных, психологически убедительных портретов моряков, представляющих разные социально-иерархические группы и отражающих национальную специфику; красочное и разноплановое изображение картин моря, передачу колорита живой разговорной речи русских моряков; 5) достижения К. М. Станюковича в области маринистики явились итогом взаимодействия ряда факторов: личного жизненного (прежде всего, флотского) опыта, эмоционально-ценностного авторского отношения к морскому делу и морякам, индивидуальной идеологической эволюции автора, выработанного автором художественного мастерства, авторского стремления модифицировать и развивать традиции русской литературы.

Перечисленные позиции, утвердившиеся в литературоведении и критике, имеют разную степень научного обоснования и конкретизации. И если вопросы о значении маринистики К. М. Станюковича для истории русской литературы, о его новаторстве в отношении русских маринистов-предшественников, об автобиографической основе его мотивов и образов, о разноплановости созданных им характеров русских моряков исследованы широко и подробно, то на некоторые иные вопросы критика и литературоведение дают либо слишком общие, либо основанные на фрагментарных

исследованиях, порою тезисные ответы, порождающие новые вопросы. Например, утверждение о том, что морские персонажи К. М. Станюковича вызвали значительно больший интерес, нежели его «сухопутные» герои ставит вопрос о том, было ли это обусловлено разным уровнем мастерства при создании морских и «неморских» персонажей или особенностями «читательской ситуации». Подобно этому, открытыми остаются вопросы о конкретных приемах и механизмах, позволивших К. М. Станюковичу создать психологически убедительные портреты моряков (тогда как многие созданные им же портреты «неморяков» были оценены критикой как лишенные психологизма); о способах, позволивших писателю создать с помощью небольших по формату произведений широкую панораму морской жизни, об отличии идейного содержания и эмоциональной окраски морских и «неморских» сочинений автора, о найденных им способах воплощения национального колорита. Словом, остается целый ряд нерешенных проблем, которые не позволяют сегодня с достаточной полнотой дать научное объяснение успешному соотношению формы и содержания в морских произведениях К. М. Станюковича, соотношению, которое обеспечило его маринистике значительно более заметное место в истории русской литературы, нежели его публицистике и тенденциозной беллетристике.

Список литературы

1. Андреева В. Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX в. [Текст] : дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / В. Г. Андреева. – Кострома, 2017. – 497 с.
2. Арсеньев К. К. Модная форма беллетристики [Текст] / К. К. Арсеньев. – Вестник Европы. – 1889. – Т. 2. – № 4. – С. 680–694.
3. Быков П. В. Константин Михайлович Станюкович. Биографический очерк [Текст] / П. В. Быков // Станюкович К. М. Полное собр. соч. В 12 тт. – СПб., 1906–1907. – Т. 1. – С. 3–26.
4. Венгеров С. А. Станюкович (Константин Михайлович) [Текст] / С. А. Венгеров // Энциклопедический словарь. Т. 31. – СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1900. – С. 436–437.

5. Вильчинский В. П. Арест и ссылка К. М. Станюковича [Текст] / В. П. Вильчинский // Русская литература. – 1963. – № 3. – С. 138–144.
6. Вильчинский В. П. Константин Михайлович Станюкович: жизнь и творчество [Текст] / В. П. Вильчинский. – М.–Л.: АН СССР, 1963. – 334 с.
7. Вильчинский В. П. Русские писатели-маринисты [Текст] / В. П. Вильчинский. – М. – Л.: Наука, 1966. – 234 с.
8. Вильчинский В. П. Цикл исследований одного автора [Текст] / В. П. Вильчинский // Русская литература. – Л.: «Наука», 1969. – № 1. – С. 200–206.
9. Вишневский В. В. О «Цусиме» Новикова-Прибоя [Текст] / В. В. Вишневский // Литературный критик. – 1935. – № 5. – С. 109–115.
10. В людях. Повести, очерки и рассказы К. М. Станюковича (Откровенного писателя). СПб., 1880 (б. п.) // Отечественные записки. 1879. – Т. 247. – № 12. – Отд. II. – С. 166–169.
11. Волков В. П. Романы К. М. Станюковича 1870-х годов [Текст] / В. П. Волков // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1963. – Т. 245: Из истории русской литературы. – С. 123–150.
12. Гайдаенко И. П. Флагман русских маринистов [Текст] / И. П. Гайдаенко // Станюкович К. М. Вокруг света на «Коршуне». – Одесса: Маяк, 1980. – С. 3–8.
13. Дневники императора Николая II [Текст] / Общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. – М.: Орбита, 1991. – 736 с.
14. Дуэль И. И. Озарение [Текст] / И. И. Дуэль // Станюкович К. М. Грозный адмирал. Беспокойный адмирал. Повести. – Одесса: Маяк, 1987. – С. 180–191.
15. Еремин М. П. К. М. Станюкович. Очерк литературной деятельности [Текст] / М. П. Еремин // Станюкович К. М. Собр. соч. В 10-ти тт. – М.: Правда, 1977. – Т. 10. – С. 431–472.
16. История русской литературы XIX в. В 5-ти тт. [Текст] / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. – М., 1908–1911. – Т. 4. – 375 с.
17. К. М. Станюкович. «Моряки». Очерки и рассказы. СПб., 1892. «Пассажирка». Рассказ из морской жизни. СПб., 1893 (б. п.) // Русское богатство. – 1893. – № 1. – Отд. II. – С. 81–85.

18. Лавренев Б. А. Собр. соч. В 6-ти тт. [Текст] / Б. А. Лавренев. – Москва: Художественная литература, 1982–1984. – Т. 6. – 558 с.
19. Лозовик Г. Ф. Даты жизни и творчества К. М. Станюковича [Текст] / Г. Ф. Лозовик // Станюкович К. М. Собр. соч. В 6-ти тт. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 6. – С. 735–780.
20. Лозовик Г. Ф. К. М. Станюкович. Критико-биографический очерк [Текст] / Г. Ф. Лозовик. – Симферополь: Крымиздат, 1953. – 197 с.
21. Максимова Е. С. К 100-летию юбилею Южного федерального университета [Текст] / Е. С. Максимова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2012. – № 1. – С. 10–24.
22. Наши нравы. Роман в 2-х частях К. М. Станюковича. СПб., 1880 (б. п.) // Отечественные записки. – 1880. – Т. 252. – № 9. – Отд. II. – С. 95–100.
23. Новиков-Прибой А. С. Собр. соч. В 5-ти тт. [Текст] / А. С. Новиков-Прибой. – М.: Правда, 1963. – Т. 5. – 355 с.
24. Нович И. С. К. М. Станюкович и его повесть «Вокруг света на «Коршуне»» [Текст] / И. С. Нович // Станюкович К. М. Вокруг света на «Коршуне». – М.: Госиздат географической литературы, 1953. – С. 3–12.
25. Орехов В. В. Предмет имагологии и концепции читательского восприятия [Текст] / В. В. Орехов // Вестник СевГТУ. Вып. 61: Филология: сб. науч. тр. – Севастополь: СевГТУ, 2005. – С. 116–124.
26. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
27. Орехов В. В. Тактика литературной борьбы за российский имидж в контексте внутринациональной литературоведческой полемики середины XIX в. [Текст] / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2017. – Т. 3 (69). – № 1. – С. 111–127.
28. Петрушков В. С. К. М. Станюкович-журналист [Текст] / В. С. Петрушков. – Сталинабад, 1960. – 192 с.

29. Петрушков В. С. К. М. Станюкович (к вопросу о периодизации творчества) [Текст] / В. С. Петрушков. – Душанбе: ИРФОН, 1966. – 133 с.
30. Петрушков В. С. Произведения К. М. Станюковича в периодической печати. (Библиографический справочник) [Текст] / В. С. Петрушков. – Душанбе: Таджикский гос. ун-т, 1963. – 105 с.
31. Петрушков В. С. Поэтика К. М. Станюковича-мариниста (Особенности художественной изобразительности и стиля) [Текст] / В. С. Петрушков. – Душанбе: ИРФОН, 1966. – 155 с.
32. Полякова М. М. Станюкович и его морские рассказы [Текст] / М. М. Полякова // Станюкович К. М. Морские рассказы. – М., Гослитиздат, 1934. – С. 7–47.
33. Потехин А. А. К. Станюкович: Собрание сочинений. Томы I и II. Морские рассказы (М. 1897 г). Рецензия [Текст] / А. А. Потехин. – СПб.: Тип. ИАН, 1903. – 11 с.
34. Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848–1890) [Текст] / А. М. Скабичевский. – СПб., 1891. – 523 с.
35. Соболев Л. С. О Константине Михайловиче Станюковиче [Текст] / Л. С. Соболев // Станюкович К. М. Собр. соч. В 6-ти тт. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 1. – С. 5–14.
36. Соколова М. А. В океане нужно иметь смелую душу и чистую совесть... [Текст] / М. А. Соколова // Станюкович К. М. Вокруг света на «Коршуне». – М.: Правда, 1987. – С. 429–440.
37. Станюкович К. М. Письма родным из кругосветного плавания [Текст] / К. М. Станюкович // Литературный архив. – М. – Л.: АН СССР, 1961. – Т. 6. – С. 421–464.
38. Тарасова В. М. Новороссийская маринистика как продолжение истории мировой литературной маринистики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / В. М. Тарасова. – Краснодар, 2011. – 26 с.
39. Шкаруба Л. М. К вопросу о мировоззрении Станюковича в 70–80-х годах [Текст] / Л. М. Шкаруба // Ученые записки томского госуниверситета. Т. 77 Проблемы

идейности и мастерства художественной литературы. – Томск: ТГУ, 1969. – С. 135–148.

40. Яковлев Н. В. Станюкович [Текст] / Н. В. Яковлев // История русской литературы: В 10 т. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. 9. – Ч. 2. – С. 238–254.

References

1. Andreeva V. G. *Natsionalnoe Svoeobrazie Russkogo Romana Vtoroi Poloviny XIX V.: Dis. ... Dokt. Filol. Nauk* [National Originality of the Russian Novel of the Second Half of the 19th century]. Kostroma, 2017.
2. Arsenev K. K. *Modnaya Forma Belletristiki* [Fashionable Form of Belles-Lettres]. *Vestnik Evropy*, 1889, Vol. 2, no 4, pp. 680–694.
3. Bykov P. V. *Konstantin Mikhailovich Stanyukovich. Biograficheskii Oчерk* [Konstantin Mikhailovich Stanyukovich. Biographical Essays]. *Stanyukovich K. M. Polnoe Sobr. Soch. V 12 T.* St. Petersburg, 1906–1907, Vol. 1, pp. 3–26.
4. Vengerov S. A. *Stanyukovich (Konstantin Mikhailovich)* [Stanyukovich (Konstantin Mikhailovich)]. *Entsiklopedicheskii Slovar.* St. Petersburg: F. A. Brockhaus, I. A. Efron Publ., 1900, Vol. 31, pp. 436–437.
5. Vilchinskii V. P. *Arest i Ssylka K. M. Stanyukovicha* [The Arrest and Exile of K. M. Stanyukovich]. *Russkaya Literatura*, 1963, no 3, pp. 138–144.
6. Vilchinskii V. P. *Konstantin Mihailovich Stanyukovich: Zhizn i Tvorchestvo* [Konstantin Mikhailovich Stanyukovich: Life and Work]. Moscow – Leningrad: AN SSSR Publ., 1963. 334 p.
7. Vilchinskii V. P. *Russkie Pisateli-Marinisty* [Russian Maritime Writers]. Moscow – Leningrad: Nauka Publ., 1966. 234 p.
8. Vilchinskii V. P. *Tsикl Issledovaniy Odnogo Avtora* [One Author's Research Cycle]. *Russkaja Literatura.* Leningrad: Nauka Publ., 1969, no 1, pp. 200–206.
9. Vishnevskii V. V. *O «Tsusime» Novikova-Priboya* [About “Tsushima” by Novikov-Priboy]. *Literaturnyi Kritik*, 1935, no 5, pp. 109–115.
10. *V Lyudyakh. Povesti, Oчерki i Rasskazy K. M. Stanyukovicha (Otkrovennogo Pisatelya).* SPb., 1880 (b. p.) [In People. The Novels, Essays and Stories by

-
- K. M. Stanyukovich (Frank Writer) 1880 (n. s.)]. *Otechestvennye Zapiski*, 1879, Vol. 247, no 5, sec. II, pp. 166–169.
11. Volkov V. P. *Romany K. M. Stanyukovicha 1870-kh Godov* [The Novels by K. M. Stanyukovich in the 1870s]. *Uchenye Zapiski Leningradskogo Pedagogicheskogo Instituta Im. A. I. Gertsena*, 1963, Vol. 245, pp. C. 123–150.
 12. Gaidaenko I. P. *Flagman Russkikh Marinistov* [Flagship of Russian Marine Writers]. *Stanyukovich K. M. Vokrug Sveta na "Korshune"*. Odessa: Mayak Publ., 1980, pp. 3–8.
 13. *Dnevniky Imperatora Nikolaya II* [Diaries by Emperor Nicholas II. Preface by K. F. Shatsillo]. Moscow: Orbita Publ., 1991. 736 p.
 14. Duel I. I. Ozarenie [Afflatus]. Odessa: Mayak Publ., 1987, pp. 180–191.
 15. Eremin M. P. *K. M. Stanyukovich. Ocherk Literaturnoi Deyatelnosti* [K. M. Stanyukovich. Essay on Literary Activity]. *Stanyukovich K. M. Sobr. Soch. v 10 t.* Moscow: Pravda Publ., 1977, Vol. 10, pp. 431–472.
 16. *Istoriya Russkoi Literatury XIX v. V 5 t.* [The History of Russian Literature of the 19th Century in 5 Volumes. The Composition by D. N. Ovsyaniko-Kulikovskiy]. Moscow, 1908–1911, Vol. 4. 375 p.
 17. *K. M. Stanyukovich. «Moryaki». Ocherki i Rasskazy. SPb., 1892. «Passazhirka». Rasskaz iz Morskoj Zhizni. SPb., 1893 (b. p.)* [K. M. Stanyukovich. "The Sailors". Essays and Stories. St. Petersburg, 1892. "The Passenger". A Story from Marine Life. St. Petersburg, 1893 (n. s.)]. *Russkoe bogatstvo*, 1893, no 1, sec. II, pp. 81–85.
 18. Lavrenev B. A. *Sobr. Soch. V 6-ti Tomakh.* [Collected Works in 6 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982–1984, Vol. 6. 558 p.
 19. Lozovik G. F. *Daty Zhizni i Tvorchestva K. M. Stanyukovicha* [Dates of Life and Work of K. M. Stanyukovich]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1958, Vol. 6, pp. 735–780.
 20. Lozovik G. F. *K. M. Stanyukovich. Kritiko-Biograficheskii Ocherk* [K. M. Stanyukovich. Critical and Biographical Essay]. Simferopol: Krymizdat Publ., 1953. 197 p.
 21. Maksimova E. S. *K 100-letnemu Yubileyu Yuzhnogo Federalnogo Universiteta* [On the Occasion of the 100th Anniversary of the Southern Federal University]. *Izvestiya*

Yuzhnogo Federalnogo Universiteta. Filologicheskie Nauki. Rostov-na-Donu, 2012, no 1, pp. 10–24.

22. *Nashi nrvy. Roman v 2-kh Chastyakh K. M. Stanyukovicha. SPb., 1880 (b. p.)* [Our Manners. A Novel in Two Parts by K. M. Stanyukovich. St. Petersburg, 1880 (n. s.)]. *Otechestvennye Zapiski*, 1880, Vol. 252, no 9, sec. II, pp. 95–100.
23. Novikov-Priboi A. S. *Sobr. Soch. V 5-ti Tomakh*. [Collected Works in 5 Volumes]. Moscow: Pravda Publ., 1963, Vol. 5. 355 p.
24. Novich I. S. *K. M. Stanyukovich i Ego Povest «Vokrug Sveta na “Korshune”»* [K. M. Stanyukovich and his Story «Around the World on the “Korshun”»]. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatelstvo Geograficheskoi Literatury, 1953, p. 3–12.
25. Orekhov V. V. *Predmet Imagologii i Kontseptsii Chitatelskogo Vospriyatiya* [The Subject that Studies Imagology, and the Concept of Reader Perception]. *Vestnik Sevastopolskogo GTU. Vyp. 61: Filologiya: Sbornik Nauch. Trudov*. Sevastopol: SevGTU Publ., 2005, pp.116–124.
26. Orekhov V. V. *Russkaya Literatura i Natsionalnyi Imidzh (Imagologicheskii Diskurs v Russko-Frantsuzskom Literaturnom Dialoge Pervoi Poloviny XIX V.)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue of the First Half of the 19th Century)]. Simferopol: Antikva Publ., 2006. 608 p.
27. Orekhov V. V. *Taktika Literaturnoi Borby za Rossiiskii Imidzh v Kontekste Vnutrinatsionalnoi Literaturovedcheskoi Polemiki Serediny XIX v.* [Tactics of Literary Struggle for the Russian Image in the Context of National Literary Criticism of the mid-19th century]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*. Simferopol, 2017, Vol. 3 (69), no 1, pp. 111–127.
28. Petrushkov V. S. *K. M. Stanyukovich-Zhurnalist* [K. M. Stanyukovich is a Journalist]. Stalinabad, 1960. 192 p.
29. Petrushkov V. S. *K. M. Stanyukovich (K Voprosu o Periodizatsii Tvorchestva)* [K. M. Stanyukovich (Periodization of Creativity)]. Dushanbe: IRFON Publ., 1966. 133 p.

30. Petrushkov V. S. *Proizvedeniya K. M. Stanyukovicha v Periodicheskoi Pechati. (Bibliograficheskii Spravochnik)* [Works by K. M. Stanyukovich in the Periodical Press. (Bibliography)]. Dushanbe: Tadzhiiskii Gosuniversitet Publ., 1963. 105 p.
31. Petrushkov V. S. *Poetika K. M. Stanyukovicha-Marinista (Osobnosti Khudozhestvennoi Izobrazitelnosti i Stilya)* [The Poetics of Maritime Works by K. M. Stanyukovich (Artistic and Style Specificity)]. Dushanbe: IRFON Publ., 1966. 155 p.
32. Polyakova M. M. *Stanyukovich i Ego Morskie Rasskazy* [Stanyukovich and his Sea Stories]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1934, pp. 7–47.
33. Potekhin A. A. *K. Stanyukovich: Sobranie Sochinenii. Tomy I i II. Morskie Rasskazy (M. 1897 g). Retseziya* [K. Stanyukovich: Collected Works. Volumes I and II. Marine Stories (M. 1897). Review]. St. Petersburg, IAN Publ., 1903. 11 p.
34. Skabichevskii A. M. *Istoriya Noveishei Russkoi Literatury (1848–1890)* [The History of Modern Russian Literature (1848-1890)]. St. Petersburg, 1891. 523 p.
35. Sobolev L. S. *O Konstantine Mikhailoviche Stanyukoviche* [About Konstantin Mikhailovich Stanyukovich]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1958, Vol. 1, pp. 5–14.
36. Sokolova M. A. *V Okeane Nuzhno Imet Smeluyu Dushu i Chistuyu Sovest...* [In the Ocean you Need to Have a Bold Soul and a Clear Conscience...]. Moscow: Pravda Publ., 1987, pp. 429–440.
37. Stanyukovich K. M. *Pisma Rodnym iz Krugosvetnogo Plavaniya* [Letters to the Family Written During the Voyage Around the World]. *Literaturnyi Arkhiv*. Moscow – Leningrad: AN SSSR Publ., 1961, Vol. 6, pp. 421–464.
38. Tarasova V. M. *Novorossiiskaya Marinistika kak Prodolzhenie Istorii Mirovoi Literaturnoi Marinistiki: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Marinistics of Novorossia as a Continuation of the History of World Literary Marine Painting]. Krasnodar, 2011. 26 p.
39. Shkaruba L. M. *K Voprosu o Mirovozzrenii Stanyukovicha v 70–80-kh Godakh* [Stanyukovich's World View in 1870–1880]. *Uchenye Zapiski Tomskogo Gosuniversiteta. T. 77 Problemy Ideinosti i Masterstva Khudozhestvennoi Literatury*. Tomsk: TGU Publ., 1969, pp. 135–148.

40. Yakovlev N. V. *Stanyukovich* [Stanyukovich]. *Istoriya Russkoi Literatury: V 10 t.* Moscow – Leningrad: AN SSSR Publ., 1941–1956, Vol. 9, part 2, pp. 238–254.

**“STANYUKOVICH MYSTERY”
IN THE REFLECTION OF SCIENCE AND CRITICS**

Zhang Mengjia

Stories and novels by Konstantin Mikhailovich Stanyukovich about the sea and marine life are very popular both among the children and among the adult audience of readers. However, we must remember that the creative legacy of Stanyukovich is divided into two groups of works. One group of texts depicts the sea and the life of sailors, and another group of texts depicts the usual social life of Russia in the 19th century. On this basis, a scientific problem, which can be called the "Stanyukovich mystery", arises. The problem lies in the fact that Stanyukovich simultaneously created works that differ greatly in content and in form. Why is one group of works popular with readers, and the other group does not have such popularity? In different epochs, literary critics and scholars have sought answer to this question. They gave very different answers to this question. This article summarizes the views of literary critics and scholars. The results of this article should help modern scientists find the full answer to the "Stanyukovich riddle".

Keywords: K. M. Stanyukovich, marinistics, belles-lettres, creative method.

УДК 821.161.1

ЛЮЦИФЕРИАНСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. П. ПНИНА И М. ГОРЬКОГО

Шум О. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: shum_olga@list.ru

В статье рассмотрен образ люциферианского человека в произведениях М. Горького и И. П. Пнина. Представлен сопоставительный анализ текстов оды Пнина и поэмы Горького, имеющих одинаковое название «Человек». В ходе анализа выявлены сближающие произведения смысловые и образные аспекты: восхищение человеком, величественным вопреки своей малости; убежденность в том, что главный союзник человека – «мысль» (разум), силой которой он превращается в «зиждителя»; прославление деяний человека, преобразующего материальный мир, в частности стихийную природу. Пафос преобразования получил яркое воплощение в публицистике Горького советского периода, отразив чаяния и других идеологов социализма. Данный аспект позволил провести аналогию между идеалами Просвещения и идейностью конца 1920-х – начала 1930-х годов. Чтобы объяснить выявленные типологические схождения, в статье предложено рассматривать их как частные проявления общей идеологии атеистического люциферианства, базовые постулаты которого основаны на представлении о человеке-богоборце, мыслящем себя разрушителем созданного Богом мира и новым демиургом. В творчестве М. Горького, как показано в статье, люциферианство обрело также форму коллективного человека, образ которого создается в поздней публицистике писателя. Наблюдения были прокомментированы с помощью разбора сути человека-люциферианца, представленного в художественном и публицистическом творчестве Вяч. Иванова. Показано, что Иванов не разделял оптимистического взгляда на люциферианского человека и его творение – культуру, предупреждая о ее неизбежной исчерпанности и неминуемо предстоящем человечеству нравственном выборе. В заключение охарактеризована современная версия люциферианства, генетически связанная с абсолютизацией прогресса, – трансгуманизм, который находит свою реализацию в массовой культуре.
Ключевые слова: просветительство, И. Пнин, социалистическая идейность, М. Горький, образ Человека, люциферианство, коллективный человек, Вяч. Иванов, трансгуманизм.

ВВЕДЕНИЕ

Русское Просвещение считают периодом становления идеологического начала в художественной литературе. Помимо полемики по вопросам литературного стиля, в это время велись дискуссии и о необходимости наполнения художественных произведений идейно-политическим содержанием. По замечанию Вл. Орлова, именно в этот период «усваивается новая точка зрения на художественное слово как на отличное средство идеологической борьбы, – стих приобретает конкретно-агитационное значение» [20, с. 37]. Признание, а также активная реализация авторами эпохи Просвещения агитационно-пропагандистской функции

художественного произведения сформировали литературный контекст, типологически сходный с теми последующими, которые вновь будет отличать приоритет идейного начала в литературе и ярко выраженная политическая тенденциозность. В этой связи не удивительно, что просветительские мотивы литературоведы находили в творчестве Максима Горького, писателя иного, но столь же интенсивно идеологизированного времени в истории России, как и рубеж XVIII–XIX вв.

Истинным просветителем Горький был в жизни, о чем знали его современники и в чем убеждались все, кто обращался к изучению его многогранной деятельности, приходя в итоге к выводу, что в качестве просветителя и гуманиста он достиг «пик своей миссии» [28, с. 21]. Просветительство проявилось и в горьковском творчестве, идейной основой которого является антропоцентризм.

Аллегорическим воплощением антропоцентрической концепции Горького является образ Человека из одноименной поэмы 1903 года, фактически подытоживающей ранний период творчества писателя. Конечно, литературоведы отмечали просветительские аспекты поэмы. Можно вспомнить статьи Ю. В. Зобнина и Л. В. Спиридоновой, в которых отмечены свойственный произведению пафос «идеалистического просвещения» [11, с. 11] и декларативная риторика поэмы, напоминающая «не лозунги социалистов и не заповеди Заратустры, а универсалии Разума, понимаемые в традициях философии Просвещения» [22, с. 6]. Сходно сказал об этом М. Вайскопф: в «Человеке» Горького «сквозь фейербаховско-антропософский слой сквозит традиция просвещенческого гнозиса XVIII–XIX веков (можно было бы указать на ряд перекличек между поэмой Горького и «Человеком» Пнина...)» [2, с. 69]. Именно идея М. Вайскопфа стала отправной точкой нашего исследования. Нам показалось целесообразным раскрыть это беглое замечание, проведя углубленный сопоставительный анализ упомянутых текстов.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить концептуальные аналогии в содержании оды И. П. Пнина и поэмы М. Горького и подтвердить мысль о типологическом идейном сходстве произведений, относящихся к периодам литературного процесса, отмеченным повышенной идеологизацией

художественного творчества. Например, Горький, осмысливая поэму «Человек», которую называл «моё credo», выразил свою позицию вполне определенно: «...быть только художником – нельзя в наши дни» [9, с. 464].

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ОДЕ И. П. ПНИНА И ПОЭМЕ М. ГОРЬКОГО

Ода И. П. Пнина и поэма М. Горького, одинаково названные «Человек», сходны в первую очередь своим ключевым аллегорическим образом. В центре произведений – человек, величественный вопреки своей малости. Пнин пишет о нем: «Ты царь земли – ты царь вселенной, Хотя ничто в сравненьи с ней» [20, с. 65]. Горький: «Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неуловимой быстротою куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом – зачем он существует? – он мужественно движется – вперед! и – выше! – по пути к победам над всеми тайнами земли и неба» [9, с. 35]. Оба автора считают, что величие человеку придает мысль, то есть разум и ведомое им знание. Пнин: «Хотя ты прах один возженный, Но мыслию велик своей!» [20, с. 65]; Горький: «И только Мысль – подруга Человека, и только с ней всегда он неразлучен, и только пламя Мысли освещает пред ним препятствия его пути, загадки жизни, сумрак тайн природы и темный хаос в сердце у него» [9, с. 36].

Однако после вводных тезисов каждый из авторов строит текст по-своему.

Ода Пнина более всего напоминает продолжение диспута с неким неведомым оппонентом. Предполагаемого оппонента литературоведы видели в первую очередь в Г. Р. Державине (В. А. Западов «Державин и Пнин»), считая, что Пнин вел спор с его знаменитой одой «Бог». Однако была высказана и мысль о том, что на самом деле Пнин апеллировал к «Оде на гордость» П. П. Сумарокова (М. Г. Альтшуллер «С кем полемизировал Пнин в оде “Человек”»). Наконец, Ю. М. Лотман, учитывавший широкий культурный контекст произведения, полагал, что Пнин полемизировал не с каким-либо одним конкретным автором XVIII века, а с церковным мировоззрением в целом (Ю. М. Лотман «С кем же полемизировал Пнин в оде “Человек”?»). Со своим оппонентом, был ли он конкретным лицом или неким обобщением, Пнин

категорически не согласен в том, что человек – «лишь червь земной». В доказательство он представляет свою систему доводов, разделив их на две части.

Первая часть предшествует ключевому тезису, в ней описаны материальные деяния человека-«зиждителя вселенной», без которого природа была бы «степью лишь пустой». Человек, создатель и преобразователь, распоряжается природой по своему усмотрению, всем властно в ней повелевая: на месте мрачных лесов, обиталищ шипящих змей и других свирепостей природы появляются нивы и стада, в бывших пустынях – села и города, каналы, пристани и суда, разверзаются пучины вод и земные недра, даря свои богатства. Вторая часть оды, размещенная поэтом после строф, в которых он опровергает мысль о человеке-черве и человеке-рабе, посвящена духовной деятельности «зиждителя-человека», овладевшего научным знанием, создавшего искусство, правовой и моральный кодекс, являющегося гражданином и патриотом.

Ключевая идея Пнина, его антитезис к тезису «человек есть червь», выражает его убежденность в том, что человек на земле, как в небе Бог («Ты на земли, что в небе бог!»). Человек смог исключительно собственными силами «через труд и опытность свою» обрести мудрость, преодолеть все препятствия, улучшить свою судьбу, превратить суровость в доброту, наполнить сердца добром и «щедротой» [20, с. 69].

Поэма Горького после вступления, близкого по смыслу началу оды Пнина, движется по иному содержательному руслу, превращаясь, по сути, в своеобразный аллегорический психоанализ.

Писатель выводит на свет все скрытые в Человеке инстинкты, чувства, персонифицированные «создания его творческого духа»: Любовь, Дружбу, Гнев, Ненависть, Безумие, Надежду; «вечного спутника Человека» Смерть; «Слабостью рожденные три птицы» – Уныние, Отчаянье, Тоску, – и противопоставляет всем этим врагам Человека его «свободную подругу» Мысль и «святую» Гордость. Внимание писателя сосредоточено на нюансах борьбы с вредным воздействием остальных аллегорических фигур, тормозящих движение Человека «вперед и выше», ослабляющих его. Например, вот как действует Надежда в союзе с ведомой ею Ложью. Они «поют» Человеку «о радостях покоя», «о тихом счастье примиренья» и

убаюкивают «дремотствующий дух», толкая его «в тину сладкой Лени и в лапы Скуки, дочери ее». И Человек по внушению своих «близоруких чувств» поддается, насыщая мозг и сердце этим «приятным ядом» «циничной Лжи», готовый поверить, что у него нет иного пути, как только «на скотный двор спокойного довольства самим собою» [9, с. 39]. Тут в битву с Ложью за Человека вступает Мысль, которая «точит мозг», «опустошает грудь», сжимает сердце «бодрящим холодом тоски по правде, суровой мудрой правде жизни». Если Человек отравлен Ложью неизлечимо, усилия Мысли тщетны, и он охваченный Пошлостью, дочерью «подлой Скуки», «теряет сам себя, перерожденный слабостью своею в животное без Гордости и Мысли». Но если «возмущение вспыхнет в нем, оно разбудит Мысль, и – вновь идет он дальше, один сквозь терния своих ошибок, один среди жгучих искр своих сомнений, один среди развалин старых истин!» [9, с. 39–40].

Финальный разговор Человека, в котором, глядя «в очи Правде», он обращается к своим сомнениям, бросая им вызов, концептуально вновь оказывается близок идеям оды Пнина. Человек Горького отрицает своё бессилие: «Вы лжете, говоря, что я бессилён, что ограничено сознание мое!». Он ощущает рост своего сознания, подобного искре будущего пожара, которым станет он «во тьме вселенной»: «И призван я, чтоб осветить весь мир...» [9, с. 40]. В дальнейшем монологе Человека, несущего свет, высказан ряд сентенций, одновременно просветительских – о необходимости борьбы с незнанием, заблуждениями и предрассудками, «опутавшими мозг», и марксистских, усвоенных писателем в обществе социал-демократов. Например, обличение жизни, основанной на социальном неравенстве: «Бесмысленна, постыдна и противна вся эта жизнь, в которой непосильный и рабский труд одних бесследно, весь, уходит на то, чтобы другие пресыщались и хлебом и дарами духа!» [9, с. 41].

ЛЮЦИФЕРИАНСКИЙ ЧЕЛОВЕК, ПРОМЕТЕИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Итак, мы можем констатировать, что ряд идейных «перекличек» между текстами Пнина и Горького существует и что связаны они в первую очередь с

основополагающим постулатом о человеке, преобразующем мир силой разума, который Пнин и Горький абсолютизируют.

Преобразование материального мира у Пнина сводится к покорению стихийной природы. Содержательно это сближает первую часть его оды не столько с поэмой «Человек» и не только с творениями других поэтов классицистско-просветительской поры (вспоминается, например, хрестоматийная «Ода на день восшествия на всероссийский престол Елизаветы Петровны, 1747 года» М. В. Ломоносова), сколько с горьковской публицистикой первых советских лет. В статьях Горького конца 1920-х – начала 1930-х годов и в очерках «По Союзу Советов» (1928–1929) заметен тот же характерный пафос возвеличивания человека. Человек «и только он является творцом всех вещей и всех идей, именно он – чудотворец и в будущем владыка всех сил природы» [5, с. 499]. Но в отличие от поэмы «Человек» в публицистике развернуто описаны результаты преобразовательных деяний, близкие по смыслу строкам оды Пнина: орошенные пустыни и осушенные болота, дающие человеку торф «как топливо и удобрение», животные и растения «на службе у человека» и др. Кроме того, в духе своего времени писатель намечает и перспективы дальнейших преобразований: «Победа над стихиями, над болезнью и смертью» [8, с. 106].

Горький не был одинок в своих планах преобразования природы. Так, обращает на себя внимание созвучие его мыслей с идеями Л. Д. Троцкого, высказанными в работах 1920-х годов (см., например, «Литература и революция» (1923), «О культуре будущего» (1922) и др.). В этих работах, отойдя от политической конкретики, Троцкий изображает перспективы развития революции и культуры с тем же пафосом: «Нынешнее расположение гор и рек, полей и лугов, степей, лесов и морских берегов никак нельзя назвать окончательным. Кое-какие изменения, и не малые, в картину природы человек уже внес; но это лишь ученические опыты в сравнении с тем, что будет. Если вера только обещала двигать горами, то техника, которая ничего не берет “на веру”, действительно способна срывать и перемещать горы» [26, с. 193].

Под воздействием идеологов в начале 1930-х годов состязание с природой, борьба с ней были выведены на уровень государственных задач. «Всесоюзный

староста» М. И. Калинин на IV сессии ЦИК Союза ССР IV созыва говорил, ссылаясь при этом на философа Н. Ф. Федорова, что построение социализма в первую очередь мыслится как полное овладение силами природы [13]. Нарком земледелия Я. А. Яковлев призывал к новаторству, которое приведет к открытиям, революционирующим жизнь животных и растений. Видный ученый-биолог М. М. Завадовский выступал на коллегии Наркомпроса СССР с докладом «Догнать и перегнать природу!». Сам Горький принимал деятельное участие в организации Всесоюзного института экспериментальной медицины, нацеленного на эмпирическое изучение биологии человека.

Идейная близость просветительства и советской идеологии 1920-х–1930-х гг. не удивительна, если рассматривать их в русле одной идеологической тенденции: мы имеем в виду люциферианство. Составляющие его движения и течения основаны на постулате о *плохо созданном Богом мире, нуждающемся в переделке силами богоравного человека* (курсив наш. – О. Ш.). Здесь человек становится на место мятежного ангела: восстает против Бога, выносит приговор бытию, стремясь его разрушить, и претендует на место единственного демиурга нового «лучшего» мира. При таком подходе выводы исследователей об отдельных идейных совпадениях (например, о том, что антропологический идеал Горького в поэме «Человек» «соединяет в себе просветительский рационализм и естественнонаучный эволюционизм, чем он весьма близок к ноосферным учениям XX в.» [27, с. 34]), можно рассматривать как частность. Обобщить же все проявления идейного сходства (включая и близость ноосферным концепциям), по нашему мнению, позволяет выявление их люциферианской подоплеки.

Люциферианство может воплощаться в теистической и атеистической формах. Истоки первой исследователи связывают с эпохой первохристианства, считая одним из ранних проявлений теистического люциферианства манихейскую ересь [23, www]. Вторую форму выводят из недр протестантизма: «Отвергая святость подвижников, Лютер был вынужден найти ей земную замену, что он и сделал, приравняв светскую профессию к духовному призванию». В результате борьба и чаяния «протестантского люциферианца» оказываются связанными исключительно с имманентным миром, от

чего уже всего один шаг до вариаций на тему социализма «с его упованиями на “мировую революцию” (в теистическом варианте – эсхатологическую войну) и “новый порядок” (в теистическом варианте – иной мир)» [23, www].

Просветительство, а также утопический и марксистский социализм могут быть рассмотрены с этой точки зрения как идеологические варианты люциферианства в его атеистической форме. Само название движения «Просвещение» одного корня с именовани^{ем} «несущего свет» мятежного ангела (лат. *lux* – «свет» и *ferre* – «нести»). И горьковский Человек, в котором Э. Клюс увидела «плохую имитацию» ницшевского Заратустры [14], продолжает «светоносные» традиции: он, напомним, «призван осветить весь мир». В соответствии с нашей концепцией ницшеанство также представляет собой один из вариантов люциферианства, что подтверждает для нас природу горьковского образа. Конечно, размах преобразовательной деятельности в представлении русских просветителей XVIII века и большевиков-ленинцев разный, но глубинная суть одна: человек-богоборец, используя «свет знания», то есть достижения науки, переделывает враждебный и порочный мир под себя. Причем в своей преобразовательной деятельности просветители-масоны были готовы использовать «тайное» знание магов и каббалистов. В этой связи показателен состав «Герметической библиотеки», которую собирал Н. И. Новиков, помещая в нее в числе прочего переводы трактатов по медицине и химии [19].

Вместе с тем в широком профанном контексте идеологи и писатели не обращались к образу Люцифера. Если возникала необходимость в поэтическом иносказании, для изображения подвижника-светоча использовался образ-символ Прометей. Вызов, брошенный титаном Зевсу, совмещался при таком подходе с мятежом падшего ангела против Бога, а прометеев цивилизирующий «огонь» подменял собой люциферианский «свет знания». Разумеется, мировой образ Прометей многозначен. Всё разнообразие конструкций этого символа подробнее разобраны в труде А. Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство» (1976). Но в русской литературе, что подтверждают выводы А. Ф. Лосева, традиция видеть в Прометее «символ передовой науки на пользу человечества» зародилась как раз в XVIII веке у М. В. Ломоноса («Письмо о пользе стекла...», 1752) и, «минуя

прочие стороны Прометея, никогда не умирала» в ней [17, с. 232]. Люциферианцами социалистического толка использовалось ещё одно из более поздних толкований образа титана-тираноборца в русской литературе. Речь идет о выделенной А. Ф. Лосевым трактовке Прометея как символа «духовной свободы, света и справедливости», проявившейся первоначально в русской поэзии XIX века [17, с. 233]. Такой Прометей – борец за свободу и знание как нельзя лучше символизировал устремления люциферианцев, не вызывая при этом ненужных ассоциаций с дьяволом.

Содержательно прометеизм близок люциферианству, но не идентичен с ним. С образом Прометея связан мотив самопожертвования, отсутствующий в образе Люцифера. Мотив принесенной ради людей жертвы обусловил своеобразный синтез, возникший в мировоззрении и творчестве Горького.

В ранний период творчества писатель создал, казалось бы, своего Прометея – Данко (рассказ «Старуха Изергиль», 1894), чье горящее сердце сродни прометееву огню, поскольку спасает людское племя и освещает путь к лучшей жизни. Однако в подвиге Данко отсутствует момент тираноборчества. В определенный момент Данко угрожают только ведомые им люди, и свое сердце-факел он вырывает из груди ради того, чтобы они, замороженные, поверили в необходимость идти дальше к своему спасению. Решением горьковского героя кроме него самого никто не управляет, нет даже косвенного влияния или желания поступить «от противного». В его поступке рафинированный антропоцентризм: человек все решает сам и за все платит собой, – сочетается с самопожертвованием Прометея и... подвигом Иисуса Христа. «Горящее сердце» Данко вызывает ассоциации с «жертвенным сердцем» Иисуса. Этот символ спасительной любви стал предметом поклонения в римской католической церкви, иногда сердце изображалось с короной из терна как символ Распятия, а в акафисте к Сладчайшему сердцу Иисусову звучат слова: «Радуйся, Сердце Иисуса, любовь к нам горящее». И хотя культ святого Сердца Иисусова характерен для латинского, а не для славяно-византийского обряда, образ и текст акафиста, конечно, были широко известны. Горький использовал понятный народу символизм в повести «Мать» (1906), сделав героев-революционеров похожими на первохристиан [см. об этом: 21;

24]. В сборнике «Несвоевременные мысли» (1917–1918) он выскажет свою идею с публицистической прямотой: настанет день, когда Христос и Прометей, символы «гордости и милосердия, кротости и безумной отваги в достижении цели», в душах людей «скипятся во одно великое чувство и все люди сознают свою значительность, красоту своих стремлений и единокровную связь всех со всеми» [4, с. 516]. Оксюморонный союз Иисуса Христа с языческим титаном Прометеем (иногда в один ряд с ними Горький ставит еще и сатану [5, с. 13]) возможен для писателя потому, что в его понимании эти персоналии являются фольклорными образами, не более. Но вот значимость их для Горького имеет не художественный, а идейно-сакральный характер. Например, он считает, что создав Прометея, «народное творчество гордо возносится на высоту величайшего символа веры» [5, с. 29]. Думается, что экспрессию фольклорной «сакральности» Горький стремился перенести в свой утопический синтез, чтобы содействовать пробуждению веры в новый символ – коллективного человека.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЛЮЦИФЕРИАНЕЦ В ПУБЛИЦИСТИКЕ М. ГОРЬКОГО

Мысль о «единокровной связи всех со всеми», высказанная в приведенной выше цитате из «Несвоевременных мыслей», оформилась в мировоззрении писателя к 1910-м гг., а в статьях советского периода она становится одной из ведущих. Горький повторяет ее многократно, настойчиво внедряя в сознание массы образ коллектива единомышленников, сплоченных желанием обустроить землю для будущих поколений. Писатель видит гигантским «коллективным человеком» всю страну: «Союз Советов – огромное тело, сложенное из полутораста миллионов единиц...» [6, с. 385]. Миф об этом гиганте создается в статьях: «Анонимам и псевдонимам» (1927), «Под красными знаменами» (1931), «Ударники в литературе» (1931), «О борьбе с природой» (1931) и др. «Мозг» единого тела – коммунистическая партия, «коллективный разум рабочих и крестьян» [7, с. 16]. «Великана» окружают злобные враги, «мелкие и крупные хищники» – «капиталисты Европы», по телу его ползают «паразиты» – враги внутренние. Из «среды этих насекомых» выходят «предатели, изменники, шпионы бывших “хозяев страны”», которых рабоче-крестьянская власть

«бьет ..., как вошь» [6, с. 239]. Презирая врагов, преодолевая трудности, великан делает свою важнейшую, исторически значимую работу: он «живет и работает для того, чтоб разрушить все отжившее, построить на земле новый мир» [7, с. 6].

Принцип описания «юного великана» у Горького напоминает художественный прием Т. Гоббса, использованный в предисловии к книге «Левиафан» (1651) при описании государства. Английский философ представляет его гигантским искусственным человеком, созданным для защиты человека естественного. Характеризуя своего Левиафана, Гоббс сравнивал государственные органы с органами и функциями человеческого организма, с его душой: «верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти – искусственные суставы; награда и наказание ... представляют собой нервы...; ... советники, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы суть искусственный разум (reason) и воля» и т. д. [3, с. 8]. Не исключено, что изобразительный принцип Гоббса повлиял на горьковскую образность. Кроме того, в 1930-е годы Горькому должна быть очень близка мысль Гоббса о государстве-собрании, которое «большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю» [3, с. 119]. Писатель сам именно так и оценивал ситуацию в стране победившего социализма, «где уничтожена классовая структура государства, десятки миллионов единоличных волей и умов, талантов и способностей организовались в единую волю» [8, с. 478]. Только у Гоббса сосредоточением воли может быть как собрание, так и один человек, диктатор, а в горьковской концепции такой нюанс, по крайней мере прямо, не рассматривается. В подкрепление наших наблюдений заметим, что в московской библиотеке Горького книга Гоббса «Левиафан» была, и она снабжена пометами писателя [16, с. 321].

Очевидно, что образ коллективного «великана», соединивший в себе богоравное могущество со стремлением к онтологическому разрушению, представляет трансформацию люциферианского Человека. Оба образа абстрактны и крайне далеки от реальных людей. Люциферианский Человек в отличие от Данко наполнен только безграничным антропоцентризмом, который проявляется в словах поэмы, кажущихся

неожиданными: «свободный, гордый Человек» идет «далеко впереди людей» [9, с. 36]. Однако ничего неожиданного здесь нет: люциферианский *Человек* неизбежно оказывается противопоставленным *людям* (курсив наш. – О. Ш.), такова логика образа. Думается, интуицией художника Горький чувствовал опасность, скрытую в люциферианском Человеке, поэтому желал «привить» своим героям-волюнтаристам христианское милосердие и кротость. Особенно остро необходимость в этом проявилась в жестоком хаосе пореволюционных лет. Понятно, что такая «прививка» была бессмысленна, поэтому в поздний период творчества, чтобы уйти от сверхчеловека, Горький выдвигает и всячески укрепляет в своей публицистике образ коллективного человека. Но и этот монстр оказался утопическим и люциферианским по сути.

ЛЮЦИФЕРИАНСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ОЦЕНКЕ ВЯЧ. ИВАНОВА

Говоря о сомнениях Горького нельзя обойти вниманием размышления его современника Вяч. Иванова, который подверг люциферианского человека художественному и философскому разбору. Надо отметить, что произведения Горького и Иванова образуют целую типологическую параллель, безусловно, заслуживающую отдельного исследования. Подходы к интерпретационному анализу и сравнению типологических сходжений предпринимались [см.: 15; 25; 27], но без задачи охватить материал максимально полно. Между тем даже названия произведений Иванова отсылают к горьковским образам: сборник «*Cor ardens*» / «Пламенеющее сердце» (1911–1912), трагедия «Прометей» (1919), мелопея «Человек» (1915–1919; Париж, 1939), статья «Два лада русской души» (1916) и др., – не говоря уже об одних и тех же продиктованных временем концептуальных вопросах, которые пришлось решать обоим писателям.

В отличие от Пнина и Горького, в чьих произведениях люциферианец обнаруживает себя вопреки авторскому замыслу, Иванов пишет мелопею «Человек» для того, чтобы раскрыть люциферианское начало в человеке и объяснить этот вид богоборчества. Своеобразным комментарием к поэме является вступление «Прологомены о демонах», написанное для статьи «Лик и личины России» в 1916

году. В пролегоменах Иванов лаконично, в форме рассуждения излагает свое понимание люциферианства, поэтически выраженное в насыщенной герметической символикой мелопее.

Трактовка Иванова помогает под иным углом увидеть суть преобразовательных импульсов люциферианского человека у Пнина и просветителей, а также у Горького и социалистов. Люциферианство Иванов объясняет, сопоставляя два богоборствующих начала: собственно Люцифера (Денницу) – «дух возмущения» и Аримана – «дух растления». Оба они воздействуют на «глубинную человеческую волю». Первый извращает ее богоравностью, соблазняя человека истолковать дарованное ему «Отчее Аз-есмы» «не по сыновнему (“Я и Отец – одно”), а как мятежная тварь». Второй развращает волю человека, обнаруживая несостоятельность мнимой богоравности и тем побуждая человека «произнести в сердце своем: “аз не есмь”», чтобы погубить его бесповоротно [12, с. 247].

Специфика понимания Ивановым указанных богоборствующих начал заключается в неравнозначности данных им оценок. Ариман, «припешник» Люцифера, для Иванова является началом однозначно темным и губительным, а вот взгляд поэта на «фосфорически светящегося Денницу, духа-первомятежника, внушающего человеку гордую мечту богоравного бытия» [12, с. 245] не столь однозначен. Иванов видит в Люцифере не искуителя, а испытателя (это его определения): в тот момент, когда иллюзия богоравности неизбежно развеется, человек «должен сам найти свое другое, как точку опоры, – должен действием любви и той веры, которая уже заключается в любви и ее обуславливает, обрести свое ты еси» [12, с. 248]. Если этого не произойдет, человек окажется во власти Аримана.

Диалектический, в духе религиозного модернизма, взгляд на Люцифера придал его демоническим деяниям позитивную окраску. Во-первых, Денница у Иванова освобожден от функции прямого погубителя души: «воздействие Люцифера на человеческую душу является не непосредственным губительством этой души, а лишь страшным испытанием ее жизнеспособности» [12, с. 248]. Во-вторых, «на первых порах» люциферианское воздействие «могущественно повышает и обостряет ... все бытийственные и творческие энергии человека» [12, с. 248]. Человек, неустанно и

безостановочно творящий под воздействием «люциферической энергии» (Иванов сравнивает его с Фаустом), создал всю современную культуру.

Опасная «прелесть» люциферианства заключается в том, что творение культуры воспринимается человечеством Нового времени преимущественно, не без оговорок и предостережений, но в целом как феномен позитивный. И вот в этом аспекте Иванов, ведший свой идейный поиск в русле, пусть обновленческого, но христианства, проявил себя как мыслитель, не обольщавшийся люциферианскими культурными преобразованиями. Разобрав суть человека «аз есмь» и культуры, создаваемой им, он заострил внимание на истощенности, которая ожидает отпавшую от Бога культуру: «Культура конечна. Она спасается своею динамикой и должна бежать, безостановочно бежать, как зверь, травимый ловцом. Ее гонит «князь мира» со сворою Аримановых собак. Долго ли еще может продолжаться этот бег? ...». Конец «люциферического процесса», по Иванову, неизбежен, и вот тогда культура и человек окажутся на распутье, «где Люцифер покидает путников и им предложит выбор между тропой Христа и дорогой Аримана» [12, с. 251].

Можно, конечно, усомниться в том, способен ли люциферианец выбрать «ты еси», но Иванов хотя бы ставит вопрос о выборе, перед которым может оказаться люциферианский человек и творимая им культура. В то время как авторы просветительских и социалистических произведений, будь то художественная литература или публицистика, вообще не видят проблемы в перспективе культурного строительства. Иначе и не могло быть, ведь в идеологии атеистического люциферианства преобладает исключительно оптимистический взгляд на возможности культурного прогресса, открывающиеся перед человечеством. Особенно большие надежды возлагаются люциферианцами на развитие науки. В этом плане, на наш взгляд, показательна одна из современных версий человекобожества.

ТРАНСГУМАНИЗМ КАК СОВРЕМЕННАЯ ВЕРСИЯ ЧЕЛОВЕКОБОЖЕСТВА

Люциферианский человек, выведенный за границы собственной природы, получил воплощение в идеологии трансгуманизма, начавшей оформляться с 1950-х годов. По одной из наиболее распространенных трактовок, трансгуманизм (постгуманизм, ньюгуманизм) – «новый этап в развитии гуманизма, научно ориентированное мировоззрение, согласно которому современный человек не является вершиной эволюции, но скорее – началом эволюции вида *Homo Sapiens*» [18, с. 249]. Характерно название книги одного из идейных отцов трансгуманизма Р. Эттингера: «От человека к сверхчеловеку» (1974).

Философия Возрождения и Просвещения, позитивизм XIX вв., **ницшеанство** ноосферные концепции, например, философия русского космизма [см.: 10] Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского рассматриваются как предтечи трансгуманизма. Заметим, что федоровская концепция очень интересовала Горького, а для другого «классика социалистического реализма» Л. Леонова, как показано в статье Л. М. Борисовой, философия русского космизма была одним из источников зашифрованной «второй композиции» его романов, оппозиционных по отношению к содержательной ограниченности соцреализма. При этом, как отмечает и Л. М. Борисова, у Циолковского Леонов для оценки творческого потенциала нового человека взял «самый жесткий из космистских вариантов эволюционной теории – идею искусственного отбора, селекции гениев» [1, с. 107].

Мировоззренческие пристрастия адептов социалистической идеи встраиваются в указанный философский ряд, который в нашем понимании представляет атеистическую форму общей люциферианской тенденции. Можно вкладывать различное содержание в понятие «сверхчеловек», по-разному видеть будущую общность бессмертных людей, ключевая суть одна. Будет ли «сверхчеловек» как у Ницше исключительным человеком или как у философов трансгуманизма лучшим из людей [18, с. 246], будет ли «коллектив» трактоваться как социалистическая общность «единиц» или объединение ради «проектики» «общего дела», – в основе все то же недовольство насущным и стремление «преодолеть человека», превратив

его тем или иным способом в богоравное существо. Трансформация человека сопровождается глобальным переустройством бытия. Так, трансгуманистический виртуальный нанодвойник мира позволяет заменить или дополнить действительное желаемым, как о том мечтали люциферианские утописты.

Сегодня трансгуманизм – это в первую очередь общественное движение, имеющее свою идеологию. Если же говорить о литературе, то в ней трансгуманисты не сказали еще художественно значимого слова (мы не учитываем некоторые относимые к трансгуманизму произведения классиков научной фантастики). Возможно, уже и не скажут, поскольку трансгуманистические идеи и образы практически сразу «ушли» в сферу массовой культуры (фильмы и компьютерные игры) и формульной литературы. Такой «уход» закономерен, так как, по справедливому замечанию М. А. Черняк, «массовая литература стала универсальным социокультурным пространством для ассимиляции и распространения разнообразных идей, она по-своему комментирует все аспекты современной жизни, формируя определенный контекст ценностей» [29, с. 18–19]. В «трансгуманистической» литературе формулы лидирует фантастика, причем не фэнтези, а именно рассказы и повести в жанре science fiction. Из отечественных фантастов выделяются С. Лукьяненко, Ю. Никитин, заметен цикл о растворении личности в цифровом пространстве, созданный киевскими авторами Мариной и Сергеем Дяченко, и др. Однако авторам нанофантастики приходится конкурировать с другими популярными жанрами футурологической направленности, такими, например, как антиутопия и постапокалиптический роман. Иногда жанровые границы, напротив, размываются и тексты содержательно совмещаются, так что в целом актуальная картина литературы трансгуманистической направленности представляется довольно расплывчатой.

ВЫВОДЫ

Подводя итог исследования, отметим.

В одноименных произведениях И. Н. Пнина и М. Горького можно выделить как типологически близкие: во-первых, ключевой образ-аллегию Человека, могущественного, несмотря на свою слабость, во-вторых, ключевую идею о том, что величие человека обусловлено его главным союзником мыслью-разумом, благодаря которой, он становится преобразователем и зиждителем. В указанных идейно-художественных аспектах мы обнаруживаем отражение идеологической тенденции люциферианства в его атеистической форме. Основанием для такого понимания являются, по нашему мнению, свойственные данной идеологии богоборчество, недовольство сотворенным Богом миром, желание его разрушить и выступить в роли богоравного демиурга нового мира.

Для иносказательно выражения люциферианских идей идеологами использовался образ Прометея. Однако прометеизм не идентичен люциферианству, несмотря на общие идеи богоборчества и богоравности. Прометеизм жертвен, и данное жертвенное начало в творчестве Горького соединилось с мотивами христианского подвига, породив художественные образы Данко и революционеров, подобных первохристианам. В публицистике писателя утопический символический союз Прометея и Христа предназначался для пробуждения веры в новую ипостась люциферианца – коллективного человека, напоминающего образно и идейно Государство-Левиафана из трактата Т. Гоббса.

Современник Горького Вяч. Иванов в своем художественном и публицистическом творчестве исследовал человека-люциферианца, создателя культуры. Иванов, находясь на позициях христианства, хоть и подвергнув отдельные его постулаты переосмыслению, видел в люциферианском человеке опасную обреченность и не разделял оптимизма идеологов Просвещения и социализма относительно судьбы созданной с подачи мятежного ангела культуры, обращая внимание на ее конечность и неминуемый для человечества момент нравственного выбора.

Размышления Вяч. Иванова можно продолжить: в XX и начале XXI века «люциферианская культура» проявилась в очередном гуманистическом фетише – трансчеловеке, бессмертном, бесполом, вечно молодом монстре с нечеловеческими способностями, демоне цифровой Вселенной. Идейной основой образа стала философия трансгуманизма.

Список литературы

1. Борисова, Л. М. Идеи русского космизма в социально-философском подтексте романов Л. Леонова 1920–1930-х годов // Вопросы русской литературы. – Симферополь, 2013. Вып. 26. – С. 99–111.
2. Вайскопф, М. Птица-тройка и колесница души: работы 1978–2003 годов / Михаил Вайскопф. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 576 с.
3. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс. М. : Мысль, 2001. – 478 с.
4. Горький, М. Несвоевременные мысли // Книга о русских людях: сборник / М. Горький ; вступ. ст. и примеч. П. Басинского. – М. : Вагриус, 2000. – С. 433–559. – (Мой 20 век).
5. Горький, М. Собрание сочинений : в 30-ти т. Т. 24. Статьи, речи, приветствия, 1907–1928 / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1953. – 576 с.
6. Горький, М. Собрание сочинений : в 30-ти т. Т. 25. Статьи, речи, приветствия, 1929–1931 / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1953. – 520 с.
7. Горький, М. Собрание сочинений : в 30-ти т. Т. 26. Статьи, речи, приветствия, 1931–1933 / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1953. – 464 с.
8. Горький, М. Собрание сочинений : в 30-ти т. Т. 27. Статьи, доклады, речи, приветствия, 1933–1936 / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1953. – 590 с.
9. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 6 / М. Горький ; гл. ред. Л. М. Леонов. – М. : Наука, 1970. – 582 с.
10. Дёмин, И. В. Русский космизм в перспективе трансгуманизма : монография / Илья Вячеславович Дёмин. – Самара : Глагол, 2014. – 208 с.

11. Зобнин, Ю. В. По ту сторону истины (случай Горького) / Ю. В. Зобнин // Максим Горький: pro et contra : личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей 1890–1910-е гг. : антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – С. 2–36.
12. Иванов, В. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3 / Вячеслав Иванов ; под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель : Foyer Oriental Chretien, 1979. – 894 с.
13. Калинин, М. И. Вопросы советского строительства. Статьи и речи (1919–1946) / М. И. Калинин ; ред. И. Зборовский. – М. : Политическая литература, 1958. – С. 397–420.
14. Ключ, Э. Ницше в России. Революция морального сознания / Э. Ключ ; пер. с англ. Л. В. Харченко. – СПб. : Академический проект, 1999. – 240 с. – (Современная западная русистика).
15. Корецкая, И. В. М. Горький и Вяч. Иванов / Корецкая И. В. // Горький и его эпоха / ИМЛИ РАН. – М. : Наука, 1989. – С. 169–184. – (Исследования и материалы; Вып. 1).
16. Личная библиотека М. Горького в Москве : описание : в 2 кн. / ред.: Л. П. Быковцева, А. М. Крюкова ; сост.: А. Д. Смирнова, М. М. Пешкова, Р. Г. Бейслехем. – М. : Наука, 1981. – Кн. 1. – 412 с.
17. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство : монография / А. Ф. Лосев. – 2-е изд., испр. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.
18. Луков, В. А. Трансгуманизм / В. А. Луков // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2017. – № 1. – С. 245–251.
19. Нефедов, А. Тайны «Герметической библиотеки» // Торжество слова и дела. Книгоиздатель Николай Новиков: возвращение из небытия / Александр Нефедов. – М. : Академия-XXI, 2015. – С. 51–71.
20. Пнин, И. Сочинения / Иван Пнин ; под общ. ред. И. А. Теодоровича ; вступ. ст. и ред. И. К. Луппола ; коммент. В. Н. Орлова. – М. : Изд-во всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. – 312 с.
21. Спиридонова, Л. А. Повесть Горького «Мать» как евангелие новой веры / Л. А. Спиридонова // Литература, культура и фольклор славянских народов:

- ЛЮЦИФЕРИАНСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. П. ПНИНА И М. ГОРЬКОГО
- материалы конференции. К XIII Международному съезду славистов, (Москва, июнь 2002). – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.157–174.
22. Спиридонова, Л. Максим Горький без мифов и домыслов / Спиридонова Лидия // Литературная газета. – 2008. – № 12/13. – С. 6.
23. Сулимов, С. Теистическое и атеистическое люциферианство [Электронный ресурс] : [статья] / Станислав Сулимов, Игорь Черниговских // Credo New : теоретический журнал. – 2016. – №1. Режим доступа : http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr1-2016/ (дата обращения: 29.06.2018).
24. Сухих, И. Между Марксом и Богородицей (1906 – 1907 «Мать» М. Горького) / И. Сухих // Звезда. – 1998. – № 10. – С. 227–235.
25. Титаренко, С. Д. Мистериально-мифологическая природа жанра мелопеи «Человек» в творчестве Вячеслава Иванова / С. Д. Титаренко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2009. – Вып. 2, ч. 2. – С. 55–65.
26. Троцкий, Л. Д. Литература и революция / Л. Д. Троцкий. – М. : Политиздат, 1991. – 400 с.
27. Федотова, С. В. Три концепции человека в литературе серебряного века / С. В. Федотова // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2005. – Вып. 6 (50). – С. 32–38.
28. Хьетсо, Г. Максим Горький сегодня / Гейр Хьетсо // Новый взгляд на М. Горького: М. Горький и его эпоха : материалы и исследования / ИМЛИ РАН ; под ред. В. С. Барахова. – М. : Наследие, 1995. – С. 16–24.
29. Черняк, М. А. Литература эпохи нано: взгляд сквозь магический кристалл / Мария Александровна Черняк // На путях к новой школе : журнал. – СПб. : Участие, 2010. – № 3. – С. 18–23.

References

1. Borisova L. M. *Idei Russkogo Kosmizma v Sotsialno-Filosofskom Podtekste Romanov L. Leonova 1920–1930-h Godov* [Ideas of Russian Cosmism in the Social and

-
- Philosophical Subtext of L. Leonov's Novels of the 1920s–1930s]. *Voprosy russkoi literatury*. Simferopol, 2013, no. 26, pp. 99–111.
2. Vaiskof M. *Ptitsa-Troika i Kolesnitsa Dushi: Raboty 1978–2003 Godov* [Bird Trio and the Chariot of the Soul: the Works of the 1978–2003s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 576 p.
 3. Gobbs T. *Leviafan, ili Materiya, Forma i Vlast Gosudarstva Tserkovnogo i Grazhdanskogo* [Leviathan: or The Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil]. Moscow: Mysl Publ., 2001. 478 p.
 4. Gorkii M. *Nesvoevremennye Mysli* [Untimely Thoughts]. *Kniga o Russkikh Lyudyakh*. Moscow: Vagrius Publ., 2000, pp. 433–559.
 5. Gorkii M. *Sobranie Sochinenii: v 30-ti T.* [Collected Works: in 30 Vol.]. Moscow: Hudozh. Lit. Publ., 1953, Vol. 24, 576 p.
 6. Gorkii M. *Sobranie Sochinenii: v 30-ti T.* [Collected Works: in 30 Vol.]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1953, Vol. 25, 520 p.
 7. Gorkii M. *Sobranie Sochinenii: v 30-ti T.* [Collected Works: in 30 Vol.]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1953, Vol. 26, 464 p.
 8. Gorkii M. *Sobranie Sochinenii: v 30-ti T.* [Collected Works: in 30 Vol.]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1953, Vol. 27, 590 p.
 9. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennye Proizvedeniya: v 25 T.* [Complete Works: Artistic Works: in 25 Vol.]. Moscow: Nauka Publ., 1970, Vol. 6, 582 p.
 10. Dyomin I. V. *Russkii Kosmizm v Perspektive Transgumanizma* [Russian Cosmism in the Perspective of Transhumanism]. Samara: Glagol Publ., 2014. 208 p.
 11. Zobnin Yu. V. *Po Tu Storonu Istiny (Sluchai Gorkogo)* [On the Other Side of the Truth (Gorky's Case)]. *Maksim Gorkii: Pro et Contra: Lichnost i Tvorchestvo Maksima Gorkogo v Otsenke Russkikh Myslitelei i Issledovatelei 1890–1910-e gg.* Saint Petersburg: Russkii Khristianskii Gumanitarnyi Institute Publ., 1997, pp. 2–36.
 12. Ivanov V. *Sobranie Sochinenii: v 3 T.* [Collected Works: in 3 Vol.]. Bryussel: Foyer Oriental Chretien Publ., 1979, Vol. 3, 894 p.

13. Kalinin M. I. *Voprosy Sovetskogo Stroitelstva. Stati i Rechi (1919–1946)* [Questions of Soviet Construction. Articles and Speeches (1919-1946)]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., 1958, pp. 397–420.
14. Klyus E. *Nitsshe v Rossii. Revolyutsiya Moralnogo Soznaniya* [The Revolution of Moral Consciousness: Nietzsche in Russian Literature, 1890-1914]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1999. 240 p.
15. Koretskaya I. V. *M. Gorkii i Vyach. Ivanov* [M. Gorky and Vyach. Ivanov]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 169–184.
16. *Lichnaya Biblioteka M. Gorkogo v Moskve: Opisanie. v 2 Kn.* [Personal Library of M. Gorky in Moscow: Description in 2 Books]. Moscow: Nauka Publ., 1981, Book 1, 412 p.
17. Losev A. F. *Problema Simvola i Realisticheskoe Iskusstvo* [The Problem of the Symbol and Realistic Art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1995. 320 p.
18. Lukov V. A. *Transgumanizm* [Transhumanism]. *Entsiklopediya gumanitarnykh nauk*, 2017, № 1, pp. 245–251.
19. Nefedov A. *Tainy «Germeticheskoi Biblioteki»* [Secrets of the Hermetic Library]. *Torzhestvo slova i dela. Knigoizdatel Nikolai Novikov: Vozvrashchenie iz Nebytiya*. Moscow: Akademiya-XXI Publ., 2015, pp. 51–71.
20. Pnin I. *Sochineniya* [Complete Works]. Moscow: Vsesoyuznoe Obshchestvo Politkatorzhan i Ssylno-Poselentsev Publ., 1934. 312 p.
21. Spiridonova L. A. *Povest Gorkogo «Mat» kak Evangelie Novoi Very* [The Story of Gorky "Mother" as a Gospel of a New Faith]. *Literatura, Kultura i Folklor Slavyanskikh Narodov: Materialy Konferentsii. K XIII Mezhdunarodnomu Syezdu Slavistov, (Moskva, Iyun 2002)*. Moscow: IMLI RAN Publ., 2002, pp. 157–174.
22. Spiridonova L. *Maksim Gorkii bez Mifov i Domyslov* [Maxim Gorky without Myths and Conjectures]. *Literaturnaya Gazeta*, 2008, № 12/13, p. 6.
23. Sulimov S. Chernigovskikh I. *Teisticheskoe i Ateisticheskoe Lyutsiferianstvo* [Theistic and Atheistic Luciferianism]. *Credo New: Teoreticheskii Zhurnal*, 2016, №1, Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr1-2016/ (accessed: 29.06.2018).

24. Sukhikh I. *Mezhdum Marksom i Bogomateriyu (1906 – 1907 «Mat» M. Gorkogo)* [Between Marx and the Mother of God (1906 – 1907 *Mother* by M. Gorky)]. Zvezda Publ., 1998, № 10, pp. 227–235.
25. Titarenko S. D. *Misterialno-Mifologicheskaya Priroda Zhanra Melopei «Chelovek» v Tvorchestve Vyacheslava Ivanova* [Mysterical and Mythological Nature of Genre of Vyacheslav Ivanov's Poem-Melopeia *Human*]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Ser. 9, 2009, no. 2 (2), pp. 55–65.
26. Trotskii L. D. *Literatura i Revolyutsiya* [Literature and Revolution]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 400 p.
27. Fedotova S. V. *Tri Kontseptsii Cheloveka v Literature Serebryanogo Veka* [Three Concepts of Man in the Literature of the Silver Age]. *Vestnik TGPU. Gumanitarnye Nauki (Filologiya)*, 2005, no. 6 (50), pp. 32–38.
28. Khyetso G. *Maksim Gorkii Segodnya* [Maxim Gorky Today]. *Novyi Vzglyad na M. Gorkogo: M. Gorkii i Ego Epokha: Materialy i Issledovaniya*. Moscow: Nasledie Publ., 1995, pp. 16–24.
29. Chernyak M. A. *Literatura Epokhi Nano: Vzglyad Skvoz Magicheskii Kristall* [Literature of the Nano Era: a Look Through a Magic Crystal]. *Na Putyakh k Novoi Shkole*. Saint Petersburg: Uchastie Publ., 2010, № 3, pp. 18–23.

LUCIFERIAN MAN IN THE WORKS OF I. P. PNIN AND M. GORKY

O. Yu. Shum

Summary. The article studies the representation of a Luciferian man in the works of Maxim Gorky and I.P. Pnin. A comparative analysis between Pnin's ode and Gorky's poem with the same title *A Man* was held. During the analysis common points in imagery aspects between the two works were examined. Such as the idea that the man's main ally is *ratio*, or his mind, and using it will turn him into *The Creator*; celebration of human deeds that reshape the material world, such as the elemental part of nature. Pathos of reshaping the world was also largely used in Gorky publicist works during the Soviet period, which also reflected the hopes of other socialists. This aspect allowed drawing an analogy between ideals of the Enlightenment and the ideas of late 1920's to early 1930's. To explain the typological similarities the article suggests perceiving them as individual manifestations of the same ideology of atheist Luciferianism, the base postulates of which are founded on the image of a man who fights God who thinks himself the destroyer of the world created by God and the new demiurge. In the work of M. Gorky, as shown in the article, Luciferianism also acquired the form of a collective man, the image of which is created in the late journalism of the writer. Observations were commented on by analyzing the essence of the Luciferian man, represented in Vyach. Ivanov's fictional and journalistic works. It

ЛЮЦИФЕРИАНСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. П. ПНИНА И М. ГОРЬКОГО

is suggested that Ivanov did not share an optimistic view of the Luciferian man and its creation – a culture, warning of its inevitable exhaustion and the impending need to make a moral decision for the mankind. In conclusion, a modern version of Luciferianism was characterized, genetically related to the absolutization of progress – as transhumanism, which finds its realization in popular culture.

Keywords: enlightenment, I. P. Pnin, socialistic ideology, M. Gorky, character sketch of a man, Luciferianism, collectivist man, Vyach. Ivanov, transhumanism.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 070

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА КРЫМА

Неелова О. И.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь

Формирование медиадискурса во многом определяется новыми медиа и публицистами, которые, используя языковой ресурс порождают новые смыслы, отвечающие на жизнь социума. Проведенный социолингвистический эксперимент позволяет представить лингвокогнитивное моделирование смыслов как составляющую образа Крыма.

Ключевые слова: лингвокогнитивное моделирование, медиадискурс, концепт, фрейм.

Информационное пространство Крыма, островной статус региона, вытекающие логистические и ресурсные проблемы формируют связующий основной концепт-«скрепу» медиа-дискурса, аккумулируя в своих медиатекстах фреймы: «Крымская весна», «Русская весна», «Крымская зима», «Крым наш», «Скрепы», «Дальше – хоть камни с неба», «Крымский мост» и др. Именно средства массовой информации оказывают существенное влияние на формирование ментальных приоритетов языковой личности.

Актуальность. В приближающемся этапе избирательного цикла 2018 года неизменное расширение медиаконструирования и моделирования образов и пространств контента в российских и зарубежных СМИ будет так или иначе обращаться к концепту *Крыма*.

На этапе воссоединения Крыма с РФ, в результате трансформации подчинённости крупных федеральных СМИ (*КП, МК, RT* и др.), а также открытия представительств (*Российская газета, Парламентская газета* и др.) тестирования

контент-стратегии не произошло. СМИ пришлось создавать стратегии на ходу, руководствуясь адаптивными принципами постепенного вовлечения крымской аудитории в федеральную повестку дня.

Основная часть. Большую роль в формировании медиадискурса сыграли новые медиа и публицисты. Находясь на острие стремительно развивавшихся событий и имея своей целью обыграть концепт *Крым*, они создали ряд фреймов, моделирующих дискуссии в медиа и сегодня: Крым как концепт-«скрепа» со знаком минус или плюс, соответственно («Крымская весна», «Русская весна», «Крымская зима», «Крым наш» и др., с одной стороны, и «Оккупационный регион», «Не всё так однозначно», «Санкционный режим», «Оккупанты» и т.п. – с другой).

По нашим наблюдениям, информационное поле Крыма имеет большую эмоциональную вовлеченность аудитории. Формирование так называемой «контрпропаганды», взятое за основу стратегии информационного пространства руководством Крыма, фактически заключается в поиске ответного для противоположной стороны идеологизированного контента. Здесь находят свое применение методы практического и политического PR и фреймирование контента: *свои – хорошие, чужие – плохие, наши – Крым, не Крым (не за Крым) – чужие* – концепт неоспорим на уровне лингвистического моделирования, при частом использовании СМИ. Стерильная однобокость освещения событий на страницах и в эфире делает невозможным какие-либо изменения в представлении региона как о себе самом, так и о стране в целом: *Крым наш* актуализируется пока без особых изменений.

Концепт принято изучать в различных областях знаний. И вместе с тем, именно в языке видится тот эффективный путь к его пониманию. Вербализация концептов языковыми знаками, по мнению ученых, является результатом когнитивной деятельности индивида. Еще Н. В. Крушевский в «Очерке науки о языке» указывал, что ассоциативный подход к проблеме значения очень важен, поскольку слово есть единица психическая и подчиняется одновременно и лингвистическим, и психическим законам, так как мир слов соответствует миру мыслей, а в мире мыслей действует закон ассоциаций [5, с.108-109].

Методы исследования. Для описания концепта возможно использование разнообразных текстов, в т.ч. научных, энциклопедических, дефиниционных и др. По свидетельству З. Д. Поповой и И. А. Стернина, «никакой концепт не способен проявиться в речи полностью, так как он является результатом как коллективного, так и индивидуального познания. Ни один исследователь, ни один лингвистический анализ не может выявить или зафиксировать, проанализировать полностью все средства языковой и речевой репрезентации концепта в языке – всегда что-то остается незафиксированным, неучтенным» [8, с.11].

Говоря об ассоциативном эксперименте, отметим, что на ассоциации (полученные в свободном ассоциативном эксперименте) влияют два фактора: лингвистический, представленный определенными характеристиками самого стимульного слова, и прагматический, отражающий влияние личности самого испытуемого. По свидетельству Е. И. Горошко, к этим двум характеристикам можно добавить и «условия проведения самого эксперимента» [2, с. 18].

Новое использование фреймов, связанных с концептом *Крым*, может изменить сам концепт и крымский контент, соответственно. По аналогии с контент-стратегиями крупных зарубежных медиа в России, крымский контент нуждается в точечной адаптации для других регионов и центра, и наоборот. Переосмысление и тесное сотрудничество СМИ могут помочь найти устоявшимся фреймам новые смыслы.

Так, в сентябре 2018 г. нами был проведен социолингвopsихологический эксперимент, участниками которого явились обучающиеся младших курсов гуманитарных специальностей вуза, имеющие полное среднее образование, характеризующиеся по полу, возрасту, национальности, типу поселения. Выборочная совокупность отражала основные параметры населения Крыма согласно имеющимся инструментариям исследования (см., например [1; 3; 6; 7; 9; 10; 11]).

Выводы. Важно отметить, насколько данная целевая аудитория вовлечена в жизнь социума, какой лингвистический аппарат использует и как репрезентирует языковые смыслы.

В ответ на стимулы «Крым», «Севастополь», «Крымнаш», «Референдум», «18 марта», «Вежливые люди», Зеленые человечки», «Крымская весна», «Крымский мост», «Крым вернулся в родную гавань» реципиентам было предложено вербализовать 3-5 из них, а также назвать первые, пришедшие на ум слова.

Опрашиваемые могли отреагировать на 1-5 стимулов, а могли и вовсе ничего не записать, поэтому ассоциативный ряд вербализованных концептов представлен неравнозначным количеством лексем. Сопоставив их с лексикографическим описанием, можно показать концепт в максимально комплексном виде.

В новейшей истории крымского социума актуализировались некоторые фреймы, которые можно считать устойчивыми выражениями: *крымская весна, крымский мост, Крымнаш, Крым вернулся в родную гавань*. Ассоциативные представления крымчан представлены следующими языковыми единицами.

Крымская весна: *Россия – 7; референдум – 5; цветы – 5; весна – 4; красота – 4; переход Крыма в РФ – 3; присоединение – 4; тепло – 3; жизнь – 2; возвращение – 2; вхождение – 2; Крым – 2; празднование – 2; радость – 2; цветение – 2; апрель – 1; время перемен – 1; глобальные перемены – 1; гордость – 1; грязь – 1; деревья – 1; жарко – 1; изменения – 2; исторический момент – 1; Крым с Россией – 1; май – 1; марта – 1; надежда – 1; наконец-то свобода; неизвестность – 1; неразборчивая погода – 1; новая жизнь – 2; новое – 1; погодное явление – 1; птицы – 1; Путин – 1; родная гавань – 1; свет – 1; светлое будущее – 1; сообщение с материком – 1; флаги – 1; хорошая погода – 1; чеховский сад в Ялте – 1; шумиха – 1; 2014 – 1.*

И все-таки значительная часть реципиентов связывает крымскую весну с погодным явлением: цветы, весна, красота, деревья, цветение, тепло, погодное явление, март-апрель-май, грязь, хорошая погода, жарко и др.

Крымский мост: *дорога на материк – 6; Керчь – 6; стройка – 5; связь с Россией – 4; сообщение с материком – 4; гордость – 3; соединение – 3; масштаб – 3; новое – 3; Россия – 3; арка – 2; больше возможностей – 2; деньги – 2; долго – 2; мост – 2; путешествие – 2; строительство – 2; улучшение – 2; благодарность – 1; величайшая стройка-1; возможность – 1; длинный – 1; дорога жизни – 1; дорогое – 1; достижение – 1; историческое событие – 1; коррупция – 1; Краснодар – 1; круто –*

1; машина – 1; модернизация – 1; море – 1; надежный – 1; обновление – 1; полуостров – 1; помощь Крыму – 1; преобразование – 1; прикольно – 1; Путин – 1; радость – 1; развитие – 1; сближение – 1; связь – 1; сооружение – 1; Сочи – 1; Тамань – 1; технология – 1.

Для большинства реципиентов *крымский мост* – дорога на материк, связь с Россией и материком, гордость и благодарность за то, что эта величайшая стройка предоставит больше возможностей, изменит жизнь к лучшему.

Крымнаш сегодня воспринимается как тренд современного интернета, используется в качестве ключевого слова, своеобразной метки, мема. Этот звуковой комплекс подхватили люди разных поколений. В этой связи показательными следует считать вербализованные предпочтения молодежи.

Крымнаш в ассоциативном представлении обучающихся представлен следующими языковыми единицами: *Россия – 6; хэштег – 5; возвращение на историческую Родину – 3; дом родной – 2; мемы – 2; Путин – 2; референдум – 2; вата – 1; ватник – 1; вся Россия – 1; вывески – 1; глупые люди, которые вскоре разочаровались – 1; гордость – 1; граффити – 1; Да! – 1; домой – 1; заголовки – 1; интернет – 1; Крым вернулся домой – 1; крымский мост – 1; личность – 1; лозунг – 1; мой – 1; мне не нравится это слово – 1; мнимый патриотизм – 1; независимость – 1; переход – 1; плакаты – 1; присоединение – 1; причал – 1; пропаганда – 1; радость – 1; резонанс – 1; Родина – 1; русские – 1; свобода – 1; слоган – 1; смешно – 1; согласие – 1; споры – 1; состояние – 1; стройка века – 1; тупо – 1; туристы – 1; улыбка – 1; чей наш? – 1; шутка – 1.*

В любом случае, трудно оказалось избежать эмоциональной нагрузки, связанной с вербализацией этого понятия, а также неоднозначного представления о сути и смыслах, вкладываемых каждым реципиентов в ассоциативный ряд.

Если характеризовать языковые представления реципиентов относительно высказывания *Крым вернулся в родную гавань*, следует отметить также разнообразие мнений и представлений, основанных на приобретенном опрошенными опыте. Несомненно одно: абсолютное большинство связывает этот звуковой комплекс с Россией, Родиной, президентами и верой в будущее, в надежде на мир, свободу и

радость. Есть и такие, у которых данный исторический факт вызывает недоумение, незнание или непонимание: *Россия – 9; воссоединение с РФ – 4; Родина – 4; Путин – 3; будущее – 2; выражение президента – 2; история – 2; счастье – 2; благополучие – 1; вместе много лет – 1; возвращение – 1; гордость – 1; Да! – 1; дом – 1; еще больше территорий – 1; исправление исторической ошибки – 1; исторический факт – 1; корабль – 1; Крым – 1; мир – 1; море – 1; недоумение – 1; не знаю – 1; непонятно – 1; праздник – 1; прекрасно – 1; причал – 1; радость – 1; референдум – 1; свобода – 1; семья – 1; странно – 1; тупые люди, которые вскоре разочаровались – 1; цитата президента – 2; я так не считаю – 1.*

Показательным следует считать вербализацию концепта «Крым». В языковом выражении наших реципиентов Крым все-таки не является местом политических баталий. Большинстве своем это Россия, Родина, где своя история, где море, горы и красивая природа, тепло-жарко и солнечно, где родной дом и прошло детство:

Море – 14; полуостров – 9; Родина – 8; дом – 7; горы – 4; природа – 4; Россия – 4; тепло – 4; любовь – 3; отдых – 3; жара, жарко – 2; красота – 2; родное – 2; родной дом – 3; солнце – 2; Артек – 1; детство – 1; дорого – 1; Евпатория – 1; история – 1; красота – 1; курорт – 1; малая родина – 1; многонациональность – 1; мост – 1; мы вместе – 1; наш – 1; новый этап – 1; полуостров – 1; рай – 1; референдум – 1; санкции – 1; семья – 1; счастье – 1; учеба – 1; уют – 1.

Человеческое сознание, выраженное словом как выразителем знания, социального опыта и культурной памяти, напрямую связано с ментальным комплексом индивида. Формируется как национальный ментально-лингвистический комплекс и связан со стереотипами сознания, представлен своеобразными «ментальными картинками, образами-представлениями, хранятся в сознании в первую очередь в виде феноменологических когнитивных структур» [4]. По сути каждый участник диалога вступил в разговор с представителем другой культуры, вербализованный опыт которого (представителя культуры) оказывается важным для моделирования образа Крыма.

Список литературы

1. Богданович Г.Ю. Ассоциативный эксперимент как прием интерпретации дискурса [Текст] / Г.Ю. Богданович // Дискурс-Пи: Институт философии и права УрО РАН – 2018. – № 1 (30) – С. 10-16.
2. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Текст] / Е.И. Горошко. – Харьков; М.: Изд.группа «РА-Каравелла», 2001. – 320 с.
3. Караулов Ю.Н. Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь [Текст] / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Кн. 1-6. М.: Помовский и партнеры, 1994-1999.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст] : курс лекций / В.В. Красных – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
5. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке [Текст] / Н.В. Крушевский // Избранные работы по языкознанию. – М.: Наследие, 1998. – С.96-222.
6. Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объект, задачи и методы этнопсихоллингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С.1-5
7. Маслова В.А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) [Текст] / В.А. Маслова // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С.116-120.
8. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И.А.Стернин. – Воронеж, 1999. – 30с.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. [Текст] / С.Г. Тер-Минасова – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
10. Трескова С.И. Методы и методологические приемы социоллингвистического изучения массовой коммуникации [Текст] /С.И, Трескова // Теоретические проблемы социальной лингвистики. – М., 1981. – С. 188-210.
11. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самосознания. [Текст] / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания – М., 2000. – С.139-163.

References

1. *Bogdanovich G.YU. Associativnyj eksperiment kak priem interpretacii diskursa* [Associative Experiment as Reception of Interpretation of Discourse]. Ekaterinburg, 2018. – № 1 (30). Pp.10–16.
2. *Goroshko E.I. Integrativnaya model' svobodnogo asociativnogo eksperimenta.* [Integrativnaya Model of Free Associative Experiment]. Har'kov; M.: «RA-Karavella», 2001. 320 p.
3. *Karaulov YU.N. Assotsiativnyi tezaurus russkogo iazyka: Russkii assotsiativnyi slovar* [Associative Thesaurus of Russian: Russian Associative Dictionary]. M.: Pomovskij i partnery, 1994-1999.
4. *Krasnyh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lekcij.* [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics]. M.: ITDGK «Gnozis», 2002. 284 p.
5. *Krushevskij N.V. Oчерк nauki o yazyke: izbrannye raboty po yazykoznaniiyu* [Essay on the Science of Language]. M.: Nasledie, 1998. Pp.96-222.
6. *Leont'ev A.A. Nacional'nye osobennosti kommunikacii kak mezhdisciplinarnaya problema/ Ob"ekt, zadachi i metody ehtnopsiholingvistiki* [National Characteristics of Communication as an Interdisciplinary Problem. Object, Tasks and Methods of Ethnopsycholinguistics]. M.: Nauka, 1977. Pp.1-5
7. *Maslova V.A. EHksperimental'noe izuchenie nacional'no-kul'turnoj specifiki vneshnih i vnutrennih kachestv cheloveka (na materiale kirgizskogo yazyka)* [Experimental Study of the National and Cultural Specificity of the External and Internal Qualities (Based on the Kyrgyz Language)]. M.: Nauka, 1988. Pp.116-120.
8. *Popova Z.D., Popova Z. D. Ponyatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovaniyah* [The Concept of "Concept" in Linguistic Studies]. Voronezh, 1999. 30 p.
9. *Ter-Minasova S.G. YAzyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya.* [Language and Intercultural Communication]. M.: Slovo, 2000. 624 p.
10. *Treskova S.I. Metody i metodologicheskie priemy sociolingvisticheskogo izucheniya massovoj kommunikacii* [Methods and Methodological Techniques Sociolinguistic Study of Mass Communication].M., 1981. – Pp. 188-210.

11. Ufimceva N.V. Russkie: opyt eshche odnogo samosoznaniya. [Russian: the Experience of one Consciousness] / Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya. M., 2000. Pp.139-163.

LINGUISTIC AND COGNITIVE MODELING OF THE IMAGE OF THE CRIMEA

Neelova O. I.

The formation of the media discourse is largely determined by new media and publicists, who generate new meanings that respond to the life of society, using the language resource. Conducted sociolinguistic experiment allows us to represent linguistic and cognitive modeling of meaning as a component of the image of the Crimea.
Keywords: Linguistic and cognitive modeling, media discourse, concept, frame.

УДК 81-25

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ОХОТНИКОВ ГЕРМАНИИ

Петренко Д. А.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Институт иностранной филологии, Республика Крым, Симферополь.
E-mail: daniil.petrenko@list.ru

Соловьева К. К.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Институт иностранной филологии, Республика Крым, Симферополь.
E-mail: christina.solowjowa@hotmail.com

Данная работа посвящена изучению особенностей языка охотников (егерей) Германии. Немецкий язык представляет большой интерес для современных лингвистов, так как характеризуется многообразием форм при рассмотрении его с точки зрения социальной структуры. Как и ряд других европейских языков, он имеет не только широкое территориальное распространение, но и является полицентрическим, что проявляется в существовании и взаимодействии различных вариантов, обусловленных социальным положением и профессиональной деятельностью говорящих. Данный вопрос остается до настоящего времени недостаточно изученным. Различные элементы языковой структуры подвергаются варьированию, что объясняется внутренними изменениями в системе языка, а также влиянием внешних, экстралингвистических факторов. Лингвистические исследования в рамках социальной вариативности языка становятся в последние годы все более интенсивными и предоставляют новую эмпирическую и теоретическую информацию о характере его вариативности. Несмотря на то, что проблема социальной стратификации немецкого языка активно разрабатывается в современном языкознании, по-прежнему остается ряд направлений, которые вызывают пристальный интерес лингвистов. Материал данной работы позволяет рассмотреть отдельные особенности языка охотников (егерей) Германии, составляющих довольно значительную группу немецкоязычных говорящих, объединенных действием как социальных, так и профессионально обусловленных признаков.

Ключевые слова: социальная стратификация немецкого языка, язык охотников, социолингвистика, жаргон, арг, социальный диалект, профессиональный язык

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной работы характеризуется все возрастающим интересом лингвистов к проблемам языковой вариативности, обусловленной как внутриязыковыми, так и внешними, экстралингвистическими, факторами. Так, например, Н. Г. Комлев выделяет, наряду с территориальными, социально обусловленные варианты языка, характерные для определенной социальной группы говорящих и определенной речевой ситуации [7]. Как отмечал В. М. Жирмунский, социальная дифференциация языка не может рассматриваться статически, в

плоскости синхронного среза, без учета динамики социального развития языка. Язык всегда представляет собой систему в движении, разные элементы которой в разной мере продуктивны и движутся с разной скоростью. Описывая структуру языка с точки зрения социальной дифференциации, необходимо учитывать прошлое и будущее, т.е. всю потенциальную перспективу ее социального развития [6, с. 14]. В современной социолингвистике сформировались новые подходы в рамках теории социального варьирования, а в современных исследованиях представлены значительные изменения в языке с точки зрения его реального использования в социальном аспекте. Так, речевое поведение говорящего определяется не только его языковой компетенцией, но и знанием социально обусловленных коннотаций и умением применять их в естественной коммуникации.

Отечественные и зарубежные лингвисты уделяют внимание исследованию данных вопросов, а количество работ о вариативности языка в плане использования разных социальных диалектов постоянно растет. Это касается и проблемы стратификации немецкого языка в социальном контексте.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить и проанализировать некоторые лексические единицы немецкой речи охотников (егерей) Германии, используемые ими в повседневном профессиональном общении. Для достижения поставленной цели следует рассмотреть вопрос о социальной дифференциации немецкого языка, определить и раскрыть основные понятия и единицы данного направления исследования, а также выявить отдельные специфические лексические особенности профессионального языка охотников Германии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Вопрос о социальной дифференциации языка давно разрабатывается в российском и зарубежном языкознании. Впервые идея о социальной дифференциации языка была сформулирована И. А. Бодуэном де Куртенэ (Baudouin de Courtenay) в тезисах о «горизонтальном» (территориальном) и «вертикальном» (социальном) членении языка [2]. В своих научных трудах И. А. Бодуэн де Куртенэ

отмечал, что в реальной жизни «каждый индивид может иметь несколько индивидуальных «языков», различающихся, между прочим, и с произносительно-акустической точки зрения: язык повседневного дня, язык торжественный, язык церковной проповеди или университетской кафедры. В разные минуты жизни мы пользуемся различным языком, в зависимости от различных душевных состояний, от времени года и дня, возраста, от прежних навыков речи и новых приобретений» [6, с. 22].

Вопросу о социальной дифференциации языка были также посвящены многочисленные труды таких отечественных языковедов, как В. М. Жирмунский, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, Л. П. Якубинский и др.

Идеологические стереотипы и подходы прошлого требовали понимания языка в качестве феномена, который находится в прямой зависимости от классовой структуры общества, разделенного на два класса и прослойку интеллигенции. В современном языкознании активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования с учетом всего спектра внешних факторов, которые регулируют развитие и употребление языка [14].

При рассмотрении вопросов вариативности языка в настоящее время применяется понятийный аппарат социолингвистики, позволяющий различать два измерения социально обусловленной вариативности: ситуативное и стратификационное. Современные языковеды анализируют разнообразные варианты, связанные со стратификацией общества – его расслоением на различные слои, группы, страты. В свою очередь, ситуативная вариативность проявляется в преимущественном использовании тех или иных единиц на разных языковых уровнях и связывается с противопоставлением функциональных и произносительных стилей. Данная проблема до сих пор окончательно не решена и продолжает оставаться одной из важнейших в современной лингвистике. Принято считать, что конкретный социальный тип говорящих использует свой набор соответствующих стилей, что зависит от совокупности обстоятельств [13].

К ключевым понятиям социолингвистики относятся социальный диалект, профессиональный язык, профессиональный жаргон. Социальные диалекты

рассматриваются в современной науке о языке в качестве вариантов (разновидностей) языка, которыми пользуется та или иная группа или общность людей, объединенных единством социальных признаков [18]. Подобную формулировку можно отнести и к профессиональным языкам и жаргонам, в системе которых определяющим является род занятости, профессия человека.

С другой стороны, нельзя забывать также, что такие понятия, как престиж, статус и социальная роль говорящего необходимо рассматривать в качестве важных факторов, которые влияют на использование и стилистическое варьирование языка. И. Краус полагает, что именно эти категории являются показательными. В дальнейшем он положил их в основу классификации стилеобразующих факторов. При этом автор выделяет три наиболее существенные:

- 1) фактор, связанный с характером языковых сообщений и их функцией;
- 2) факторы, связанные с ориентацией говорящего на слушающего;
- 3) факторы, связанные с оценкой личности говорящего [8, с. 27-37].

В свою очередь, В. М. Жирмунский акцентировал внимание на том, что при изучении любого языка необходимо учитывать в первую очередь социально-классовое расслоение общества [6]. Неоднородность структуры языка проявляется в существовании и взаимодействии ряда подсистем, что находит свое отражение в горизонтальной и вертикальной дифференциации. При вертикальной дифференциации выделяются подсистемы языка, которые четко закреплены за определенными социальными и профессиональными группами.

Так, при социальной дифференциации языка, Т. В. Жеребило делит социальные диалекты на три основные группы:

- 1) корпоративные жаргоны;
- 2) профессиональная речь;
- 3) различные типы просторечия [4, с. 354].

Необходимо также подчеркнуть, что определенные социолингвистические индикаторы являются результатом социальной стратификации, например, лексические и фразеологические единицы, различные синтаксические конструкции и

фонетические особенности говорящего, которые свидетельствуют об определенном социальном статусе носителя языка [5].

Говоря о произношении, можно заметить, что каждый индивидуум, принадлежащий к какой-либо группе, реализует несколько комбинаций произносительных стилей, использование которых в свою очередь зависит от различных факторов [16]. Исследования произносительных вариантов носителей немецкого языка (говорящие из разных социальных слоев), проведенные А. Д. Петренко (1986, 1998), убедительно доказывают, что языковые средства подвергаются существенным изменениям при смене ситуации общения. На обширном эмпирическом материале было доказано, что произносительные варианты немецкого языка, например, тесно связаны с социальным, стилистическим и контекстуальным аспектами [11].

Как справедливо указывает А. Д. Петренко, в рамках конкретной социально-коммуникативной общности ее социолект представляет собой некодифицированную норму языкового общения, которая проявляется в разнообразных речевых ситуациях коллективом говорящих, объединенных, как правило, совокупностью общих или сходных социальных и профессиональных признаков [10].

В этом контексте большой интерес вызывает к себе язык профессиональных немецких охотников – егерей. В данной работе приведен ряд языковых единиц лексикона охотников Германии и рассмотрены отдельные лексические особенности языка этого довольно замкнутого социального сообщества говорящих. Принято считать, что охотничьи языки всегда отличались не только племенной, но также и национальной специфичностью. Немецкий охотничий язык является своего рода микромоделью немецкого общенационального языка, но со своими лексическо-семантическими особенностями, фразеологией.

Язык охотников можно отнести к так называемой «особой лексике», которую, в свою очередь, можно подразделить на профессиональные языки и лексику социальных групп [17]. В системе профессиональной лексики часто рассматривают как термины, так и профессионализмы. В качестве примера профессиональной лексики в русском языке, например, можно привести специальные слова охотников

для именования зайцев в зависимости от времени помета: яровик (заяц весеннего помета), листняк, травник (летнего), листо-падник (осеннего), наставник (раннего зимнего).

Что касается социолекта, то Л. П. Крысин определяет его как совокупность языковых особенностей какой-либо социальной группы [9]. Очевидно, что социолект не будет представлять собой целостную систему коммуникации, а только характеризует особенности речи – в виде различных слов и словосочетаний, синтаксических конструкций и произносительных особенностей. В свою очередь, арго, жаргон и сленг являются его разновидностями [15]. Все чаще современные лингвисты используют эти термины в качестве синонимов. Однако, например, арго, в отличие от жаргона, является в той или иной степени «тайным» языком, в то время как жаргон – «профессиональный» язык. Для любого профессионального языка-жаргона характерна экспрессивность, частое использование гиперонимов вместо гипонимов, стилистически сниженная лексика, а также использование стандартных и новых словообразовательных моделей [5].

Ярким примером профессионального жаргона в современном немецком языке может служить охотничий язык. В ходе его изучения были выделены три основные тематические разряда лексических единиц:

- 1) объект охоты;
- 2) деятельность охотника в процессе охоты;
- 3) традиции и обычаи.

Материалом исследования послужили интернет-форумы, например, <https://www.jaeger-rv.de>, <https://www.jagd-wasserburg.de/jaegersprache> а также серия телевизионных программ Германии «Die Foodtruckerin – Es gibt Wild!»

В. Д. Бондалетов полагает, что при образовании «условной лексики» используются семь основных способов словопроизводства: 1) морфологический, 2) фонетико-морфологический, 3) фонетический, 4) лексико-семантический, 5) лексико-синтаксический, 6) семантико-грамматический и 7) способ словосложения [3, с. 54].

Общеизвестные виды словотворчества обнаруживают в жаргонах, профессиональных языках и аргю особую сущность, вследствие чего можно говорить о наличии у них самобытной и в известной степени самостоятельной словообразовательной системы. Например, при создании арготизмов морфологическим способом в качестве словообразующей базы нередко выступают слова (основы) общенародного языка, которые не реализуются в лексической системе социолекта, профессионального языка, жаргона, аргю в своем прямом (общенародном) значении или лексемы, заимствованные из других языков, встречающиеся и в «чистом» виде, и в составе производных слов, а также арготические корни, не встречающиеся в свободном виде, а известные лишь в составе производных слов. Для лексико-семантического способа словообразования характерными являются:

- арготизмы, возникшие на основе метафор;
- арготизмы, возникшие на основе метонимии;
- арготизмы, возникшие на основе синекдохи;
- перенос названия на основе сходства;
- использование собственных имен в значении нарицательных.

Так, например, для обозначения объекта охоты (дичь) в процессе исследования впервые было выявлено 14 лексических единиц:

- 1) Haarwild – Säugetiere (Hochdeutsch) млекопитающие (от слова das Haar – шерсть, щетина, волосяной покров);
- 2) Cerviden – die Familie der Hirsche (Hochdeutsch) обозначение для «семьи» оленей (слово, заимствованное из латинского языка: Cervidae);
- 3) Dick gehen – trächtiges Wild (Hochdeutsch) беременное животное (от слова dick – толстый, плотный; имеет место перенос на основе сходства);
- 4) Fähe – weibliches Tier des Fuchses/ Wolfes (Hochdeutsch) лисица или волчица (от средневерхненемецкого vohe, древневерхненемецкого voha = Füchsin – лисица);

- 5) Frischen – Frischling (Hochdeutsch) дикий кабан до года (от прилагательного frisch – свежий, новый);
- 6) Bache – Schwarzwild (Hochdeutsch) самка дикого кабана (от средневерхненемецкого bache, древневерхненемецкого bacho = Speckseite, Schinken – окорок);
- 7) Gamsbart – шерсть горного козла (der Gamsbart – кисточка из волос серны – украшение на тирольских и охотничьих шляпах);
- 8) großer Hahn – Auerhahn (Hochdeutsch) глухарь (groß имеет значение большой, крупный, Hahn – петух; глухарь является крупной птицей из семейства фазановых, отряда курообразных);
- 9) Nakenschlagen – этим словом именуют бег зайца-русака, когда, спасаясь бегством, он меняет направление бега (в спорте существительное Nakenschlagen обозначает боковой нападающий удар); в данном случае перенос осуществлен на основе сходства);
- 10) Infanterist – бегающий фазан (от слова der Infanterist – пехотинец; образный перенос);
- 11) Kette – Familienverband (Hochdeutsch) «пара» куропаток (die Kette – цепь; метафорический перенос на основе сходства);
- 12) Krücke – Horn (Hochdeutsch) рога горного козла (die Krücke – загнутая ручка зонтика; метафорический перенос);
- 13) Licht – Auge (Hochdeutsch) глаза у парнокопытных (das Licht – источник света, свет; метафорический перенос);
- 14) Aalkrähе – der Kormoran (Hochdeutsch) баклан (der Aal – речной угорь, die Krähe – ворона). В период древневерхненемецкого языка слово «alasca» обозначало «баклан», что дословно значит птица, которая питается угрем).

Для обозначения деятельности охотника в процессе охоты впервые было выявлено 4 лексических единицы:

- 1) *abbalgen* – *abziehen* (Hochdeutsch) сдирать шкуру, мех (префиксальный тип словообразования; префикс *ab* образует глаголы со значением результата действия или изменения состояния);
- 2) *buschieren* – обыскивать кусты с собакой и оружием (от слова *der Busch* – кусты; словообразование с помощью суффикса *-ieren*, который в немецком языке означает действия человека);
- 3) *aufschärfen* – *aufschneiden* (Hochdeutsch) – вскрывать тело убитого животного (*schärfen* – точить (нож); префиксальный тип словообразования; одно из значений префикса *auf* – это обозначение процесса открывания чего-либо или разъединения, а также начала действия);
- 4) *erlegen* – *töten* (Hochdeutsch) убить дикое животное (префиксальный тип словообразования; префикс *-er* обозначает завершение действия либо начало действия или перехода в определенное состояние).

Для обозначения традиций охотников впервые было выявлено 5 лексем:

- 1) *Bruch* oder *Bruchzeichen* – информационный знак, который употребляется между охотниками;
- 2) *Schüsseltrieb* – трапеза егерей после охоты (*die Schüssel* – миска, *der Trieb* – желание что-либо делать. Словосложение с помощью двух существительных);
- 3) *Halali* – приветствие охотников (заимствованное слово из французского языка, которое обозначает улюлю (клич охотника));
- 4) *Waidmannsheil!* – традиционные приветствие, прощание или поздравление, используемые между охотниками (средневерхненемецкий *weidman* = *Jäger*, *Fischer* – охотник, рыбак);
- 5) *Waidmannsdank!* – ответ на „*Waidmannsheil!*“.

Что касается имен существительных, то, с точки зрения известных словообразовательных моделей, представленные примеры можно подразделить на три группы. К первой относятся сложные слова, образованные по модели *Substantiv + Substantiv* на основе словосложения, например, *Aalkrähe* (*der Aal*, *die Krähe*); *Schüsseltrieb* (*die Schüssel*, *der Trieb*). Вторую группу составляют слова, образованные

также путем словосложения по модели Substantiv + Verb, например, *Nakenschlagen* (*Naken + schlagen*). К третьей группе относятся сложные имена существительные, образованные по модели Substantiv + Adiektiv, например, *Haarwild* (*Haar + wild*), *Schwarzwild* (*Schwarz + wild*). С точки зрения значения, для целого ряда слов охотничьего языка характерен метафорический перенос на основе сходства, например, *Kette* («пара» куропаток), *Krücke* (рога горного козла), *Licht – Auge* (глаза у парнокопытных). Говоря об этимологии слов охотничьего языка, необходимо подчеркнуть, что часть их относится к заимствованной лексике, например, *Halali* (франц.), *Cerviden* (лат.), или носит архаичный характер, составляя группу историзмов древне- и средневерхненемецкого происхождения, например, *Waidmannsheil* (свн. *weidman = Jäger*), *Fähe* (свн. *vohe*, двн. *voha = Füchsin*).

Еще Р. И. Аванесов отмечал, что язык существует во многих разновидностях. По мнению автора, в языке советского офицера, инженера, ученого, рабочего имеются свои особенности. Эти особенности обусловлены в первую очередь объективной действительностью, то есть различиями их реального, практического жизненного опыта. Язык каждого из них неодинаков в зависимости от того, обращается ли он к одному лицу или ко многим (например, при выступлении на собрании), а при обращении к одному лицу – в зависимости от того, кто это лицо – ребенок или взрослый, из числа родных или близких или постороннее, незнакомое лицо, а также в зависимости от того, где происходит разговор, например, в семейном кругу или в общественной организации [1, с. 31]. Р. И. Аванесов обращает внимание и на то, что большое значение имеет также содержание речи: «...обиходно-бытовой диалог, выступление на производственном совещании, научная лекция, лирическое стихотворение – все это в языковом отношении оформляется весьма различно» [1, с. 32]. В системе языка и в процессе коммуникации проявляются особенности вариативности, которые обусловлены совокупностью и взаимодействием различных языковых и экстралингвистических факторов – диатопических (территориальное происхождение коммуниканта (диалект), диастратных (принадлежность говорящего к определенной социальной или профессиональной группе (профессиональный язык/жаргон, социолект), принадлежность поколению (аннолект), полу (сексолект), а

также диафазным фактором (стилистический вектор вариативности). Каждый из данных факторов важен как в отдельности, так и в их совокупности для описания всего многообразия языковых и речевых форм и вариантов любого развитого национального языка.

ВЫВОДЫ

Целью работы было выявление и анализ отдельных языковых единиц лексикона охотников (егерей) Германии с точки зрения их этимологии, семантических особенностей, моделей словообразования. Собранный и проанализированный языковой материал профессионального языка немецких егерей может в дальнейшем послужить основой для более фундаментальных исследований социальной стратификации современного немецкого языка в Германии с точки зрения теории языковой вариативности. Данные проблемы активно разрабатываются в последнее время отечественными и зарубежными германистами, хотя число эмпирических исследований в данном направлении незначительно, а целый ряд теоретических вопросов остается по-прежнему не до конца изученным.

Список литературы

1. Аванесов, Р. И. Русское литературное произношение, 6-е изд., перераб. и доп. [Текст] / Р. И. Аванесов. – М.: Просвещение, 1984. – 383 с.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ: в 2-х томах. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 2. – 391 с.
3. Бондалетов, В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев [Текст] / В. Д. Бондалетов. – Рязань: Изд-во Рязанского государственного педагогического института, 1980. – 104 с.
4. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн [Текст] / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

5. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник [Текст] / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 280 с.
6. Жирмунский, В. М. Проблема социальной дифференциации языка [Текст] / В. М. Жирмунский. – М.: Наука, 1968. – 256 с.
7. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов [Текст] / Н. Г. Комлев. – М.: Эксмо, 2006. – 669 с.
8. Краус, И. К. К общим проблемам социолингвистики [Текст] / И. К. Краус // Вопросы языкознания. – 1974. – № 4. – С. 27–37.
9. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2006. – 944 с.
10. Петренко, А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии: Монография [Текст] / А. Д. Петренко. – Киев: Рідна мова, 1998. – 255 с.
11. Петренко, А. Д. Основные этапы развития и кодификации произносительной нормы современного немецкого языка [Текст] / А. Д. Петренко // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 29. – С. 12–17.
12. Петренко, А. Д. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации [Текст] / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко, Э. Ш. Исаев. – Симферополь: Фенікс, 2011. – 274 с.
13. Петренко, А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности [Текст] / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко // Известия Южного федерального университета. – 2014. – № 4. – С. 150–157.
14. Петренко, А. Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры [Текст] / Под ред. А. Д. Петренко. – Коллективная монография. – М.: Перо, 2015. – 491 с.
15. Петренко, Д. А. О некоторых проблемах социально-функциональной стратификации языка [Текст] / Д. А. Петренко, М. В. Чернышова // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – 1(67). – С. 189–196.

16. Петренко, Д. А. Языковая норма как абстрактная категория [Текст] / Д. А. Петренко, К. К. Соловьева // Научные горизонты. – 2018. – 1 (5). – С. 138–146.
17. Юрченко, И. В. О стратификации словарного состава в немецком языке [Текст] / И. В. Юрченко // Материалы XVI Международной научной конференции «Ломоносов-2009», 13-17 апреля 2009 г. – М., 2009. – С. 322–324.
18. Macaulay R. The Social Art. Language and its Users. – New York. Oxford: Oxford University Press, 1994. – 563 p.

References

1. Avanesov R. I. Russkoe Literaturnoe Proiznoshenie [Russian Literary Pronunciation]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1984. 383 p.
2. Baudouin de Courtenay I. A. Izbrannye Trudy po Obshhemu Jazykoznaniju. Tom 2 V 2- h Tomakh [Selected Works on General Linguistics. Volume 2. In 2 Volumes]. Moscow: Akademii Nauk SSSR Publ., 1963. 391 p.
3. Bondaletov V. D. Uslovnye Yazyki Russkikh Remeslennikov i Torgovtcev [Conditional Languages Russian Craftsmen and Tradesmen]. Ryazan: Ryazanskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Institut Publ., 1980. 104 p.
4. Zhrebilo T. V. Slovar' Lingvisticheskikh Terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran: Piligrim Publ., 2010. 486 p.
5. Zhrebilo T. V. Terminy i Ponjatiya Lingvistiki: Obsheee Yazykoznanie. Sotsiolingvistika: Slovar'-Spravochnik [Terms and Concepts of Linguistics: General Linguistics. Sociolinguistics: Dictionary Reference]. Nazran: Piligrim Publ., 2011. 280 p.
6. Zhirmunskii V. M. Problema Sotsial'noi Differentsiatsii Yazyka [The Problem of Social Differentiation of the Language]. Moscow: Nauka Publ., 1968. 256 p.
7. Komlev N. G. Slovar' Inostrannyh Slovo [Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Eksmo Publ., 2006. 669 p.
8. Kraus I. K. K Obshchim Problemam Sotsiolingvistiki [To Common Problems of Sociolinguistics]. Voprosy Yazykoznanija, 1974, no 4, pp. 27–37.

9. Krysin L. P. *Tolkovy Slovar' Inoyazychnykh Slov* [The Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Eksmo Publ., 2006. 944 p.
10. Petrenko A. D. *Sotsiofoneticheskaya Variativnost' Sovremennogo Nemetskogo Yazyka v Germanii* [Sociophonetic Variability of the Modern German Language in Germany]. Kiev: Ridna Mova Publ., 1998. 255 p.
11. Petrenko A. D. *Osnovnye Etapy Razvitiya i Kodifikatsii Proiznositel'noi Normy Sovremennogo Nemetskogo Yazyka* [The Main Stages of Development and Codification of the Pronunciation Norm of Modern German]. *Kul'tura Narodov Prichernomor'ya*, 2002, no 29. Pp. 12–17.
12. Petrenko A. D., Khrabskova D. M., Petrenko D. A., Isaev E. Sh.. *Aktual'nye Problemy Yazykovoi Variativnosti v Aspekte Mirovoi Integratsii i Globalizatsii* [Actual Problems of Language Variability in Aspect of World Integration and Globalization]. Simferopol: Feniks Publ., 2011. 274 p.
13. Petrenko A. D. *Sotsiofoneticheskie Aspekty Yazykovoi Variativnosti* [Sociophonetics Aspects of Linguistic Variability]. *Nauchnyi Zhurnal Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta*, 2014, no 4, pp. 150–157.
14. Petrenko A. D. *Sotsiolingvisticheskie Problemy Variativnosti Yazyka kak Tselostnoi Struktury* [Sociolinguistic Problems of Variability of Language as an Integral Structure]. Moscow: Pero Publ., 2015. 491 p.
15. Petrenko D. A. *O Nekotorykh Problemakh Sotsial'no-Funktsional'noi Stratifikatsii Yazyka* [About Some Problems of Socio-Functional Stratification of the Language]. *Nauchnyi Zhurnal Uchenye Zapiski KFU Imeni V.I.Vernadskogo Filologicheskie Nauki*, 2015, no 1, pp. 189–196.
16. Petrenko D. A. *Yazykovaya Norma kak Abstraktnaya Kategoriya* [Language Norm as Abstract Category]. *Nauchnye Gorizonty*, 2018, no 1 (5), pp. 138–146.
17. Yurchenko I. V. *O Stratifikatsii Slovarnogo Sostava v Nemetskom Yazyke* [About Stratification of Dictionary Structure in German Language]. *Materialy Shestnadsatoi Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii «Lomonosov-2009»*, 2009. pp. 322–324.
18. Macaulay R. *The Social Art. Language and its Users*. – New York. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 563 p.

FEATURES OF THE HUNTER'S SLANG IN GERMANY

D. A. Petrenko, K. K. Solov'eva

Summary. The article presents the analysis of the peculiarities hunter's slang in Germany. Modern German language is interesting to the modern linguists, because it is really diverse when it is viewed as a social structure. German language has not only a wide territorial distribution, which undoubtedly provokes interest in studying of its territorial distribution, but its set of social structures is still not fully researched. It is interesting to note that the elements of the language structure are subject to variation, which will occur both because of internal changes in the language, and external, there are extratextual factors. The number of works about the variability of social dialects is constantly growing, as a result of which foreign and native linguists pay attention to study it. Despite the fact that the issue of social stratification of the German language is actively developing in modern linguistics, there are still a number of non-completely developed studies. Using the example of this work, you can learn more about the peculiarities of the hunter's slang in Germany, where certain lexical features of a socially closed group of people - huntsmen - were identified and analyzed.

Key words: social stratification of the German language, German language, sociolinguistics, jargon, argot, social dialect.

УДК 81'367.622:343.21

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТЫМЕННЫХ ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ: АНАЛИТИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АСПЕКТ**

Прайдид О. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: praidid.lady@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей употребления отыменных существительных в названиях разделов, глав и статей действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) и Уголовного кодекса Украины (далее УК Украины). Особое внимание уделяется выделению словообразовательных моделей, по которым образованы отыменные существительные, их семантическим проявлениям в названиях разделов, глав и статей кодексов. Проведен анализ различий словообразовательных способов, обусловлена частота их использования в рамках исследуемого материала в русском и украинском языках, обозначены продуктивные и малопродуктивные словообразовательные модели.

Ключевые слова: словообразовательная модель, суффиксальный способ, префиксальный способ, способ основосложения, субстантивация, аббревиация, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Украины.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на свою относительную статичность, система современного русского литературного языка постоянно подвергается трансформации. Данная динамичность является целиком закономерной в эпоху социально-экономических, политических и общественно-культурных сдвигов. Актуальными стали изыскания, основанные на использовании результатов исследований других наук, как то права и лингвистики, которые и привели к возникновению нового направления – юридической лингвистики.

Юрико-лингвистические исследования заинтересовали ученых, как в области филологии, так и в сфере юриспруденции. Отдельные аспекты, касающиеся языка современного законодательства, как на материале русского языка (текстов российского права), так и на материале украинского языка (текстов украинского

права), изложены в трудах А. С. Александрова, Л. М. Бойко, К. И. Бринева, Н. А. Власенко, Е. И. Галяшиной, Н. Д. Голева, Т. В. Губаевой, Ю. Ф. Прадида, Н. К. Пригариной, А. С. Токарской, З. А. Тростюк, Н. И. Хабибулиной и др. Однако, основное внимание уделяется проблемам усовершенствования юридической терминологии, нежели исследованию других аспектов языка законодательных актов, чем и обусловлена *актуальность* темы данной статьи. Исключением из этого правила можно назвать работы М. П. Прониной [6, с. 184–188] и И. А. Семиной [7, с. 93–113].

Целью статьи является восполнение некоторых пробелов в исследованиях, среди поставленных *задач* главной является комплексный подход к усовершенствованию языка уголовного законодательства посредством определения, моделирования, анализа и сопоставления словообразовательных методов и средств отыменных существительных в русском и украинском языках.

Имя существительное – одна из наиболее употребляемых в языке закона частей речи, что обусловлено стремлением к номинации и общими требованиями стиля. Среди других частей речи имя существительное, по утверждению ученых, отличается тем, что отображает объекты: 1) со значением реальной предметности, 2) со значением реальной предметности, воспринимаемой в человеческом сознании [1, с. 27–29; 2, с. 45; 8, с. 57–83 и др.]. Семантическое ядро существительных составляют обозначения предметов и тех понятий, которым свойственно отображать материальные предметы и содержать в себе категориальный признак предметности, который отличает существительное от других частей речи.

Таким образом, имена существительные могут обозначать опредмеченные признаки, действия, явления, абстрактные понятия, которые также осознаются как своеобразные предметы. Схожесть подобных абстрактных слов с названиями конкретных предметов легко распознается при сопоставлении соответствующих существительных с глаголами и прилагательными, выражающими динамические и статические признаки. Качества, признаки, которые выражают имена прилагательные, и действия, которые выражаются глаголами, сопоставляются с определенными субъектами – носителями данных признаков и исполнителями

действий, а соответствующие существительные выступают в качестве отдельных субъектов и объектов [5, с. 133].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Словообразовательные модели отыменных существительных и их семантические проявления в названиях статей Уголовного кодекса Российской Федерации

Наиболее распространенным способом образования отыменных существительных, употребленных в названиях статей УК РФ, является суффиксальный способ. Такие существительные преимущественно образованы по словообразовательной модели **основа**(в значении – исходный материал) **существительного**(далее ОСущ.) + **суффикс**[4, с. 95]:

– **ОСущ. + -ств(о)(-еств(о))**: *Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней (ст. 192); Пиратство(ст. 227); Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства(ст. 292.1); Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества(ст. 346) и др.;*

– **ОСущ. + -ист-**: *Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов(ст. 144); Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307);*

– **ОСущ. + -ник-**: *Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума (ст. 141.1); Сопrotивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333) и др.;*

– **ОСущ. + -ор(-ер-), -тор(-итор)**: *Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185.5); Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами(ст. 202);*

– **ОСущ. + -щин(а)**: *Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет* (ст. 145);

– **ОСущ. + -ин-**: *Принцип равенства граждан перед законом* (ст. 4); *Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины*(ст.191.1).

Отыменные существительные, образованные с помощью суффикса **-ств-(о)(-еств(о))**, имеют собирательное значение, **-ист-,ник-, -ор(-ер-), -тор(-итор)** – придают существительному значение лица мужского или женского пола, **-щин(а)** – значение лица женского пола, **-ин-** – значение лица, предусматривающее единичность, и значение собирательности;

– **ОСущ. + -изм**: *Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма*(ст. 205.2);**Бандитизм**(ст. 209);**Вандализм**(ст. 214); *Реабилитация нацизма*(ст. 354.1) и др.

Существительные, образованные посредством суффикса **-изм**, обозначают абстрактные понятия;

– **ОСущ. + -ик(а)**: *Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики*(ст. 215). Но, следует отметить, что в данном случае словообразовательным выступает сложносуффиксальный способ, т. к. присутствует также суффикс **-ет-**;

– **ОСущ. + -ур(а)**: *Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия* (ст. 243.1).

Отыменные существительные, образованные с помощью суффиксов **-ик(а)**, который является малопродуктивным, и **-ур(а)**, который придает значению оттенок собирательности, обозначают абстрактные понятия.

Часть отыменных существительных в названиях статей образованы префиксальным способом по словообразовательной модели **приставка + основасуществительного** (ОСущ.):

– **не- + ОСущ.** (приставка **не-** происходит от отрицательной частицы и служит для образования основ со значением противоположности того, что названо образовательной основой): *Невменяемость* (ст. 21); *Преступление, совершенное по неосторожности* (ст. 26); *Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей* (ст. 190); *Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат* (ст. 145.1); *Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего* (ст. 156).

Зафиксирован также случай, когда отыменное существительное образовано при помощи приставки **не-** от существительного-композиата: *Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий* (ст. 151).

Отыменные существительные, образованные при помощи приставки **не-**, обозначают либо опредмеченное действие, либо абстрактные названия, либо лицо.

Следует отметить, что для придания существительным значения отрицания, противоположности в названиях статей УК РФ для словообразования также использованы заимствованные приставки **ре-** и **дез-**: *Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица* (ст. 173.1); *Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации* (ст. 193); *Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества* (ст. 321).

– **со- + ОСущ.:** *Понятие соучастия в преступлении* (ст. 32); *Виды соучастников преступления* (ст. 33); *Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)* (ст. 35); *Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений* (ст. 138); *Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников*

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТЫМЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В...
истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия (ст. 243.1) и др.;

– **без-(бес-) + ОСущ.:** *Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215); Массовые беспорядки (ст. 212).*

Такие отыменные существительные являются производными, образованными с помощью приставки **со-** со значением совместности, взаимной связи, обозначающими название лица как носителя определенного процессуального признака, абстрактные понятия, приставки **без-(-бес-)** – со значением отсутствия того, что названо производящей основой, обозначающие абстрактные понятия;

– **у- + ОСущ.:** *Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157); Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180); Утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284) и др.*

– **при- + ОСущ.:** *Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175); Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2); Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299);*

– **пере- + ОСущ.:** *Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138); Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ст. 322);*

– **от- + ОСущ.:** *Отмена условного осуждения или продление испытательного срока (ст. 74); Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247);*

– **по- + ОСущ.:** *Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия (ст. 325).*

Указанные существительные, образованные при помощи приставки **у-, при-, пере-, от-, по-** имеют значение отвлеченного действия или предметности.

– **само- + ОСущ.:** *Доведение до самоубийства (ст. 110), где префиксоид само-* обозначает действие, опредмеченное конкретным лицом.

Зафиксирован единичный случай использования в словообразовании отыменного существительного в названиях статей УК РФ малопродуктивной для русского языка в целом приставки **вос-**: **Воспрепятствование** осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4), что, на наш взгляд, является неоправданным, исходя из общих требований, предъявляемых к правовому подстилю официально-делового стиля.

Отыменные существительные, образованные суффиксально-префиксальным способом, в названиях статей употребляются редко:

– **у- + ОСущ. + суффикс**: *Подделка документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий* (ст. 327.2);

– **само- + ОСущ. + суффикс**: *Самоуправство* (ст. 330);

– **от- + ОСущ. + суффикс**: *Отсрочка отбывания наказания* (ст. 82).

Подобные существительные имеют значение опредмеченного действия и опредмеченного конкретным лицом действия.

К традиционным способам образования существительных в русском языке относится словосложение, которое предусматривает соединение основ при помощи интерфикса или без него, возможно в соединении с суффиксацией. Особый вид представляют собой сложносокращенные слова (аббревиатуры), иногда в соединении с полным словом (на такой тип словообразования редко обращается внимание в грамматиках русского языка): *Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов* (ст. 226.1); *Уничтожение критических местообитаний* для организмов, занесенных в Красную книгу

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТЫМЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В...
Российской Федерации (ст. 259); *Нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов*(ст. 269); *Принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях* (ст. 100); *Заражение ВИЧ-инфекцией*(ст. 122) и др.

Следует отметить, что более типичным для русского языка является производство сложных существительных, которые состоят из двух основ, однако возможно образование и с большим количеством компонентов, что характерно и для УК РФ: *Приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов* (ст. 215.3).

Сложные существительные в этом случае обозначают лиц и предметы, абстрактные понятия.

Результатом проявления особого способа образования имен существительных, которые и по форме, и по смыслу мотивированы прилагательными, т.е. субстантивации, являются производные – субстантиваты. Данный вид конверсии, где преобразуется парадигма прилагательного, довольно редкое явление в языке закона. Не стали исключением также названия статей УК РФ: *Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения* (ст. 58); *Назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении* (ст. 65); *Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим*(ст. 76); *Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией* (ст. 82.1); *Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности* (ст. 299); *Нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих*(ст. 349) и др.

Все производные субстантиваты в этом случае обозначают лиц.

2. Словообразовательные модели отыменных существительных и их семантические проявления в названиях разделов и статей Уголовного кодекса Украины

Отыменные существительные, употребленные в названиях разделов и статей Уголовного кодекса Украины, в основном образованы суффиксальным способом по

словообразовательной модели **основасуществительного(ОСуц.) + суффикс:**

– **ОСуц. + -ств-:** *Злочинпроти миру, безпекилюдства та міжнародного правопорядку* (раздел XX); *Чинність закону про кримінальну відповідальністьщодо злочинів, вчинених громадянами України або особами без громадянства за межами України* (ст. 7); *Насильницьке донорство* (ст. 144); *Піратство* (ст. 446); *Сутенерство* *або втягнення особи в заняття проституцією* (ст. 303) и др.;

– **ОСуц. + -овищ-:** *Викрадення, привласнення, вимаганнявогнепальної зброї, бойових припасів, вибухових речовин чи радіоактивних матеріалів* *або заволодіння ними шляхом шахрайства* *або зловживанням службовим становищем* (ст. 262);

– **ОСуц. + -ість:** *Приховування* *або перекручення відомостей про екологічний стан* *або захворюваність населення* (ст. 238).

Отыменные существительные с суффиксом **-ств-** обозначают собирательные названия, с суффиксами **-овищ-**, **-ість-** – абстрактные и обобщающие названия.

Ряд отыменных существительных, использованных в названиях разделов и статей УК Украины, образованы префиксальным способом по словообразовательным моделям:

– **не- + ОСуц.** (приставка **не-** происходит от отрицательной частицы и служит для образования основ со значением противоположности того, что названо образовательной основой): *Ненадання допомоги особі, яка перебуває в небезпечному для життя стані* (ст. 136); *Злісне невиконання обов'язків по догляду за дитиною* *або за особою, щодо якої встановлена опіка чи піклування* (ст. 166); *Невиплата заробітної плати стипендії, пенсії чи інших установлених законом виплат* (ст. 175); *Недотримання особою обов'язкових умов щодо приватизації державного, комунального майна* *або підприємств та їх подальшого використання* (ст. 235); *Порушення правил поводження з зброєю, а також з речовинами і предметами, що становлять підвищену небезпеку для оточення* (ст. 414) и др.

Зафиксирован также случай, когда отыменное существительное образовано при помощи приставки **не-** от существительного-композиата: *Особливості кримінальної відповідальності та покарання неповнолітніх* (раздел

Отыменные существительные, образованные при помощи приставки **не-**, обозначают абстрактные названия либо опредмеченное действие.

Некоторые отыменные существительные, употребленные в названиях разделов и статей УК Украины, образованы префиксальным способом по другим словообразовательным моделям:

– **без- + ОСущ.**: (приставка **без-**, как и приставка **не-**, служит для образования основ со значением отрицания того, что названо образовательной основой): *Бездіяльність військової влади* (ст. 426);

– **при- + ОСущ.**: *Насильницьке задоволення статевої пристрасті природним способом* (ст. 153);

– **с- + ОСущ.**, где приставка **с-** является алломорфом украинской приставки **з-**: *Ухилення від сплати коштів на утримання непрацевдатних батьків* (ст. 165);

– **спів- + ОСущ.**: *Кримінальна відповідальність співучасників* (ст. 29);

– **само- + ОСущ.**: *Злочин проти авторитету органів державної влади, органів місцевого самоврядування та об'єднань громадян* (раздел ХУ).

Отыменные существительные, образованные при помощи приставок **без-**, **при-** обозначают абстрактные названия, приставки **с-** и префиксоида **само-** – опредмеченное действие, префиксоида **спів-** – лицо, как носителя определенного процессуального признака.

Кроме того, отыменные существительные могут образовываться при помощи заимствованных префиксоидов: *Порушення прав на винахід, корисну модель, промисловий зразок, топографію інтегральної мікросхеми, сорт рослин, раціоналізаторську пропозицію* (ст. 177).

Такие отыменные существительные обозначают конкретные предметы.

К традиционным способам образования существительных в украинском языке, как и в русском (упоминалось ранее), относится основосложение, которое предусматривает объединение основ при помощи интерфикса или без него, с аффиксацией или без нее. Подобные случаи также зафиксированы в названиях разделов и статей УК Украины: *Злочин проти миру, безпеки людства та*

міжнародного правопорядку (раздел XX); *Зараження вірусом імунодефіциту людини* (ст. 130); *Порушення порядку здійснення операцій з металобрухтом* (ст. 213); *Незаконне втручання в роботу автоматизованої системи документообігу суду* (ст. 376-1) и др.

Сложные существительные, мотивированные сочетанием двух существительных подчинительной связью, обозначают предметы, вещества, абстрактные понятия.

ВЫВОДЫ

Наблюдения над особенностями употребления отыменных существительных в исследуемом материале позволяют сделать следующие заключения.

Для языка законодательного текста в целом и названий разделов, глав и статей УК РФ и УК Украины в частности характерно преобладание существительного над другими частями речи (подробнее об этом см.: [3, с. 85; 4, с. 94; 5, с. 134–135]).

Среди существующих способов словообразования имен существительных наиболее продуктивными для образования отыменных в названиях разделов, глав и статей УК РФ и УК Украины также выступают суффиксальный, реже используются префиксальный, суффиксально-префиксальный, а малопродуктивными являются основосложение, субстантивация, способ аббревиации, который встречается только в УК РФ и лишь в одном случае, но в соединении с полным словом.

Построение словообразовательных моделей позволило определить, что наиболее продуктивными для образования отыменных существительных являются суффиксы:

– УК РФ: **-ств(о)(-еств(о))**; **-ур-(а)**, используемые для придания значения собирательности; **-изм**, используемый для обозначения абстрактных понятий; **-ист**; **-ник-**; **-ор(-ер-)**, **-тор(-итор)**, используемые для образования существительных со значением лиц;

– УК Украины: **-ств-**, со значением собирательных понятий.

Наиболее продуктивными для образования отыменных существительных выступают приставки:

– УК РФ: **не-**, используемая для словообразования слов со значением отрицания и противоположности; **со-**, используемая для придания значения совместности, взаимной связи, обозначающая название лица как носителя определенного процессуального признака, абстрактные понятия; **без-(-бес-)**, используемая для придания значения отсутствия того, что названо производящей основой, в абстрактных понятиях; **само-**, используемая для обозначения действия, опредмеченного конкретным лицом; **у-; при-; пере-; от-; по-**, используемые для придания значения отвлеченного действия.

– УК Украины: **не-**, происходящая от отрицательной частицы, служит для образования основ со значением отрицания того, что названо производящей основой.

При этом, явное количественное суффиксальное и префиксальное разнообразие, преобладающее в русском языке, обосновано тем, что в языке украинского закона более вариативны способы образования (в исследуемом материале) отглагольных существительных (подробнее об этом см.: [5, с. 135–139]).

В процессе анализа словообразовательных моделей и морфологических особенностей отыменных и отглагольных существительных на материале названий разделов, глав и статей УК РФ и УК Украины были сделаны некоторые наблюдения относительно упомянутой выше специфики русского и украинского языков. Например, в русском языке существительное *самоубийство* (*Доведение до самоубийства* (ст. 110 УК РФ) образовано по модели **само- + ОСущ.**, а в украинском языке существительное *самогубство* (*Доведення до самогубства* (ст. 120 УК Украины) образовано по модели **само- + ОГ+ -ств-** (т.к. происходит от ук. *губити*), хотя значение слова имеют идентичное, но в русском языке существительное отыменное, а в украинском – отглагольное.

Список литературы

1. Гужва Ф. К. Современный русский литературный язык: Словообразование. Морфология. – К.: Радянська школа, 1967. – 224 с.
2. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 115 с.
3. Прайд О. Ю. Особенности функционирования имен существительных в названиях разделов и глав Уголовного кодекса Российской Федерации // Развитие науки в XXI веке: Сб. статей научно-информац. центра «Знание» по материалам X междунар. заоч. научно-практич. конф. – Харьков, 2016. – Ч. 2. – С. 82– 86.
4. Прайд О. Ю. Словообразовательные модели отыменных существительных и их семантические проявления в названиях статей Уголовного кодекса Российской Федерации // «Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования»: V Международная научно-практическая конференция (7-8 декабря 2016 г.): Сб. науч. статей. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 94–100.
5. Прайд О. Ю. Особливості функціонування іменників у назвах розділів і статей Кримінального кодексу України // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Том 25 (64). – № 4. – Ч. 2. – С. 133–142.
6. Пронина М. П. Особенности грамматического толкования уголовного закона // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 4 (37).– С. 184–188.
7. Семина И. А. Широкозначные имена существительные в юридическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 597. – С. 93–113.
8. Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология / Под ред. Иванова В. В. – М.: Русский язык, 1989. – 261 с.

References

1. Guzhva F. K. *Sovremennyi Russkii Literaturnyi Yazyk: Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Modern Russian Literary Language: Word-Formation. Morphology]. Kiev: Radyanska Shkola Publ., 1967. 224 p.
2. Kubryakova E. S. *Chasti Rechi v Onomasiologicheskoy Osveshchenii* [Parts of Speech in Onomasiological Coverage]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 115 p.
3. Pradid O. Yu. *Osobennosti Funktsionirovaniya Imen Sushchestvitelnykh v Nazvaniyakh Razdelov i Glav Ugolovnogo Kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Features of Functioning of Nouns in the Names of Sections and Chapters of the Criminal Code of the Russian Federation] *Razvitie Nauki v XXI veke: Sbornik Statei Nauchno-Informatsionnogo Tsentra 'Znanie' po Materialam X Mezhdunarodnoi Zaochnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii*. Kharkov, 2016. Part. 2, pp. 82–86.
4. Pradid O. Yu. *Slovoobrazovatelnye Modeli Otymennyykh Sushchestvitelnykh i Ikh Semanticheskie Proyavleniya v Nazvaniyakh Statei Ugolovnogo Kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Word-Building Models of Noun Derivatives and Their Semantic Manifestations in the Titles of the Articles of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Dialog Kultur: Lingvokulturologicheskaya Baza Gumanitarnogo Obrazovaniya: V Mezhdunarodnaya Nauchno-Prakticheskaya Konferentsiya (7-8 Dekabrya 2016 g.): Sbornik Nauchnykh Statei. Ed. Titarenko E. Ya.* Simferopol: ARIAL Publ., 2017, pp. 94–100.
5. Pradid O. Yu. *Osoblyvosti Funktsionuvannya Imennykh u Nazvakh Rozdiliv i Statei Kriminalnogo Kodeksu Ukrainy* [Peculiarities of the Functioning of Nouns in the Names of Sections and Articles of the Criminal Code of Ukraine]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta. V. I. Vernadskogo: Seriya 'Filologiya. Sotsialnye Kommunikatsii'*. 2012, Vol. 25 (64), No. 4, Part 2, pp. 133–142.
6. Pronina M. P. *Osobennosti Grammaticheskogo Tolkovaniya Ugolovnogo Zakona* [Peculiarities of the Grammatical Interpretation of Criminal Law]. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2015, No. 4 (37), pp. 184–188.

7. Semina I. A. *Shirokoznachnye Imena Sushchestvitelnye v Yuridicheskom Diskurse* [Wide-Meaning Nouns in Juridical Discourse]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*. 2010, No. 597, pp. 93–113.
8. *Sovremennyi Russkii Yazyk. Teoreticheskii Kurs. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Modern Russian Language. Theoretical course. Word Formation. Morphology]. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1989. 261 p.

**PECULIARITIES OF THE USE OF DENOMINATIONAL NOUNS IN THE
CRIMINAL CODES OF RUSSIAN FEDERATION AND UKRAINE:
ANALYTICAL AND COMPARATIVE ASPECTS**

Pradid O. Yu.

Summary. The article is devoted to the study of functioning of denominative nouns' peculiarities in titles of divisions, chapters and articles of the Criminal codes of Russian Federation and Ukraine. Special attention is focused on the sorting out of word formation patterns, according to which denominational nouns are formed, and their semantic development in titles of divisions, chapters and articles of the Criminal codes of Russian Federation and Ukraine. The analysis of differences in word formation methods is carried out; frequency of their use in the material studied in Russian and Ukrainian languages is explained; productive and unproductive word formation patterns are singled out.

Keywords: word formation pattern, suffixation, prefixation, compounding, substantivation, abbreviation, Criminal code of Russian Federation, Criminal code of Ukraine.

УДК 811.161.1

**К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ ОЦЕНКИ В НАРЕЧИЯХ НА
МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ
МЕДИАТЕКСТОВ)**

Сурган М. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: surik_m@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности проявления оценочности как способа отражения отношения адресанта к фактам и явлениям действительности. Категория оценки в языке может быть вербализована на различных уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Автор отмечает, что значительная часть лексем с оценочной семантикой в современном медиадискурсе формируется с помощью словообразовательных средств. Проведенное исследование показывает, что в медиатекстах более широко представлены оценочные лексемы, образованные способом суффиксации. Наиболее активны суффиксы со значением усиления или ослабления признака (-овато, -онько /-енько и т.д.). Гораздо меньшая продуктивность, согласно данным проведенного автором анализа, присуща префиксальному способу образования оценочных наречий. В статье отмечается, что некорневые морфемы часто используются для интенсификации оценочности, которая уже содержится в семантике лексической единицы, но в ряде случаев морфемы могут служить и для изменения оценки, входящей в семантику слова. Автор приходит к выводу, что аффиксы выступают регулярным средством актуализации оценочности в семантике единиц языка, значительно расширяя возможности выражения оценки в современных медиатекстах.

Ключевые слова: оценка, наречие, морфема, оценочное высказывание.

ВВЕДЕНИЕ

Оценочная деятельность как способ выражения говорящим своего отношения к реалиям окружающей его действительности рассматривается в научной литературе как важнейший аспект коммуникативной деятельности человека, оценка является чрезвычайно значимым прагматическим сигналом, который во многом организует структуру речевого акта. Категория оценки и особенности ее отражения в языке входит в круг интересов целого ряда исследователей: Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, Г. А. Золотовой, В. Н. Телия и др. Оценочный потенциал морфем рассматривался в работах В. В. Виноградова, О. Н. Ермаковой, Е. А. Земской, И. С. Улуханова, В. В. Химика.

Категория оценки в языке вербализуется на различных уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом [3]. При этом, как справедливо отмечают исследователи, вне зависимости от уровня вербализации категории оценки оценочное высказывание следует рассматривать в контексте, поскольку семантика оценочности зачастую актуализируется в конкретном дискурсе. Так, по мнению Е. Вольф, оценочная модальность определяется не отдельными элементами, а высказыванием в целом [1].

Оценочно маркированные единицы языка весьма разнообразны, к тому же оценка часто выражается имплицитно. Полное описание средств выражения оценки на различных языковых уровнях, исследование их взаимодействия и трансформации в региональном медиадискурсе представляется актуальным.

Значительная часть лексем с оценочной семантикой в современном медиадискурсе формируется с помощью словообразовательных средств. Цель данного исследования – определить специфику реализации категории оценки в наречиях на морфологическом уровне. Материалом исследования послужили тексты газеты «Крымский телеграф» за период с 2014 по 2017 годы, отобранные методом сплошной выборки.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Оценка представляет собой логико-семантическую категорию, которая связана с ценностной шкалой «хорошо-плохо» и, соответственно, позволяет дать позитивную или негативную характеристику предмету, явлению, факту действительности. Таким образом, оценка связана с необходимостью реализации прагматического замысла – выражения отношения говорящего к фрагменту окружающего мира.

Категория оценки в языкознании рассматривается как результат оценочной деятельности личности, выраженный вербально. Иными словами, это зафиксированное в высказывании оценочное отношение говорящего к предмету речи. В оценке постоянно взаимодействуют субъективные и объективные факторы, причем каждый из них затрагивает и субъект, и объект оценки [2].

Исследователи отмечают, что оценка относится к прагматическому компоненту семантики языковых единиц, выражающему отношение адресанта к объекту внеязыковой действительности как результата соотнесения определенных его признаков с ценностной шкалой, принятой в данном языковом сообществе [7].

Категория оценки в русском языке может актуализироваться в различных частях речи, в том числе в наречиях. При этом оценочная компонента может актуализироваться, уточняться, усиливаться благодаря использованию тех или иных некорневых морфем. Как отмечают исследователи, морфема с оценочной маркировкой способна вызывать у адресата высказывания ассоциативный ряд со словами, которые содержат данную морфему [5].

Проведенный нами анализ позволяет прийти к выводу, что в региональных медиатекстах более широко представлены оценочные лексемы, образованные способом суффиксации. Приведем наиболее показательные примеры.

Наречия, образованные с помощью суффикса *-овато* (со значением ослабленной степени признака [4]): *грязновато, поздновато, рановато, слабовато, страиновато*, – используются в СМИ для выражения негативной оценки фактов и событий. Например: *Увы, о тех юношеских играх мы писали скромно. Ведь посланцы Украины выступали на них **слабовато** и, оставались в тени* [«КТ» № 362 от 15 января 2016]; *Если в этой конструкции упадёт одна «костяшка домино», без света и интернета может остаться и Красноармейская, и прилегающие переулки. Да и ходить под такой электрической «паутиной» **страиновато*** [«КТ» № 317 от 20 февраля 2015]; *А теперь ряд объективных вопросов к следствию: что же делал милиционер в рабочее время в подъезде чужого дома? Следил за преступником? И почему тогда оделся **странновато** – таким образом маскировался* [«КТ» № 263 от 30 декабря 2014].

Негативная оценочность выражается и с помощью наречий, образованных присоединением суффикса *-енько/-онько*. Данный суффикс используется для обозначения усиления признака и позволяет придать высказыванию экспрессивный оттенок [4]: *аккуратненько, быстренько, тихонько, хорошенько*. Следует отметить, что оценочность в данном случае проявляется только при учете контекстуальных

условий словоупотребления, поскольку лексемы используются как средство выражения иронии, сарказма, пренебрежения и пр. Например, *Казалось бы, СЭС сюда – и эту «санаторную забегаловку» **быстренько** бы прикрыли. Отнюдь! Приезжала проверка в начале лета, но до кафе не дошла, затерялась в коридорах санатория* [«КТ» № 342 от 21 августа 2015]; *Как и полагается в таких случаях, прокурор, который, говорят, был сам виновен в ДТП и **хорошенько** измял такси, вышел из машины... избил таксиста и... уехал, не дожидаясь сотрудников ГАИ* [«КТ» № 268 от 14 февраля 2014].

Аналогичные особенности реализации оценочного значения характерны и для наречий с суффиксами -ком, -кой, -ку, -ко, имеющими экспрессивное ласкательное значение [4]: *потихонечку, нисколько, рядышком* и т.д. Например: *Но уже сегодня ходят слухи, что половина коллектива останется на улице. Как здесь говорят, некоторых из списка неугодных уже **потихонечку** отстраняют от работы...* [«КТ» № 245 от 14 августа 2014]; *Однако Капитонову это **нисколько** не смутило. Сначала она потребовала принести регистрационное свидетельство и подтверждение – справку из клуба. Гражданин привез ей все документы, но его опять «послали».* [«КТ» № 92 от 30 июля 2010].

В процессе использования в речи оценочных наречий их семантика может значительно изменяться в зависимости от контекста и коммуникативной ситуации. Так, лексемы с положительной оценочной семантикой в ироническом контексте принимают отрицательно-оценочное значение; наречия с уменьшительными аффиксами могут употребляться для обозначения усиления признака.

Наше исследование подтверждает позицию ряда исследователей, отмечающих, что суффиксы более активно реализуют функцию привнесения оценочной составляющей в семантику языковой единицы в сравнении с другими аффиксами русского языка [5].

Префиксальный способ образования оценочных наречий в медиатекстах, по нашим наблюдениям, менее продуктивен. Здесь следует отметить употребление наречий, образованных с помощью префиксов *до-, на-, по-* (обозначают доведенность до признака, названного мотивирующим словом [4]): *Суровая необходимость в*

вентиляции в этом заведении отнюдь не санаторного типа не отпала, а, наоборот, обострилась **донельзя**... [«КТ» № 239 от 12 июля 2015]; В разгар прошлого курортного сезона вдоль самой загруженной трассы развернули с полдюжины ремонтных участков, **напрочь** забив и без того переполненную трассу [«КТ» № 381 от 3 июня 2016].

В исследуемых текстах также представлены лексемы, образованные при помощи приставки архи- со значением наивысшей степени признака: *Теперь же, при очень удачном раскладе, сборная может зацепиться за второе место, хотя добиться этого будет **архисложно*** [«КТ» № 225 от 29 марта 2015].

ВЫВОДЫ

Среди разноуровневых средств выражения оценки важную роль играют разнообразные морфемы (суффиксы и приставки), которые могут вносить оценочный компонент в значение слова. Морфемы выступают регулярным средством экспликации оценочной семантики в языковых единицах [6]. Подобные словообразовательные дериваты значительно расширяют возможности выражения оценки в тексте.

Следует отметить, что некорневые морфемы в большинстве случаев используются для интенсификации оценочности, которая уже содержится в семантике лексической единицы (*прескверно* и т.д.). Тем не менее, морфемы могут служить и для изменения оценки, входящей в семантику слова. Использование определенных суффиксов или приставок может менять оценку на противоположную. Часто морфемы с оценочным значением выступают в качестве стилистических модификаторов языковых единиц. В зависимости от контекста и особенностей коммуникативной ситуации семантика оценочных наречий может существенно меняться. Так, лексические единицы с семантикой позитивной оценки в ироническом контексте принимают негативное оценочное значение, а наречия с уменьшительными морфемами могут употребляться для обозначения усиления признака.

Список литературы

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
2. Дормидонтова, О. А. Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики / О.А. Дормидонтова // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2 (21): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 47–49.
3. Малярчук, У. О. Оценочность в публицистическом тексте (на примере изданий «Зеркало недели» и «1 Крымская») / У. О. Малярчук // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62). – № 2. Часть 2. – С. 543–548.
4. Словообразование наречий [Электронный ресурс] // Русская грамматика. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/976-1031.html> (Дата обращения: 12.07.2018)
5. Смирнова, Л. Г. Языковые средства выражения оценки на уровне морфем / Л. Г. Смирнова // Слово: внутренняя и внешняя система. Сб. статей по материалам докладов и сообщений международной научной конференции. – Смоленск: СмолГУ, 2005. – С. 281–301.
6. Смирнова, Л. Г. Словообразовательная парадигма оценочной лексики в русском языке / Л. Г. Смирнова // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл): Материалы секции 37 Международной филологической конференции, 11–15 марта 2008 г. – СПб., 2008. – С. 76–85.
7. Федуленкова, Т. Н. Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте / Т. Н. Федуленкова, З. К. Адамия, М. Чабашвили. – М. : Академия Естествознания, 2014.

References

9. Volf Ye. M. *Funktsionalnaya Semantika Otsenki* [The Assessment Functional Semantics]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 228 p.
10. Dormidontova O. A. *Kategoriya Otsenki i Otsenochnaya Kategorizatsiya s Pozitsii Sovremennoi Lingvistiki* [The Assessment Category and Assessment Categorization in Terms of Modern Linguistics]. *Almanakh Sovremennoi Nauki i Obrazovaniya*, 2009, No 2 (21), Part 1, pp. 47-49.
11. Malyarchuk Yu. O. *Otsenochnost v Publitsisticheskom Tekste (na Primere Izdaniy «Zerkalo Nedeli» i «1 Krymskaya»)* [Assessment in the Publicistic Text (by the Example of Periodicals *Zerkalo Nedeli* and *1 Krymskaya*)]. *Uchenye zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo. Filologiya. Sotsialnye Kommunikatsii*, 2010. Vol. 23 (62), No 2, Part 2, pp. 543-548.
12. *Slovoobrazovanie Narechii* [Adverbs Word Forming]. *Russkaya Grammatika*. Available at: <http://rusgram.narod.ru/976-1031.html>. (accessed: 12.07.2018).
13. Smirnova L.G. *Yazykovye Sredstva Vyrazheniya Otsenki na Urovne Morfem* [Language Means of Assessment Expressing on the Morpheme Level]. *Slovo: Vnutrennyaya i Vneshnyaya Sistema. Sbornik Statei po Materialam Dokladov i Soobshchenii Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii*. Smolensk: SmolGU Publ., 2005, pp. 281-301.
14. Smirnova L.G. *Slovoobrazovatel'naya Paradigma Otsenochnoi Leksiki v Russkom Yazike* [Assessment Lexis Word Forming Paradigm in Russian language]. *Leksikografiya (Russko-Slavyanskii Tsikl): Materialy Sektsii 37 Mezhdunarodnoi Filologicheskoi Konferentsii, 11-15 March 2008*. Saint-Petersburg, 2008, pp. 76-85.
15. Fedulenkova T. N., Adamiya Z. K., Chabashvili M. *Frazeologicheskoe Prostranstvo Natsionalnogo Slovary v Sopostavitel'nom Aspekte* [Phraseological Space of National Vocabulary in Comparative Aspect]. Moscow: Akademiya Estestvoznaniya Publ., 2014.

**ON THE ISSUE OF THE ASSESSMENT EXPRESSING BY THE ADVERBS ON
THE LEVEL OF MORPHOLOGY (ON THE REGIONAL MEDIA TEXTS
MATERIAL)**

Surgan M.A.

The article is devoted to the analysis of the assessment expressing features. The category of assessment is accounted as a means of expressing addresser's attitude to the reality. The author points out that substantial part of the lexemes with the assessing semantics in the modern media discourse is formed by means of derivation. The research reveals that assessing lexemes formed by the means of suffixation are presented more widely in media texts. Suffixes with the meaning of attribute intensification or diminution are the most active. Given analysis reveals that forming assessment adverbs by the means of prefixes is less productive. It is indicated that the non root of the word morphemes are often used for the intensification of the assessment that lexical unit semantics include. The author comes to the conclusion that suffixes and prefixes regularly become a mean to specify assessment in the language unit semantics and significantly expand assessing potential of the modern media texts.

Key words: assesment, adverbs, morpheme, assesment discourse.

УДК 81`42

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА В ТЕКСТАХ
ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ**

Чумак-Жунь И. И., Проскурнина Л. В.

**ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
Белгород**

E-mail: Chumak@bsu.edu.ru, proskurnina@bsu.edu.ru

В статье рассматривается роль прагматического компонента в исследовании языковой личности И. И. Лажечникова (на материале романов «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман»). Подчеркивается, что прагматический элемент целесообразно соотносить с модальностью, так как в основе понимания и прагматики, и модальности лежит представление об отношении говорящего к высказываемому. Именно модальность дает ключ к рассмотрению прагматического компонента в структуре языковой личности. Материалом исследования послужили предложения, содержащие субъективную модальность. Определена основная коммуникативная стратегия И. И. Лажечникова: автор – полноправный участник событий, описываемых в романах. Называются конкретные тактики: перволичный дейксис, диалогичность, авторские детальные описания, включение в исторический хронотоп, голос автора в ткани текста. Целью статьи является выявление формальных коррелятов прагматического уровня в структуре языковой личности И. И. Лажечникова.

Ключевые слова: прагматика, лингвопрагматика, модальность, речевой акт, языковая личность, исторический роман.

ВВЕДЕНИЕ

Своеобразным откликом на вызовы современной гуманитарной науки, перешедшей на рельсы антропоцентризма, является активное изучение в лингвистических исследованиях языковой личности. В работах последних десятилетий «по умолчанию» по отношению к проблеме языковой личности используются следующие постулаты:

1) языковая личность изучается в трех ипостасях – когнитивной, прагматической и вербально-семантической, что соответствует трехуровневой структуре, представленной в работах Ю. Н. Караулова. В соответствии с его теорией **при рассмотрении вербально-семантического уровня** для исследователя актуально «традиционное описание формальных средств выражения определенных значений»; **при переходе к изучению когнитивного уровня**, единицами которого являются понятия, идеи и концепты, складывающиеся у носителя языка в «картину мира»,

отражающую «иерархию ценностей, – выход к знанию, сознанию, процессам познания человека»; и, наконец, *уровень прагматический* обеспечивает в изучении и анализе языковой личности «закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [7, с. 5].

2) конкретным материалом изучения деятельности языковой личности является созданный им текст – «продукт речемыслительной деятельности людей, возникающий в процессе познания окружающей действительности, в процессе непосредственной коммуникации» [1, с. 3]. Именно через текст – через вербальную репрезентацию, через словесный рисунок – исследователь постигает картину мира художника слова и ее коммуникативную обусловленность, стремится постичь творческие мотивы и цели: «В тексте скрывается сам автор, текст – есть свидетельство о нём; каждое творение содержит в себе – в том или ином виде – образ своего творца» [9, с. 129].

Все вышесказанное открывает для лингвиста интереснейшие перспективы многовекторного и многоаспектного изучения языковой личности через призму текста, в том числе (и преимущественно) художественного. Среди активно разрабатываемых и наиболее трудно описываемых элементов в структуре языковой личности – прагматический, причем общепризнано, что трудности связаны с отсутствием устойчивых формальных коррелятов этого уровня. Для того чтобы обозначить исходные терминологические позиции, обратимся к определению Ю. Д. Апресяна, который под прагматикой понимает «закрепленную в языковой единице оценку говорящим следующих трех вещей: действительности, являющейся предметом сообщения, содержания сообщения и адресата» [2, с. 46]. Однако при исследовании художественного текста важным оказывается вопрос – как воспринимать категорию *говорящий*? Несомненно, языковая личность автора художественного текста традиционно связывается с проявлением его художественно-эстетической позиции, которая, в свою очередь, находит свое отражение в такой важной субъектной категории словесного выражения, как образ автора. Однако В. В. Виноградов, определяющий образ автора как «концентрированное воплощение сути произведения», писал о различиях автора и

самого писателя, определяя первого как «художественный лик автора», а второго как «не обращенный к читателю “образ писателя”» [4, с. 91]. Соответственно, в художественном тексте автор может выступать как в роли рассказчика, описывающего события, – автор-рассказчик (сторонний наблюдатель), так и в роли повествователя, оказывающего влияние на развитие сюжета, – автор-создатель действия.

С нашей точки зрения, особо показательны в исследовании прагматического уровня случаи, когда автор выступает «надтекстовым» повествователем-рассказчиком, который эксплицитно, демонстративно, определяет с помощью сигналов собственно языковой природы, буквально «по Апресяну», отношение: 1) к действительности, являющейся предметом сообщения, 2) к содержанию сообщения и 3) к адресату. Это надтекстовое положение автора отчетливо демонстрируется в текстах с так называемым «авторским включением», то есть в текстах, где образ автора прямо позиционируется с помощью перволичного местоимения единственного или множественного числа или аналогичных форм.

Следует заметить, что детально описанная (например, по отношению к гоголевским текстам) категория образа автора («художественный лик автора»), «отзеркаленная» в авторском включении, в лингвистических исследованиях в свете теории языковой личности, как правило, не рассматривается. Попытаемся именно в этом ключе проанализировать исторические романы И. И. Лажечникова, которые дают достаточно материала для определения специфики прагматикона писателя. Особенности изучения прагматического аспекта языковой личности И. И. Лажечникова связаны, в первую очередь, именно с тем, что автор не только описывает события и факты реальной действительности, но и стремится эксплицитно передать при помощи лексических и синтаксических единиц своё видение и понимание этих фактов, отношение к ним, а также, безусловно, оказать воздействие на читателя.

Несомненно, прагматикон писателя определяет прагматика текста, связанная и с конкретными коммуникативными задачами, и с речевой ситуацией: следует учитывать специфику личности автора (говорящего) – субъективный фактор, и

коммуникативную установку для адресата (читающего, слушающего). Традиционно считается, что «в состав прагматического уровня входят: пресуппозиция, дейксис, элементы метаязыковой рефлексии, разного рода оценки и предпочтения, прецедентные тексты, способы аргументации и программы поведения» [8, с. 16]. И здесь нельзя не обратиться к понятию модальности.

Так как языковая личность формирует свою систему воспроизведения и отражения окружающей действительности, опираясь на языковые средства, автор выражает субъективное отношение к реальности, трансформируя свой, субъективный, мир. Категория, с помощью которой писатель выражает свою оценку и отношение к описываемым явлениям и событиям, – модальность. Несомненно, модальность соотносима с прагматикой хотя бы потому, что в основе понимания и прагматики, и модальности лежит представление об отношении говорящего к высказываемому. Ср.: модальностью называют «разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [11, с. 214]. Однако принято считать, что прагматика, в сравнении с модальностью, охватывает более широкий спектр языковых явлений. По меткому высказыванию Т. Ван Дейка, «язык насквозь пронизан прагматикой», тогда как модальность по существу – синтаксическая категория. Именно в таком ключе – как синтаксический феномен – рассматривается модальность в теории В. В. Виноградова, считающего, что «любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [3, с. 55].

Таким образом, понимаемая модальность дает ключ к рассмотрению прагматического компонента в структуре языковой личности.

Ряд исследователей – В. В. Виноградов, Е. Н. Орехова, В. В. Химик, Н. Ю. Шведова – противопоставляют объективную и субъективную модальность [3; 10; 15; 16]. Ученые сходятся во мнении, что объективная модальность присуща

любому высказыванию: «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности» [3, с. 55]. Субъективная же модальность присуща не каждому высказыванию, поскольку говорящий может не выражать отношения к высказыванию.

Субъективная модальность диктует писателю выбор языковых средств, поскольку «состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан его «содержанием» и зависит от характера отношения к нему со стороны автора» [5, с. 192].

Субъективная модальность особенно важна в художественном дискурсе, поскольку писатель как языковая личность при помощи языковых средств воссоздает свою, субъективную, действительность. Именно знаки субъективной модальности и дают ключ к пониманию прагматического компонента в языковой личности И. И. Лажечникова.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Объектом художественного описания И. И. Лажечников избрал прошлое России: эпоху Ивана III («Басурман»), время царствования Анны Иоановны, названное бироновщиной («Ледяной дом»), и период Северной войны в период правления Петра I («Последний Новик»). В каждом из романов писатель стремится выполнить конкретные художественные задачи, представляя индивидуально-авторскую картину мира в виде соответствующей концептосферы. Но если изучение концептуального слоя языковой личности предполагает индивидуальный подход к каждому произведению, так как в каждом романе представлен отдельный фрагмент картины мира, связанный с определяющим идею романа концептом, то прагматическое намерение объединяет все романы, поэтому стоит рассматривать авторские включения комплексно, во всех трех произведениях.

Анализ показал, что **основная коммуникативная стратегия** И. И. Лажечникова: автор – полноправный участник событий, описанных в романах.

Эта стратегия реализуется посредством применения нескольких тактик, которые можно дифференцировать лишь условно, потому что они, как правило, используются комплексно. Акциональность в целом проявляется в ядерном положении перволичной эксплицитной модели и помещении в субъектную область основного говорящего, с которым автор отождествляет себя. Однако эту общую модель можно разделить на несколько составляющих, к которым мы обратимся:

- 1) перволичный дейксис (использование местоимения 1 лица – *я* и *мы* и аналогичных конструкций),
- 2) диалогичность (автор вступает в диалог с читателем),
- 3) авторские детальные описания,
- 4) включение в исторический хронотоп;
- 5) голос автора в ткани текста (использование разнообразных языковых средств).

Следует сказать, что «подключение читателя», условно говоря, происходит «по разным каналам»: когнитивному, перцептивному, эмотивному. В соответствии с этими направлениями, автор апеллирует к знаниям (познавательным механизмам), восприятию (перцепции) и к эмоциям читателя. В любом случае, присутствие автора в тексте произведения обнаруживается при введении коротких реплик от его имени в текст повествования.

I. «Когнитивное подключение» читателя.

- 1) Базовая тактика – *перволичный дейксис*.

Индивидуализированная репрезентация субъектного плана повествования (образ автора), выраженная, в том числе в формах перволичного дейксиса (личные местоимения *я* и *мы*), разграничивает исторический и художественный дискурсы.

Автор выступает как творец, создатель действия, детально разъясняющий читателю его ход. Обращаясь к сознанию и процессам познания читателя, он формирует знания, связанные с повествованием. Предикация маркирована: кроме случаев, когда субъект выражен формой первого лица единственного или множественного числа, используются и определенно-личные конструкции. «Когнитивное подключение» читателя реализует прагматический компонент смысла

высказывания, отражающий коммуникативную цель говорящего – передать информацию о высказываемом от своего лица. Определяющим в подобных случаях является *констатив* – один из базовых иллокутивных актов, коммуникативно-интенциональное содержание которого заключается в утверждении. Определим те конкретные «когнитивные шаги» по отношению к читателю, которые представлены в романах.

1. Объяснение содержания сообщения: «*Вот несколько слов, необходимых для пояснения происшествий...*» («Последний Новик»).

2. Объяснение логической последовательности событий: «*Для связи происшествий в памяти наших читателей скажем...*» («Последний Новик»). Этот пример наглядно показывает, что действие автора направлено на определенный объект – на читателя и имеет конкретную цель – связать события в сознании получателя в единую цепочку.

3. Напоминание читателю о сказанном: «*Помните, как он испугал первосвященника римского...*» («Басурман»).

4. Указание на последующее разворачивание событий. Чрезвычайно важным в следующем примере является указание автора, с одной стороны, на переживаемые им эмоции (словосочетание *жаль нам* указывает на эмоциональное отношение к героине романа – Катерине Рабе), а с другой, – на произвольность его действия (*история велит, придется*): «*Жаль нам Кете Рабе. Что ж делать? История велит нам вести ее к брачному алтарю*» («Последний Новик»).

5. Уточнение, «оформление» известной информации. В следующих контекстах, напоминая уже изложенные факты, автор вновь объединяет себя с читателем посредством дейктического элемента *мы*. «*Мы видели, что нетерпеливый характер государя разогрел душу военачальника упреком*» («Последний Новик»).

6. Объяснение композиционных особенностей текста с точки зрения его создателя: «*Говорите, что я это сделал, желая поместить где-нибудь романическое лицо Дмитрия Иоанновича <...> прибавьте, что я придумал и находку рукописей*» («Басурман»).

7. Объяснение описываемых фактов с точки зрения исторического контекста: «*Кажется, я уж сказал, что в тогдашнее время не было выгодной должности <...>*» (Басурман).

8. Определение своего отношения к описываемому: «*Но зимой <...> 1739/40 года, не желал бы я быть в Петербурге*» («Ледяной дом»).

9. Указание на определяющую роль автора в порождении текста. Замечательным образом в следующем предложении И. И. Лажечников разводит реальные события и художественное описание. Автор выступает в роли творца действия, движет развитие сюжета: «*Где были думы Волынского, неизвестно нам...*» («Ледяной дом»).

В целом, для использования этой тактики характерно включение глаголов речевой и познавательной деятельности: *скажем, знаем, узнаем, надо сказать*. С их помощью автор проявляет себя и заостряет внимание читателя на отдельных фактах повествования, а также обозначает свое отношение к ним. «*Знаем только, что она в два года умела приноровиться к русским обычаям...*» («Последний Новик»).

Кроме того, выражению позиции автора в тексте произведения способствует «когнитивное подключение» с помощью модальных частиц: *НАДО* – «*Надо прибавить, что денежные присылки от неизвестной особы давали ему способы жить прилично своему званию*» («Последний Новик») и *НУЖНО* – «*Нужно ли говорить, что этот момент должен быть проникнут идеей?*» («Басурман»).

Еще раз заметим, что наше деление на отдельные коммуникативные тактики является условным. Перволичный дейксис, который активно используется И. И. Лажечниковым, встречается и в авторских описаниях, и в диалогах автора с читателем.

2) Диалогичность.

Немаловажным элементом в структуре повествования текста является образ читателя, которому изначально предпослано в принципе любое художественное произведение. Обращаясь к читателю, писатель подключает авторское сознание.

В исторических романах И. И. Лажечникова обращение к адресату представлено в нескольких формах.

Апеллятив. В текстах своих романов И. И. Лажечников обращается непосредственно к самому читателю. «*Однако ж не подумай, читатель мой...*» («Последний Новик»).

Императив. Это обращение к читателю как к возможному собеседнику, выраженное императивом. «*Взгляните на рисунки индийских храмов...*» («Басурман»). Подобные контексты используются с целью акцентировать внимание читателя на мысли повествователя. Обращение выражается с помощью глаголов в форме второго лица множественного числа в повелительном наклонении: *сравните, взгляните, помните.*

Включение читателя в ход повествования. В ряде контекстов нет прямого обращения к читателю, но он упоминается автором, который пытается определить (угадать) мысли, чувства и желания адресата, используя предикативные конструкции *читатели догадались, они знают, читатели скажут, опытный наблюдатель видит и т.д. и т.п.:* «– Уловки романиста! – скажут, может быть, некоторые из моих читателей...!» («Басурман»).

В данных контекстах, выражая свое отношение, автор определяет читателя как опытного *наблюдателя.*

Вопросно-ответные контексты. Помимо этого, нужно отметить употребление в текстах исторических романов И. И. Лажечникова вопросно-ответных контекстов, способствующих усилению диалогичности общения автора с читателем. «*По какой же протекции получил он важный пост? Мать его – барская барыня в доме кабинет-министра*» («Ледяной дом»).

В текстах романов присутствуют и авторские толкования в виде пояснений и уточнений.

3) Авторские описания.

Одна из особенностей присутствия автора в тексте художественного произведения – это авторские описания, которые в текстах исторических романов И. И. Лажечникова построены как описания двух типов. Это, во-первых, собственно описания и, во-вторых, авторские толкования в виде пояснений и уточнений, которые могут быть как развернутые, так и краткие.

«Вот статная, красивая девушка из Торжка, с жемчужным венцом, наподобие сахарной головы; он прикрыт платком из тончайшей кисеи, которого концы, прячутся на груди. На лоб опускаются, как три виноградные кисти, рязки из крупного жемчуга, переливающего млечно-розовую белизну по каштановым волосам; искусно заплетенная коса, роскошь русской девы, с блестящим бантом и лентой из золотой бити, едва не касается до земли» («Ледяной дом»). В представленном контексте используется собственно авторское описание. Используя такие конкретные детали, как *статная, красивая девушка; с жемчужным венцом; платком из тончайшей кисеи; рязки из крупного жемчуга; млечно-розовая белизна; каштановые волосы; бант и лента из золотой бити*, И. И. Лажечников добивается впечатления присутствия на месте событий.

Несомненно прагматическое намерение – дать детальное описание женского образа того времени, одновременно представляя эстетический идеал прекрасного, находясь именно в традиционных аксиологических рамках. Здесь можно вспомнить сходные интенции, представленные в другом художественном дискурсе – изобразительном. Галерея русских красавиц предстает на полотнах А. Г. Венецианова («Портрет М. А. Венециановой в русском костюме», «Портрет купчихи Образцовой») и К. Е. Маковского («Боярышня», «Боярыня у окна», «Боярышня с подносом»). Искусствоведы выделили особый жанровый подвид – головки боярышень в русских национальных головных уборах (кокошники различной формы, с ожерельями, бантами, серьгами, золотыми и жемчужными нитями). Именно такими хотели видеть русские художники и писатели женщин ушедших эпох.

Ряд примеров представляют собой развернутые толкования, напоминающие словарную статью. *«Мы сказали уже, что Подачкина (по имени и отчеству Акулина Саввишна) – барская барыня. Это звание в старину было важное <...>. Она присутствовала при туалете госпожи, заведовала ее гардеробом <...> и играла во дворе своем посредническую роль между властителями и слугами»* («Ледяной дом»). В данном контексте представлено подробное авторское толкование понятия *барская барыня*. Помимо этого, в тексте романов семантизация осуществляется не

посредством толкования, а посредством использования современных ему эквивалентов некоторых архаизмов. «*А на больших слонах по двенадцати человек, да на всяком по два прапорца (знамя) ...*» («Басурман»).

Во всех вышеприведенных примерах наблюдается авторская позиция «за текстом» – рассказчик плетет текстовую ткань, апеллируя к сознанию получателя. И повествователь, и читатель – не участвуют в действии непосредственно, а являются сторонними наблюдателями.

II. «Перцептивное подключение» читателя.

Автор создает у читателя иллюзию эффекта присутствия в конкретном описанном месте. Этому способствует не только использование глаголов направленного действия (*войдем, взойдем, пришли*), но и глаголов, передающих дополнительные тактильно-сенсорные ощущения (*продеремся, перенесемся, посмотрим*). Писатель локализует пространство и практически физически помещает туда зрителя-читателя: «*Но мы, грешные, войдем на двор к Волынскому, продеремся сквозь толпу ...*» («Ледяной дом»). Такие обращения нужны для того, чтобы читатель почувствовал, что автор «ведет» его по сюжету повествования и обращает внимание своего читателя на определенные эпизоды. Используя местоимение *мы*, автор соотносит себя с читателем, используя доверительный тон общения с адресатом.

Одной из важных тактик, которая способствует погружению в исторический контекст произведений, является **включение в исторический хронотон**.

Локализация пространства посредством частиц.

ВОТ – «указательная частица. Употребляется для указания на наличие кого-чего-л. поблизости в данный момент времени...» [13, с. 744].

«**Вот**, неподалеку от этой горы, сквозь мрак осенней ночи мерещится на берегу Эльбы башня...» («Басурман»).

ЗДЕСЬ – «в этом месте. Противоположно: там». ...» [14, с. 1168].

«**Здесь** владетель Мариенбурга <...> предполагал поставить памятник» («Басурман»).

Локализация пространства посредством детализации.

Автор также может выступать как лицо, непосредственно знакомое с героями романов. «Один был *старичок небольшого роста, начинавший горбиться под ношею лет; темные волосы тенили серебряные кудри его; от маковки головы до конца век врезался глубокий шрам* <...> но вы, вероятно, узнали сказочника, Афанасия Никитина. Скажем, что он *здесь* казался десятью годами моложе, нежели *мы его видели в тюрьме*» («Басурман»), здесь – рассказчик, лицо, непосредственно знакомое с Афанасием Никитиным. Прибегая к его подробной характеристике: *небольшого роста, темные волосы, серебряные кудри, маковка головы, глубокий шрам*, автор дает понять читателю, что не понаслышке знаком с тем, о ком идет речь. Фраза последнего предложения *мы его видели*, а также глагол *скажем* очевидно проявляет личность автора-рассказчика, который строит свое повествование в виде беседы с читателем.

III. Эмотивное подключение к тексту читателя.

«Эмоциональная позиция» автора может выражаться несколькими способами: слова-маркеры (*главное, самое важное, надо, нужно* и т.п.), оценочная лексика, вводные слова и вводные конструкции и т.п. Субъективная модальность в данном случае выражается посредством эмоциональных маркеров: междометий, частиц, слов в прямом оценочно-характеризующем значении, слов в переносном оценочно-характеризующем значении, метафор, лексических фразеологизмов.

И. Р. Гальперин считает, что «непосредственным выразителем субъективно-оценочной модальности высказывания является междометие» [6, с. 120]. «По-видимому, можно говорить о междометном значении как особом виде лексического значения, которое связано с выражением субъективного отношения говорящего к действительности и является ситуативно и интонационно обусловленным» [12, с. 33].

«*Боже мой! он – карбонарий, сказали бы в наше время*» («Последний Новик»). Междометие *Боже мой* употребляются в текстах романов И. И. Лажечникова для выражения эмоций, которые, по мнению автора, соответствовали бы описанию: удивления, испуга, возмущения и т.п.

Субъективно-модальное отношение автора к сообщаемому или описываемому выражают модальные частицы. В текстах романов И. И. Лажечникова частицы

расставляют определенные акценты: усиливают определенное значение фразы, делают на чем-то акцент, выражая согласие или несогласие, сомнение или неуверенность, удивление или возмущение и т.п. – *неужели, разве*.

Со значением удивления: *«Неужели в самом деле оплошал? О! нет, это была тонкая проделка»* («Басурман»).

К модальным нами были отнесены частицы, которые выражают авторское согласие или отрицание. *«И действительно, это был сынок барской барыни»* («Ледяной дом»).

Помимо этого, модальная частица *действительно с частицей ли* выражает в текстах романов И. И. Лажечникова сомнение автора, его неуверенность. *«Действительно ли это так – не ведаем...»* («Ледяной дом»).

Таким образом, модальные частицы вносят в текст дополнительные смысловые оттенки. Они связаны, в первую очередь, с точкой зрения говорящего – автора или героев, который оценивает содержание высказывания.

По мнению Ш. Балли, Е. М. Вольф, В. Н. Телии и других, модальность тесно связана с категорией оценочности. Подобные примеры представлены и в романах И. И. Лажечникова. *«Какая досада, какая мука! следы огромных ступней <...> провели дорожку к шкапу»* («Басурман»). Синтаксическая конструкция «какой + имя существительное или прилагательное» выражает значение высокой оценки, высокой степени проявления признака. В данных контекстах это проявление досады, отчаяния.

«Несколько домочадцев <...> бросилось было, чтобы схватить Хабара...» («Басурман»). В данном контексте лексема 'было' выступает в роли частицы, при помощи которой возникает значение неполноты действия, неожиданного его прекращения.

«Кушай, любезный, на здоровье» («Последний Новик»). В предложении значение соответствия желаемому выражается при помощи словоформы «повелительное наклонение глагола + на здоровье». В контекстах представлено пожелание делать что-либо в соответствии с чьим-либо желанием.

«*То и дело* начали приезжать в Москву передовые великого князя» («Басурман»). Фразеологизм *то и дело* значение «постоянно, часто». Помимо этого, употребление глагола несовершенного вида подкрепляет значение регулярности.

«*Думаешь, отъехал от них; посмотришь, тут как тут* <...>» («Басурман»). Словосочетание *тут как тут* выражает оценочно-характеризующие значения интенсивности и собственно-оценочные значения

Определенный пласт в исторических романах И. И. Лажечникова занимает оценочная лексика, характеризующая предмет или явление действительности. В текстах встречается бранная лексика: *дурак, харя*. «*Вот покажется ужасная харя с мышинными ушами*» («Басурман»).

Имеются вводные слова, представляющие апелляцию к читателю: «*Впрочем, она пользовалась властью* <...> *для послабления их обязанностей*» («Последний Новик»). И. И. Лажечников использует вводное слово *впрочем*, указывающее на возможность или предположение. Помимо этого, оно помогает писателю расставить нужные акценты и приблизиться к читателю.

В текстах исторических романов представлены риторические вопросы: «*Боже мой! Что за веселье на дворе у кабинет-министра* <...> *Волынского?*» («Ледяной дом»). С их помощью автор привлекает внимание читателя.

Нужно отметить и использование восклицательных предложений, помогающих автору выразить разнообразные эмоции – возмущение, восхищение, удивление и др. – в связи с теми или иными описываемыми событиями. «*Вот причины моего предубеждения к Лифляндии!*» («Последний Новик»).

В текстах исторических романов И. И. Лажечникова используются разнообразные способы передачи субъективного отношения автора к своим героям, а также персонажей к тому, о чём они говорят.

ВЫВОДЫ

Итак, в своей работе мы проанализировали те языковые средства, которые способствуют выявлению особенностей прагматического уровня языковой личности И. И. Лажечникова. Номинация *говорящий* в нашей работе используется буквально,

по отношению к автору-рассказчику – повествователю, оказывающему влияние на развитие сюжета. Это представляется целесообразным, так как в исследуемых текстах И. И. Лажечникова используется «авторское включение», то есть образ автора прямо позиционируется с помощью перволичного местоимения единственного или множественного числа или аналогичных форм. И. И. Лажечников-автор не растворяется в повествовании, он присутствует как конкретное действующее лицо, имеющее собственное мнение о происходящем в романах, собственный характер и собственные привычки. Возникает диалог с читателем, позволяющий создать атмосферу причастности, вовлеченности и сопереживания читателя описываемым событиям и героям. Как ключ к рассмотрению прагматического компонента в структуре языковой личности используется понятие модальность.

Основные признаки прагматикона писателя:

1. Универсальная авторская стратегия по отношению к описываемому.

Во всех романах Лажечников использует универсальную стратегию: автор – полноправный участник событий, описанных в романах. То есть во всех романах есть прямые обращения к читателю.

2. Универсальные языковые тактики в текстах.

1) перволичный дейксис (использование местоимения 1 лица – *я* и *мы* и аналогичных конструкций),

2) диалогичность (автор вступает в диалог с читателем),

3) авторские детальные описания,

4) включение в исторический хронотоп;

5) голос автора в ткани текста (использование разнообразных языковых средств).

Таким образом, писатель предстает не только как автор, написавший романы, но и как конкретный человек со своими вполне определенными прагматическими намерениями, которые можно выявить в контексте.

В качестве перспектив исследования можно рассматривать изучение языковой личности И. И. Лажечников как создателя исторических романов с точки зрения вербально-семантического и когнитивного уровней.

Список литературы

1. Абрамов, Б. А. Текст как закрытая система языковых знаков [Текст] / Б. А. Абрамов // Лингвистика текста: материалы научной конференции. Ч.1. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1974. – С. 3-4.
2. Апресян, Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) [Текст] / Ю. Д. Апресян // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке: Виногр. чтения XIX-XX. – М.: Наука, 1992. – С. 45-64.
3. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Виноградов, В. В.: Исследования по русской грамматике: Избранные труды [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – С. 53-87.
4. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы: избранные труды [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
5. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1981. – 320 с.
6. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 386 с.
7. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Текст] / Ю. Н. Караулов // Язык и личность: сб. статей. – М.: Наука, 1989. – С. 3-11.
8. Караулов, Ю. Н. Опыт типологизации авторских словарей [Текст] / Ю. Н. Караулов // Русская авторская лексикография XIX–XX веков. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 4-16.
9. Лотман, М. Ю. Статьи по семиотике и типологии культуры [Текст] / М. Ю. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – 472 с.

10. Орехова, Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции [Текст] / Е. Н. Орехова. – М.: МГОУ, 2011. – 294 с.
11. Русская грамматика. Том 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 710 с.
12. Рыжкина, О. А. Лексико-семантические и грамматические особенности междометий и их функционирование в речи (на материале анализа пьес А. Н. Островского и А. П. Чехова) [Текст] / О. А. Рыжкина. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2009. – 190 с.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под. ред. В. И. Чернышева. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – Т. 2. – 1393 с.
14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под. ред. В. И. Чернышева. – М.-Л.: АН СССР, 1955. – Т. 4. – 1366 с.
15. Химик, В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке [Текст] / В. В. Химик. – Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1990. – 184 с.
16. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 378 с.

References

1. Abramov B. A. *Tekst kak Zakrytaya Sistema Yazykovykh Znakov. Lingvistika Teksta: Materialy Nauchnoi Konferentsii. Ch.1.* [Text as a closed system of linguistics signs] Moscow: MGPIYa im. M. Toreza Publ., 1974. Pp. 3-4.
2. Apresyan Yu. D. *Konnotatsii kak Chast Pragmatiki Slova (leksikograficheskii aspekt). Russkii Yazyk: Problemy Grammaticheskoi Semantiki i Otsenochnye Faktory v Yazyke.* [Connotations as Part of the Word's Pragmatics (Lexicographical Aspect). *Russkii Yazyk: Problems of Grammatical Semantics and Evaluation Factors in the Language*]. Moscow: Nauka Publ., 1992. Pp. 45-64.
3. Vinogradov V. V. *O Kategorii Modalnosti i Modalnykh Slovakh v Russkom yazyke. Issledovaniya po Russkoi Grammatike: Izbrannye trudy.* [About the Category of Modality and Modal Words in Russian. Research on Russian Grammar. Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1975. Pp. 53-87.

4. Vinogradov V. V. *O Yazyke Khudozhestvennoi Prozy: Izbrannye trudy*. [About the Language of Fiction. Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 360 p.
5. Vinogradov V. V. *Problemy Russkoi Stilistiki*. [Problems of Russian Stylistics]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1981. 320 p.
6. Galperin I. R. *Tekst kak Obyekt Lingvisticheskogo Issledovaniya*. [Text as the Object of Linguistics Research]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 386 p.
7. Karaulov Yu. N. *Russkaya Yazykovaya Lichnost i Zadachi yeyo Izucheniya. Yazyk i Lichnost: Sbornik Statei*. [Russian Language Personality and the Tasks of Studying it]. *Yazyk i Lichnost*. Collected works. Moscow: Nauka Publ., 1989. P.3-11.
8. Karaulov Yu. N. *Opyt Tipologizatsii Avtorskikh Slovari. Russkaya Avtorskaya Leksikografiya 19–20 vekov*. [Experience in the Typology of Author Dictionaries. Russian Author Lexicography of the 19-20th Centuries]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. Pp. 4-16.
9. Lotman M. Yu. *Statyi po Semiotike i Tipologii Kultury*. [Articles on Semiotics and the Typology of Culture]. Tallin: Aleksandra Publ., 1992. 472 p.
10. Orekhova E. N. *Subyektivnaya Modalnost Vyskazyvaniya: Forma, Semantika, Funktsii*. [Subjective Modality of the Utterance: Form, Semantics, Functions]. Moscow: MGOU Publ., 2011. 294 p.
11. *Russkaya Grammatika. Tom 2. Sintaksis*. [Russian Grammar. Volume 2. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 710 p.
12. Ryzhkina O. A. *Leksiko-Semanticheskie i Grammaticheskie Osobennosti Mezhdometii i ikh Funktsionirovanie v Rechi (na Materiale Analiza pes A. N. Ostrovskogo i A. P. Chekhova)*. [Lexico-Semantic and Grammatical Features of Interjections and their Functioning in Speech (on the Material of the Analysis of Plays by A. N. Ostrovsky and A. P. Chekhov)]. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina Publ., 2009. 190 p.
13. *Slovar Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka: v 17 t. V. I. Chernyshev*. [Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 17 v]. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1951. V. 2. 1393 p.

14. *Slovar Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka: v 17 t.* V. I. Chernyshev. [Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 17 v]. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1951. V. 4. 1366 p.
15. Khimik V. V. *Kategoriya Subektivnosti i ee Vyrazhenie v Russkom Yazyke.* [The Category of Subjectivity and its Expression in Russian]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 1990. 184 p.
16. Shvedova N. Yu. *Ocherki po Sintaksisu Russkoi Razgovornoj Rechi.* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, 1960. 378 p.

**THE REPRESENTATION PECULIARITIES OF THE LINGUISTIC
IDENTITY'S PRAGMATIC COMPONENT OF I.I. LAZHECHNIKOV IN THE
TEXTS OF HISTORICAL NOVELS**

Chumak-Zhun I.I., Proskurina L.V.

Summary. The article deals with the role of the pragmatic component in the study of the linguistic personality of I.I. Lazhechnikov (by the material of the novels «The Last Novik», «Ice house» and «Basurman»). It is reasonable to correlate a pragmatic element with modality, as the basis of our understanding of pragmatics, and modality are perceptions about the attitude of the speaker to express. It is the modality that gives the key to the consideration of the pragmatic component in the structure of the linguistic personality. The material of the study was the sentences containing a subjective modality. The basic communicative strategy of I.I. Lazhechnikov is defined: the author is a full participant of the events described in the novels. It is called specific tactics: previous deixis; dialoguing; author's detailed descriptions; the inclusion of historical chronotop; the author's voice in the text. Thus, the purpose of the article is to identify formal correlates of pragmatic level in the structure of I.I. Lazhechnikov's linguistic personality.

Key words: pragmatics, linguo-pragmatics, modality, speech act, linguistic personality, the historical novel.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81'37:82-311.6

ВЕКТОРЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА «ЧУДО» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XV–XVII ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ)

Валеева Л. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: lv_valeeva@mail.ru

В статье систематизирована и описана семантика одного из важнейших концептов картины мира русского человека XV–XVII вв. Концепт «чудо» формируется на основе сакрального мировосприятия и имеет векторы семантического развития, связанные с заступничеством, спасением, предвидением, доказательством Благоволения, праведности и законности действий русских воинов. Особое место в становлении концепта занимают протосемантика лексемы, восходящая к сенсорно-перцептивному восприятию с помощью слуха и последующей синтезис со зрительными ощущениями, формирование эмоционально-оценочной сферы концепта и ее интерпретационных возможностей. Семантика концепта включает знаки и знамения, отсылающие к древнему языческому миропониманию, при этом отмечается замена слова *чудо* на близкие по значению. Устанавливаются новые семантические связи с важными для русского человека качествами, такими как храбрость. Семантическое развитие объясняется культурными и политическими особенностями XV–XVII веков, представленными в древнейшем и самом распространенном жанре русской средневековой литературы – воинской повести. В исследовании представлены результаты анализа языка «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» Нестора-Искандера (XV в.), «Казанской истории» (XVI в.), «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» (XVI в.), «Сказания Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря» (начало XVII в.).
Ключевые слова: чудо, концепт, семантика, русская языковая картина мира, воинская повесть, XV–XVII вв.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы Современная лингвистика интеграционного типа ориентирована на динамические процессы и учитывает историческую преемственность ключевых понятий национальных культур. В этом ряду особую роль играют концепты, соединяющие области сакрального и обыденного и обладающие экзистенциальной значимостью для формирования национальной картины мира. Несмотря на активную разработку концептологической проблематики, вопрос о постоянстве и изменчивости семантических составляющих

ключевых концептов культуры в условиях поступательного развития языкового общества, изучен недостаточно.

Объектом исследования является концепт «чудо» в русской языковой картине мира XV-XVII вв. Это период, когда Московское государство становится единым централизованным государством, на его территории создаются благоприятные условия для развития христианства, и церковь начинает пользоваться полной поддержкой светской власти.

Материалом исследования послужили воинские повести, так как именно этот жанр отражает столкновение обыденности и духовной жизни, земного с небесным.

Анализ литературы Законы кодирования и трансформации концептуального смысла действуют на всех этапах становления концепта и согласуются с вещами, событиями, явлениями, окружающими человека в повседневной жизни конкретной культурной эпохи. С. Г. Воркачев отмечает, что безличное и объективистское в концепте авторизуется относительно этносемантической личности, под которой понимается базовый национально-культурный прототип носителя этого языка [4]. Заслуживает внимание характеристика, данная концепту Д. С. Лихачевым. Ученый утверждает, что концепт является результатом столкновения усвоенного значения с личным и народным опытом говорящего. И так как охватить значение во всей его сложности человек не успевает или не может, то по-своему интерпретирует его. Таким образом преодолевается несущественное, служащее помехой при общении и раскрываются потенции концепта [10].

Анализ значительного корпуса представлений и иллюстраций концепта (исследования Н. Д. Арутюновой, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, Р. И. Павилениса, Е. В. Рахилиной, Г. Г. Слышкина, Ю. С. Степанова, Г. В. Токарева и др.), показал, что концепт выполняет задачу хранителя и выразителя культурной памяти в языке и в то же время создает эффект «симультанного контраста», то есть порождает дополнительные знания и впечатления [3].

Тезис о преемственности элементов в семантической структуре концепта наряду с их ростом и дифференциацией качественных преобразований развивают

отечественные ученые, представляя алгоритмы изучения культурных доминант. Ю. С. Степанов говорит о «слоистом» строении концепта. Концепт складывается из слоев различного времени происхождения. Звеньями его эволюции являются стадии концепта, или форма и содержание концепта в разные эпохи. Чтобы понять сущность концепта, надо вскрыть особые отношения преемственности, благодаря которым нечто из старой стадии становится знаком в его новой стадии [17]. Диахронный аспект изучения концепта регламентирует исследовательский материал, в результате эмпирической базой для описания семантической эволюции ключевой лексемы, как правило одноименной с концептом, становятся художественные и публицистические тексты рассматриваемого периода.

Жанр воинской повести был известен в XI-XVII веках. Это наиболее распространенная жанровая форма, в которой рассказывается о событиях, важных для исторической судьбы Руси. В исторических повествованиях изображались воинские подвиги, сражения, давалась оценка военных событий, осмысливались истоки беззаветной преданности и беспримерной храбрости русского человека. Исследователи древнерусской литературы утверждают, что, хотя жанр воинской повести традиционно относится к светской литературе, его отличает богатство религиозной тематики. А. В. Петкевич пишет, что богатство тематики воинской повести обусловлено соединением в ней двух стихий: нового христианского мировоззрения и наследия языческого прошлого. Они не враждуют, но рождают развивающееся понимание воинского подвига, совмещающего в себе житийную и героическую традиции. «Воин наделяется одновременно святостью и мужественной доблестью. \diamond Стяжение славы соединяется со стремлением к святости» [16]. Н. В. Трофимова в логико-хронологическую структуру летописного воинского повествования включает молитвы, видения, чудеса. Так, молитва князя перед боем, как и знамение, предвещающее победу, в произведениях позднего средневековья становятся характерной частью жанра воинской повести [18]. А. И. Кузьмин обращает внимание на то, что в воинских повестях «описание битвы и ее исход чаще всего представлялись с вмешательством бога» [8, с.16]. Включение Божественной силы объясняется особенностями средневекового мышления. Во-первых, с приходом

христианства устанавливаются каноны подвижничества. Доказательство храбрости воина уступает место иному побуждению к подвигу: смерти за веру, самопожертвованию. Во-вторых, непоколебимая вера в победу сохранялась, даже если военачальника и войско преследовали неудачи и поражения, так как отступление или плен трактовались как Божье наказание за грехи.

Одним из ключевых концептов, вербализующих средневековое мышление, является «чудо». В его семантике сосредотачивается все, представляющее нарушение естественного порядка вещей и способствующее укреплению веры. Чудо не требует каких-либо доказательств, так как оно не может быть, но происходит. Двойственность чуда, его сверхъестественность постепенно закрепляется в языковых формах и создается система специфических средств репрезентации концепта, являющихся системой доказательств для всего парадоксального и необычного. Анализ современной лингвистической литературы показал, что исследования концепта «чудо» связаны с реализацией концепта в паремийном фонде русского и смежных языков [1], с его репрезентацией в русской народной волшебной сказке [7].

Цель статьи – выявить особенности семантики концепта «чудо» в языковой картине мира русского человека позднего средневековья на материале текстов воинских повестей XV-XVII вв. В ходе исследования необходимо систематизировать существующие гипотезы о происхождении ключевой лексики, исследовать протосемантику слова и палитру его значений; изучить контекстуальные значения лексики в текстах воинских повестей XV-XVII вв. и представить семантические доминанты концепта «чудо» этого периода; выявить преемственность семантических компонентов в структуре концепта, учитывая лексикографические данные русского языка.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В отечественной компаративистике можно обозначить основные направления в решении вопроса о прототипической семантике рассматриваемого концепта.

Первое направление (Э. Бенвенист, Ю. С. Степанов, М. Фасмер, П. Я. Черных) сближает слово *чудо* с трехфазовой моделью, состоящей из компонентов *слышать* – *славить* – *слыть*. Семантическое единство устанавливается этимологической общностью старославянского слова *чудо* и его греческого аналога в значении «воинская слава, триумф». Э. Бенвенист в резюме к статье о магической власти пишет, что греческое *kûdos* считают синонимом *kleos* («слава»). Оно обозначает «неотразимую магическую власть, удел богов, которые иногда уступают ее какому-либо герою по своему выбору и тем делают бесспорным его триумф» [2, с. 277]. Это слово применительно к простым смертным толкуется, как взять у богов *kûdos*, а затем с помощью этого талисмана покрыть себя славой. Единство формы греческого слова и реконструированной праформы **kudo* – *čudo* указывает на общее для двух слов значение «сверхъестественная сила». Ю. С. Степанов объединяет семантические поля концептов «слух», «слава», «слово», «чудо», «голос», «весть» (*знание*) с их специфическими коннотациями общностью реконструированной праформы [18]. Для сравнения исследователь приводит варианты праформы слова *чудо* **kudo* (**keu+do*) и праформу слова *ведать* (*весть*); ст.-сл. *вѣдѣти* – **ueid*.

Второе направление (Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; А. К. Шапошников) обращается к деривационным процессам. *Чудо* считается суффиксальным образованием от *чутти* (внимать, слышать, ощущать), включающим морфему *-д-*, по реконструированному глаголу ** keu-i* «замечать, внимать, остерегаться» [20, с. 531].

Третье направление (Г. П. Цаганенко) исходит из семантики и.-е. **keudos* / *koudos* «диво» и последующего формального параллелизма с *чудо* и *кудесник*. Позднейшие образования сохраняют семантику удивления, как, например, глагол *чудить* или прилагательное *чудный* «странный, вызывающий недоумение» [19, с.487–488]. Прилагательное *чудесный* «дивный, прекрасный», представляющее мелиоративную лексическую группу, свидетельствует о трансформации значения

В результате анализа реконструированных форм можно сделать вывод, что прототипическое значение концепта «чудо» опирается на сенсорно-перцептивный процесс, в основе которого восприятие с помощью органов слуха (генетическое

родство с языковыми знаками *слышать, слово, слыть, внимать, чути*). Декодирование онтологической сущности ключевой единицы концепта позволило обосновать его дальнейшее семантическое развитие. Оценка зрительно не подтвержденной ситуации, явления, предмета превращает субъект речи в источник и интерпретатор информации. Формируется эмоционально-оценочная сфера новых значений концепта: от неумения объяснить до несоответствия ожидаемому (такие значения использует В. И. Даль [5, с.1370]). Сема «необычность» интенсифицируется до «сверхъестественное», «сказочное», и слово *чудо* закрепляется в языке как полисемантическая единица. В. И. Карасик выделяет содержательный минимум концепта «чудо» как «нечто необычное, небывалое, сверхъестественное, вызывающее удивление и восхищение» [6, с.204]. Ученый считает, что конкретизация этого концепта в языке осуществляется в двух направлениях: 1) неконтролируемость и необъяснимость чуда, 2) эмоциональное отношение к чудесному явлению – от ужаса до восторга. В. И. Карасик говорит, что фрейм чудесного явления строится как образ ситуации, в центре которой находится очевидец, переживающий реальность необъяснимого явления.

Таким образом, эволюция концепта сопровождается существенными изменениями его внутренней формы. Семантической основой концепта становится синтезия зрительных и слуховых ощущений, что отражается на синтагматических свойствах слова: *видеть чудо - видение*. При этом принцип объективированности факта подменяется констатацией социально-психологической ситуации.

Последующее развитие концепта соответствует типу и качеству мировоззренческих установок носителя языка конкретной эпохи. «Чудо» признается богословским понятием и объясняется непосредственным вмешательством силы Божества. Сакрализация концепта «чудо» проявляется на собственно языковом уровне, например, исчезает антонимический ряд ключевой лексемы. В словарях антонимов М. Р. Львова нет словарной статьи на слово *чудо* [11].

В текстах Киевской и Московской Руси отмечается психологическая зависимость русского человека от вмешательства чудесной силы. Д. С. Лихачев наблюдает обязательное присутствие чудесного элемента и в агиографической

литературе, и в литературе о купцах. «В агиографической литературе чудо – вмешательство Бога, восстанавливающего справедливость, спасающего праведника, наказывающего провинившегося. В литературе о купцах чудесный элемент часто – чародейство. Это чародейство иногда не может осуществиться, а иногда сводится на нет усилиями героя или вмешательством божественной силы. Чудесный элемент – это и вмешательство дьявола, злой силы, тогда как в житиях ему противопоставит вмешательство Бога» [9, с. 425].

Воинские повести характеризуются синкретичным способом обобщения материала повествования: реально-историческая канва событий включает элементы легендарного и идеализирующего. В XV –XVII вв. сюжет усложняется цепочечной композицией, звенья которой становятся самостоятельными микросюжетами, и глубокой и разносторонней разработкой образов персонажей, что «привносит в воинскую повесть новые композиционные элементы и художественные приемы других жанров, способствующие усложнению и обогащению художественной картины мира» [18, с. 113].

В сюжетном построении «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» Нестора-Искандера (XV в.) концепт «чудо» имеет типичные семантические репрезентации. Патриарх и священники, молясь Богу, прося его о спасении, говорят: *Свобода по множеству милости твоеа, и изми нас по чудесам твоим, и даждь славу имени твоему, да посрамяться врази твои...* [12, с.246]. Семантика спасения, избавления, заступничества преобладает в структуре концепта и организует целостность текста русской воинской повести.

В повести важным композиционным элементом является знамение, предсказывающее судьбу: *«...И се нынѣ пакы ино знамение страшно бысть.... И се знаменуеть, яко милость божиа и щедроты его отъидоша от нас, и хоцет бог предати град нашъ врагом нашим». И тако прѣдстави ему онѣх мужей, иже видѣша чудо, и яко услыша цесарь глаголы их, падѣ на землю яко мертвъ и бысть безгласен на много час* [12, с. 244]. Слово чудо используется как полный синоним слову знамение. Данная репрезентация концепта «чудо», как «страшного» знамения, предвещающего гибель города, взятие его иноплеменниками, представляется нам как

нетипичная для периода XV-XVI вв. Реализация очень редкая, но позволяющая судить о статусе концепта, свободно контактирующего с языковыми оценками широкого диапазона.

«Казанская история» или «История о Казанском царстве» – сочинение второй половины XVI века, рассказывающее о взаимоотношениях Московского государства и Казанского царства. Это произведение по праву связывают с «Повестью о взятии Царьграда турками в 1453 году» и определяют как историческое сюжетное повествование с жанровыми элементами летописи, хронографа и воинской повести.

В этом тексте наблюдаются частотные реализации концепта «чудо» с семантикой помощи от врагов, прославления, исцеления, спасения: *и разумѣють все дивная его чудеса и великие милости, еже подают истиннымъ и вѣрнымъ работъ своимъ[13, с.300];* или *Многа тогда быша изцеления от иконы великаго чудотворца Сергия...; и бѣсы изгоняя, и от плѣна из Казани избавляше, и всяк недуг изцелеваше данную ему от бога благодатию.....также и блаженный нашъ Сергий чудотворецъ благими своими знаменми и чудесы украси и прослави новый градъ его...[13, с.392].* Языковые употребления *дивныя чудеса и великие милости; благими своими знаменми и чудесы украси и прослави* характерны для письменных памятников средневековья и иллюстрируют ожидания и надежды, подкрепленные верой в Божью милость и помощь Господа в борьбе Ивана Грозного с иноверцами.

В главе «О поставлении в Казани архиепископа и похвала Христу Богу нашему» прославляются чудеса, сотворенные Богом: *и ни едино же есть слово доволно наше к похвалению чудес твоих!* или *Слава единому Богу нашему, творящему дивная и преславная чудеса, еже видѣста очи наши! ...[13, с.538].* Концепт «чудо» включает все победы и достижения, случившиеся с русскими на татарской земле, и демонстрирует мощь и бесстрашие русских людей: военные удачи, заселение Казани православными, создание храмов, «поставление» архиепископа и, конечно, предсказания победы.

Составитель «Истории» выносит в названия глав произведения основные события, о которых будет идти речь. В 32 главе «О бѣсе, творящемъ мечтание пред человеки, живущими во градѣ» [13, с.400] показателен факт подмены слова чудо на

близкое ему по значению, если речь идет не о Божественном, а о бесовском. Бес творит *мечтание*, когда исцеляет от недуга или топит лодки в реке. Предсказания беса передаются через волхвов и жрецов и изображаются соблазном или даже обманом.

В «Казанской истории» многие события связываются с чудесным. Глава 70 называется «*Чудо святых апостоль и святаго Николы, како явишася на воздухе и благословиша землю ону и град Казань, да вселятся в нем православнии христиане*» [13, с.498] Для средневекового сознания важно знать, что божественные силы поддерживают русских воинов, особенно тогда, когда на твоей земле грозит опасность и войска твоего народа осаждают чужой город.

Одно из чудес представляет собой явление двенадцати апостолов и святого Николая спящему раненому воину для благословения города и сообщения, что на этой земле будут жить православные христиане. Следующая глава имеет такое же характерное название «*Чудо второе святаго Николы*». Это чудо также связано со сном. Третье чудо совершает преподобный отец Сергей. Во всех трех случаях чудо включено в сновидение. Обращает внимание, что *чудеса* не явные, не видимые для группы людей. Указание на *чудо* больше похоже на самовнушение, с помощью которого преодолевается страх и поддерживается вера в собственные силы, в победу; утверждается единая мысль: Бог с нами и скоро мы возьмем Казань. Таким образом, в воинской повести иррациональное тесно переплетается с мирским. Желание сохранить жизнь и победить порождает сновидения, предсказывающие скорую победу. Эти сновидения становятся проводниками *чудесного*, так как предсказателями победы являются великие апостолы, святой Николай, преподобный отец Сергей – важнейшие, ключевые фигуры русского православия. Можно сделать вывод, что концепт «чудо» отражает нормы христианского мировоззрения и представлен компонентом «сон-предсказание», слово *чудо* служит сигналом для прочтения микросюжетной ситуации.

Во второй половине XVI века была создана «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», составленная, как и «Казанская история», очевидцем событий. В языке повести концепт «чудо» служит ориентиром правильного порядка

вещей [14, с.13]. Концепт сохраняет доминантное для христианства значение – сопричастность к Божьему промыслу. В повести сосуществуют два типа языкового оформления общего семантического компонента. В одном случае он формирует семантику сложных образований и выступает в качестве структурного элемента: *чудотворный (и припадает к пречистой богородицы чудотворныя иконы в подножие на мрамор помоста церковного [14, с.404]) , чудотворец (молитвами и молением пречистыя богородица, честнаго и славнаго ея Рожества, и всѣх святых великихъ чудотворцовъ того же дни спасень бысть великий град Псковъ [14, с.450])*. Языковая форма является подтверждением, что всегда рядом есть исполнитель чуда (*чудотворец*) и свидетельство чуда (*чудотворный*). В другом случае в качестве текстового элемента слово *чудо* обозначает сам процесс свершения чуда.

Для русского человека важно знание безграничного могущества Бога и святых. В повести рассказывается о том, что священники молили Бога об избавлении Пскова от литовских нападений, подходили к пролому в стене с крестами, чудотворными иконами и мощами и совершали молебны. А литовские воины метали в них камни. Однажды камень попал в чудотворный образ великомученика Дмитрия Солунского. Жители города стали молить святого, чтобы он избавил город от врагов своей молитвой, как некогда помог Александру Невскому в битве на Чудском озере. «...*Так и ныне, святой Дмитрий, яви милость свою и избавь нас и град наш Псков от враг наших, злогордыя литвы*». *Что же сие чудо, како молчанию предадим? Но и сие милосердие божие требь объявити [14, с.460]*). И чудо на следующий день свершилось: в тот же день оказавшийся в городе литовский воин показал, где литовцы собираются делать подкопы. Этот эпизод был воспринят как чудо, как помощь божественных сил.

В семантическую структуру концепта включены обоснования, нарушающие природные законы. Временная и причинная обусловленность событий вокруг чуда не соответствует реальным свойствам вещей и явлений, у нее обоснование веры, что является неотъемлемой частью мировоззрения человека того времени. Все происходящее согласуется с духовными правилами и законами, неукоснительными для средневекового человека и становящимися его потребностью.

В историческом тексте XV-XVII вв. доминантной семантики концепта является чудо, сотворенное святыми. В «Сказании Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря» (начало XVII в) автор намеренно включает картины «чудес», «явлений», «знамений», которые, по его мнению, являются доказательством особого покровительства небесных сил Троице-Сергиева монастыря и всей Русской земли.

Уже в предисловии автор говорит о том, что все, описанное им, вершилось по божьему промыслу, божьей милостью чудесами святых: *преславно и велику милость показа намъ Богъ нашъ, пресвятая и пребезначалная Троица, – превеликое же и паче всякого слова и смысла бывше заступление матере Слова божия, по обѣщанию своему преподобному игумену Сергию чудотворцу, и неотступное ея пребывание от обители его, и от коликих золь избави нас господь во обстояние многих вой, молитвъ ради великих чудотворцов ... и колико **чудотворений** показа нам Богъ угодники своими* [15, с.162]

Авраамий Палицын, следуя традициям составителей воинских повестей, помощь в борьбе с врагами и заступничество небесных сил называет *чудесами*. Закрепляется новый репрезентант концепта «чудо» – *чудотворение*. Данная лексема передает новый смысловой оттенок концепта – «сотворенное (или творимое) кем-то явление». Творцами чудес являются святые-чудотворцы, осуществляющие связь между Богом и людьми. В тексте формируется смысловая парадигма: чудотворение – заступничество святых отцов – милость Божья. Например: *И бѣ воистинну **чудно** видѣти милость божью троецкому воинству и заступление и помощь на враги молитвъ ради великих **чудотворцовъ** Сергия и Никона. И сотвори господь **преславная** тогда, и нератницы охрабришася, и невѣжди и никогда же обычай ратных видѣвшие, и ти убо исполинскою крѣпостию препоясашася* [15, с.216]. Появляется еще одна лексема, выражающая концепт, – *преславная (преславное)*.

Как видно, под «чудом» понимается не сон, и не знамение, и не срыв неприятельского плана, а отчетливо различимая помощь. «Чудо» связано воедино с такими важными понятиями для воинской повести, как героизм, храбрость, владение ратным делом и т. д. В семантике «чуда» сливаются два ключевых понятия

мировоззрения русского человека – «храбрость» и «вмешательство божественных сил».

В «Сказании Авраамия Палицына» отмечается тенденция к «материализации» чуда. Автор рассказывает, что чудотворцы сами являются: *около града по поясу ходящих дву старцов – брады шды, свѣтозарны образом, яко быти имъ по образу и по подобию великимъ чудотворцом Сергию и Никону* [15, с.198], и тогда в сражении стрелы, возвращающиеся к стреляющим, извещают о большом чуде.

В повести неоднократно используется мотив сна-знамения как чуда, характерный для более ранних текстов. Однако необычным является расширение семантики данных репрезентаций концепта, так как сон видят не те, кто жаждет знамения, а враги, и для них это – угроза, так как сон знаменует поражение и гибель.

Таким образом, в текстах воинских повестей отмечается тенденция к расширению семантической структуры концепта. Кроме таких устойчивых компонентов семантики «чуда», как *божий промысел, помощь, сон, знамение*, в «Сказании» устанавливается активная смысловая форма чуда – явление (святых отцов, чудотворцев).

ВЫВОДЫ

Семантические векторы развития концепта «чудо» в XV-XVII вв. связаны с сакральным. Это объясняется, прежде всего, культурными и политическими особенностями того времени.

Семантической доминантой «чуда» сохраняется значение «сверхъестественное явление», восходящее к протосемантике концепта и связанное с восприятием действительности с помощью органов слуха. Онтологическая сущность слова *чудо* обосновывается генетическим родством с языковыми формами – «слух, слово, слыть, слава». Последующее развитие семантики концепта отражает замену объективной константы на субъективную, формирование эмоционально-оценочной сферы новых значений, включение в структуру концепта смысловых элементов, связанных со зрением, видением.

Воинские повести XV –XVII вв. (на примере «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» Нестора-Искандера (XV в.), «Казанской истории» (XVI в.), «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» (XVI в.), «Сказания Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря» (начало XVII в) характеризуются синкретичным способом рассказа об исторических событиях, при котором в канву реальных событий включаются элементы идеализации, веры, чуда. Концепт «чудо» тесно связан с христианским мировоззрением и проявляется в следующих смысловых группах.

1. Чудо – это то, что сотворил сам Бог. Активизируется также лексема *чудотворение*, в которой индуцирован акт действия – проводник Божьей воли. В это ряд включены словоформы *чудотворец*, *чудотворный*. К этой группе отнесем устойчивое выражение *божий промысел*.

2. Чудо – заступничество, связанное с молитвой, обращением, и помощью святых отцов: преподобного Сергия, Никона, святого Николая, святого Дмитрия Солунского.

3. Чудо – сны, видения, знаки. Ожидание помощи, вера в покровительство высших сил приводит к тому, что любой благоприятный знак воспринимается как доказательство Благоволения, праведности и законности действий русских воинов.

4. Чудо – это зрительно запечатленное, подтвержденное очевидцами явление людям небесных сил: святых отцов и их учеников.

5. Чудо – это знамение, предвещающее беду. В этом значении семантика концепта восходит к древнему языческому миропониманию.

6. Подмена слова *чудо* близким по значению, если речь идет не о Божественном, а о языческом или бесовском

7. Включение в сакральную семантику концепта одной из основных добродетели русского человека – храбрости.

В воинских повестях XV –XVII вв. наблюдается субъектно устоявшаяся синтагматическая вербализация сакрального значения концепта «чудо»: *чудо видят, о чуде молят, чуда ожидают, видят во сне*.

Перспективным представляется исследование концепта в памятниках письменности светской литературы раннего средневековья и в период становления литературного языка русской нации, а также изучение синтагматических связей ключевой единицы и ее референтов как выразителей концепта «чудо» в разные эпохи развития русского языка.

Список литературы

1. Абашева, Е. М. Концептуальные инверсии: концепт «чудо» (на материале русских и ирландских пословиц, поговорок и сказок): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Абашева Евгения Михайловна. – Тюмень, 2008. – 23 с.
2. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист; пер. с фр. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
3. Валеева, Л. В. Концепт и мифема как конструкты языкового пространства культурной памяти / Л. В. Валеева // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2012 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2012» / Под ред. М. Э. Соколова, Г. А. Голубева, В. А. Иванова, В. И. Кузицина, Н. И. Меленко, В. В. Хапаева. – Севастополь: ООО «Экспресс-печать», 2012. – С. 146–148.
4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. № 1. – С. 64–72.
5. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль: под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – Т. 4. – С.-Пб–М.: Изд. т-ва М. О Вольфъ, 1909. – 1619 с.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Карпова, В. В. Изменения в составе языковых средств, репрезентирующих концепт «чудо» в русской народной волшебной сказке / В. В. Карпова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2017. № 2. – С. 77–81.

8. Кузьмин, А. И. Героическая тема в русской литературе / А. И. Кузьмин. – М.: Просвещение, 1974. – 304 с.
9. Лихачев, Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы / Д. С. Лихачев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 566 с.
10. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
11. Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка: более 2000 антоним. пар / М. Р. Львов; под ред. Л. А. Новикова. – М.: Рус. яз., 1984. – 384 с.
12. Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. А. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1982. – 688 с.
13. Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI веков / Вступ. статья Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. А. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1985. – 638 с.
14. Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. А. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1986. – 640 с.
15. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI века – начало XVII веков / Вступ. статья Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. А. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1987. – 616 с.
16. Петкевич, А. В. Роль отечественного перевода «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия в развитии жанра воинской повести древнерусской литературы. Аспект жертвенности / А. В. Петкевич [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drevn2005.narod.ru/petkevich.htm>
17. Степанов, Ю. С. Концепт / Ю. С. Степанов // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 40–76.
18. Трофимова, Н. В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI–XVII вв.: Курс лекций; Развитие исторических жанров: Материалы к спецсеминару / Н. В. Трофимова. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 208 с.

19. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад.шк., 1989. – 511 с.
20. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников: в 2 т. – Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 576 с.

References

1. Abasheva E. M. *Kontseptual'nye Inversii: Kontsept «Chudo» (na Materiale Russkikh i Irlandskikh Poslovits, Pogovorok i Skazok)* [Conceptual Inversions: the Concept of "Miracle" (Based on Russian and Irish Proverbs, Sayings and Fairy Tales)]: PhD Thesis Abstract. – Tyumen', 2008. 23 p.
2. Benveniste E. *Le Vocabulaire des Institutions Indo-européennes*. Translated from French. Moscow, Progress-Univers, 1995. 456 p.
3. Valeeva L. V. *Kontsept i Mifema kak Konstrukty Yazykovogo Prostranstva Kul'turnoi Pamyati* [Concept and Mytheme as Constructs of the Linguistic Space of Cultural Memory]. Materials of Scientific Conference *Lomonosov's Readings* of 2012 and International Scientific Conference of Students, Post Graduate Students and Young Scientists *Lomonosov 2012*. Edited by M. E. Sokolova, G. A. Golubeva, V. A. Ivanova, V. I. Kuzishchina, N. I. Melenko, V. V. Khapaeva. Sevastopol', Ekspress-Pechat' Ltd Publ., 2012. pp. 146–148.
4. Vorkachev S. G. *Lingvokul'turologiya, Yazykovaya Lichnost', Kontsept: Stanovlenie Antropotsentricheskoi Paradigmy v Yazykoznanii* [Linguoculturology, the Linguistic Personality, the Concept: the Formation of the Anthropocentric Paradigm in Linguistics]. *Filologicheskie Nauki [Philological Sciences]*. 2001. № 1. pp. 64–72.
5. Dahl' V. I. *Tolkovyi Slovar' Zhivago Velikorusskago Yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: Edited by I. A. Baudouin de Courtenay. V. 4. Saint-Petersburg–Moscow, Publishing House of M.O. Vol'f's Partnership, 1909. 1619 p.
6. Karasik V. I. *Yazykovoii Krug: Lichnost', Kontsepty, Diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena Publ, 2002. 477 p.

7. Karpova V. V. *Izmeneniya v Sostave Yazykovykh Sredstv, Rerezentiruyushchikh Kontsept «Chudo» v Russkoi Narodnoi Volshebnoi Skazke* [Changes in the Composition of Language Tools Representing the Concept of "Miracle" in the Russian Folk Fairy Tale]. *Vestnik Vologodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye, Obshchestvennye, Pedagogicheskie Nauki* [Vologda State University Messenger. Series: Humanitarian, Social, Pedagogical Sciences]. 2017. № 2. pp. 77–81.
8. Kuz'min A. I. *Geroicheskaya Tema v Russkoi Literature* [Heroic Theme in Russian Literature]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 304 p.
9. Likhachev D. S. *Istoricheskaya Poetika Russkoi Literatury. Smekh kak Mirovozzrenie i Drugie Raboty* [Historical Poetics of Russian Literature. Laughter as a World Outlook and Other Works]. Saint-Petersburg, Aleteiya Publ., 2001. 566 p.
10. Likhachev D. S. *Kontseptosfera Russkogo Yazyka* [The Concept Sphere of the Russian language]. *The News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*. Moscow, 1993. V. 52. № 1. pp. 3–9.
11. L'vov M. R. *Slovar' Antonimov Russkogo Yazyka: Bolee 2000 Antonimicheskikh Par* [Dictionary of Russian Antonyms: More than 2000 Antonymic Pairs]. Ed. by L. A. Novikov. Moscow, Russky Yazyk Publ., 1984. 384 p.
12. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: Vtoraya polovina XV veka* [Literary Monuments of Old Russia: The Second Half of the 15th Century]. Edited by L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982. 688 p.
13. *Pamyatniki Literatury Drevnei Rusi: Seredina XVI Veka* [Literary monuments of Old Russia: The Middle of the 16th Century]. Ed. by L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1985. 638 p.
14. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: Vtoraya Polovina XVI Veka* [Literary monuments of Old Russia: The Second Half of the 16th Century]. Ed. by L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 640 p.
15. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI Veka – nachalo XVII Vekov* [Literary monuments of Old Russia: Late 16th – Early 17th Centuries]. Ed. by L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 616 p.

16. Petkevich A. V. *Rol' Otechestvennogo Perevoda «Istorii Iudeiskoi Voiny» Iosifa Flaviya v Razvitii Zhanra Voinskoi Povesti Drevnerusskoi Literatury. Aspekt Zhertvennosti* [The role of the Native Translation of the *History of the Jewish War* by Joseph Flavius in the Development of the genre of the Military Story of Old Russian Literature. Aspect of Sacrifice]. Available at: <http://drevn2005.narod.ru/petkevich.htm>
17. Stepanov Yu. S. *Kontsept // Konstanty: Slovar' Russkoi Kul'tury. Opyt Issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1997. pp. 40–76.
18. Trofimova N. V. *Drevnerusskaya Literatura. Voinskaya Povest' XI-XVII vv.: Kurs Lektsii; Razvitie Istoricheskikh Zhanrov: Materialy k Spetsseminaru* [Old Russian literature. Military story of the 11-17th centuries. Course of Lectures; Development of Historical Genres: Materials for Special Seminar]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2000. 208 p.
19. Tsyganenko G. P. *Etimologicheskii Slovar' Russkogo Yazyka: Bolee 5000 Slova* [Russian Etymological Dictionary: More than 5000 Words]. 2nd Edition. Kiev: Radyanska shkola Publ, 1989. 511 p.
20. *Etimologicheskii Slovar' Sovremennogo Russkogo Yazyka* [Etymological Dictionary of Contemporary Russian Language]. Compiled by A. K. Shaposhnikov. In 2 Volumes. Vol. 2. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 576 p.

**VECTORS OF SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE MIRACLE CONCEPT IN
THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 15TH-17TH CENTURIES (ON THE
MATERIAL OF THE MILITARY STORY GENRE)**

Valeeva L. V.

The article systematizes and describes the semantics of one of the most important Russian man view of the world concepts in the 15th-17th centuries. The concept of miracle is formed on the basis of the sacred world view and has vectors of semantic development associated with intercession, salvation, foresight, proof of Goodwill, righteousness and the legitimacy of the actions of Russian soldiers. The proto-semantics of the lexeme plays a special role in the formation of the concept, it goes back to sensory perception with the help of hearing and subsequent synthesis with visual sensations, the formation of the emotional-evaluative sphere of the concept and its interpretative possibilities. The semantics of the concept includes signs referring to the ancient pagan world outlook, while the replacement of the word *miracle* by a close in meaning one is noted. New semantic links are established with important qualities for the Russian people, such as valiancy. Semantic development is due to cultural and political features of the 15th-17thcenturies, represented in the oldest and most common genre of Russian medieval literature – the military story. The research presents the results of the analysis of language of *The Story of the Capture of Constantinople by the Turks in 1453*, *Nestor-Iskander (15thc.)*, *History of Kazan (16th c.)*, *The Story about the Coming of Stefan Batory to the City of Pskov (16th c.)*, *The Tale of Avraamiy Palitsyn about the Siege of the Trinity-Sergius Monastery (Early 17th c.)*.

Key words: miracle, concept, semantic, Russian language picture of the world, the military story, 15th –17th centuries.

УДК 81'23

ЭКОЛИНГВИСТИЧНОСТЬ ТЕКСТОВ МАССОВЫХ ПЕСЕН: ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Крашенинникова И. В.

Частное учреждение – организация дополнительного образования «Корпоративный университет
Группы компаний Волга-Днепр», Ульяновск.
E-mail: irino4ka90@list.ru

Пузырев А. В.

Государственный гуманитарно-технологический университет,
Орехово-Зуево.
E-mail: puzurev-a-v@yandex.ru

В статье обобщаются результаты проведённых исследований. Одно из них было посвящено изучению и сравнению знаменательных слов экологических (конструктивных) песен военных лет и современного времени, а также неэкологических (деструктивных) песен. При этом был использован метод расстояний, или количественно-качественный метод, разработанный В. Д. Бондалетовым. Благодаря этому методу появляется возможность выделить наиболее частые и редкие слова и установить степень сходства и различий сопоставляемых речевых отрезков. В другом исследовании рассматривался вопрос о фоносемантических признаках «хороший – плохой» в текстах противоположной направленности. В качестве объекта исследования выбраны 22 песни на русском языке: сопоставлены экологичные и, соответственно, неэкологичные песни. Предметом исследования стали фоносемантические признаки «хороший – плохой» во всех проанализированных текстах. При изучении и сравнении фоносемантического значения песенных текстов использовалась методика, изложенная А. П. Журавлевым в монографиях «Фонетическое значение» (1974) и «Звук и смысл» (1991). Анализ показал, что связь конструктивной направленности текста с фоносемантическим признаком «нечто хорошее» далеко не однозначна. В ряде случаев неэкологичные песенные тексты в фоносемантическом отношении выглядят «лучше», чем экологичные. Положительное фоносемантическое значение большинства современных неэкологичных песен можно рассматривать в качестве мощного способа смысловой защиты.

Ключевые слова: метод расстояний, фоносемантика, фоносемантическое значение, признак «хороший – плохой», лингвоэкология, массовая песня.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования – установить сходства и различия массовых песен военных лет и новейшего времени, разграничивая в современных песнях тексты экологичной и неэкологичной направленности.

Задачи исследования:

- 1) определить исходные используемые понятия;
- 2) провести лексический анализ текстов массовых песен;
- 3) провести фоносемантический анализ текстов массовых песен.

АКТУАЛЬНОСТЬ И НОВИЗНА ТЕМЫ

В лингвоэкологии часто предлагается разграничение экологичных и неэкологичных текстов. В каком-то смысле это сердцевинный вопрос всей лингвоэкологии. Если Е. Н. Сердобинцева определяет лингвоэкологию как «науку о взаимосвязях языка и мышления человека в разных ситуациях всех сфер его деятельности, о взаимосвязях языка с объективной действительностью, о способности языка влиять на реальные жизненные события» [13, с. 5], то А. П. Сковородников даёт лингвоэкологии более узкое определение, напрямую связывая это направление лингвистических исследований с проблематикой языковой и речевой деградации и реабилитации.

По мысли А. П. Сковородникова, основным динамическим противоречием лингвоэкологии является оппозиция языковой и речевой деградации и реабилитации. Развивая эту мысль, мы можем сказать, что тексты, способствующие языковому развитию, следует определить как экологичные, а тексты, способствующие языковой деградации, – как неэкологичные.

Хотя сопоставление экологичности и неэкологичности текстов соответствует центральной проблематике лингвоэкологии, лексические и фоносемантические аспекты еще не подвергались самостоятельному лингвистическому исследованию. Тем более, не рассматривались лексические и фоносемантические аспекты текстов массовых песен – чрезвычайно популярного речевого жанра современной массовой культуры. Поскольку настоящее исследование посвящено центральной проблематике лингвоэкологии, причём недостаточно изученной её области, есть все основания говорить об актуальности и новизне обозначенной в названии статьи проблемы.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая значимость статьи заключается во введении в научный обиход лингвоэкологии метода расстояний, предложенного В. Д. Бондалетовым, позволяющего выявить наиболее частые и редкие слова, а также определить – в процентном отношении – степень сходства и различия знаменательных слов в сопоставляемых речевых отрезках. Значимость статьи проявляется также во включении в область исследовательского внимания фоносемантических аспектов поэтических текстов, относительно нечасто привлекающихся к разбору в стилистических и лингво-поэтических исследованиях.

Практическая значимость статьи: в ней предлагаются практические методики по разграничению лингвоэкологических и неэкологических текстов. Наиболее значимым следует признать метод учета 7-уровневой пирамиды установок, предложенной вторым из авторов настоящей статьи.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСХОДНЫХ ПОНЯТИЙ

Лингвоэкологию многие лингвисты квалифицируют как дисциплину, в которую, помимо собственно вопросов культуры речи, также вовлекаются вопросы воспитания, морального развития, культурного совершенствования носителей языка.

В предлагаемой статье проблематика основного движущего противоречия лингвоэкологии развивается на материале популярных массовых песен. Выбор массовых песенных текстов в качестве объекта изучения связан с тем, что именно словесно-музыкальные тексты сопровождают человека в современном мире повсюду, а также проникают во все сферы его деятельности.

Под *массовой песней*, в соответствии с «Музыкальной энциклопедией», понимается сольная или хоровая песня, созданная профессиональным композитором (или любителем) и рассчитанная на массовое распространение как в общественной жизни, так и домашнем быту. Общеизвестность содержания массовой песни в сочетании с простотой формы, поэтического и музыкального языка, использование

певческих голосов в наиболее употребительных регистрах обуславливают ее максимальную доступность для всеобщего исполнения и восприятия [9, с. 238].

В психологическом плане проблематике языкового развития и языковой деградации в исследуемом материале соответствует оппозиция конструктивной и деструктивной направленности песен.

Конструктивная направленность текста – это, прежде всего, ее соответствие понятиям «биофилия» и «жизнелюбие» (данные понятия трактуются как абсолютные синонимы). Базовая оппозиция конструктивности/деструктивности восходит, как уже было показано [10, с. 85], к фундаментальным оппозициям *либидо* и *Танатос* [15], *биофилия* и *некрофилия*, *жизнелюбие* и *деструктивность* [16]. В психологическом плане общая постановка вопроса «восходит к важнейшей прагматичной цели интегративной психологии – изменить структуры и формы сознания человека, обретающего в результате способность мыслить, рефлексировать, действовать адекватно в соответствующей социокультурной среде» [4, с. 76].

Деструктивная направленность текста связана с понятием «некрофилия». Э. Фромм определил понятие некрофилии как стремление к смерти, разложению и уничтожению [16].

В этом смысле песенные тексты конструктивной направленности в наибольшей степени отвечают требованиям лингвоэкологии и, следовательно, являются *экологичными*. В то же самое время песенные тексты деструктивной направленности, в лингвоэкологическом аспекте, оказываются *неэкологичными* текстами.

Полезной представляется семиуровневая пирамида установок, предложенная в исследовании А. В. Пузырева [11, с. 54–62]. Предлагается выделять семь уровней установок и потребностей личности (перечислим их снизу доверху): установки физического, личностного, межличностного, этнического, социального, принципиального и интегративного характера. На каждом из указанных уровней установок могут наблюдаться как конструктивный, так и деструктивный тренды [11, с. 54–62].

Экологичность песенного текста проявляется в доминировании установок верхнего порядка (интегративные, социальные, принципиальные и этнические

установки). Неэкологичность текста в песне проявляется в доминировании установок нижнего порядка (физических, личностных и межличностных установок).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛИНГВИСТИЧНОСТИ ТЕКСТОВ МАССОВЫХ ПЕСЕН

Нами было проведено исследование лексического состава русскоязычных песен. Для анализа было отобрано 10 песен Второй мировой войны (№№ 1-10), 10 современных экологических (№№ 11-20) и 10 современных неэкологических массовых песен (№№ 23-32).

Среди современных песен количество экологических (конструктивной направленности) текстов весьма невелико, и найти десять таких песен оказалось достаточно трудно (для обнаружения подобных песен потребовался временной промежуток в тридцать лет).

При изучении и сравнении знаменательных слов экологических песен военных лет и современного времени, а также неэкологических песен был использован метод расстояний, или количественно-качественный метод, разработанный В. Д. Бондалетовым [1, с. 77].

Было проведено 3 этапа сравнения лексического состава: а) в песнях военных лет и современных экологических песнях, б) в песнях военных лет и в современных неэкологических песнях; в) в экологических и неэкологических песнях. Описание алгоритма вычислений и итоговые таблицы с подсчетами отображены в статье «Речевая эволюция конструктивности и деструктивности в массовых песнях» [6, с. 127–133].

Метод расстояний позволил на первом этапе сравнения лексического состава выявить минимальные расхождения в наборе «сквозных» знаменательных слов. Это говорит об общей конструктивной устремленности проанализированных песен и, одновременно с этим, является лишним подтверждением того, что современные экологические песенные тексты выделялись нами на объективных основаниях.

На втором этапе сравнений лексического состава – в песнях военных лет и современных неэкологических песнях – различий при сравнении знаменательных слов

(их набора и употреблений) наблюдается значительно больше, в том числе в употреблении сквозных слов.

На третьем этапе сравнений лексического состава – в современных песнях экологичного и неэкологичного характера – различий оказалось еще больше. Наиболее значительные различия наблюдаются в уникальности словаря. К примеру, в современных неэкологичных песнях встречается частое использование ненормативной лексики: *сука, сволочь* и т.д., совершенно отсутствующей в экологичных песнях.

Сравнение песен военных лет, современных экологичных и неэкологичных композиций позволило сделать вывод, что в лексическом значении из всех представленных категорий наиболее похожими между собой являются песни военных лет и современные экологичные песни. Такое сходство говорит об их общей созидательной устремленности.

Максимальные различия – при использовании «метода расстояния» – выявляются между военными и современными неэкологичными массовыми песенными текстами, что вполне объяснимо не только временем создания, но главным образом их противоположной идейной направленностью.

Итоговые результаты исследования отражены в следующих таблицах:

Табл. 1 Сходство и различия военных и современных экологичных песен

Спектр знаменательных слов в экологичных песнях:	Военные	Совр. экологичн.
1. Различия:		
по уникальности лексического состава		
а) в военных песнях	52,05	-
б) в современных экологичных песнях	-	53,66
в) расхождение в употребительности «сквозных» знаменательных слов	19,86	18,25
Всего	71,91	71,91
2. Сходство	28,09%	28,09%
Итого	100%	100%

Табл. 2. Сходство и различия военных и современных неэкологических песен

Спектр знаменательных слов в песнях	Военные	Совр. неэкологичн.
1. Различия:		
по уникальности лексического состава		
а) в военных песнях	71,86	-
б) в современных неэкологических песнях	-	56,89
в) расхождение в употребительности «сквозных» знаменательных слов	7,66	22,63
Всего	79,52	79,52
2. Сходство	20,48%	20,48%
Итого	100%	100%

Табл. 3. Сходство и различия современных экологических и неэкологических песен

Спектр знаменательных слов	Экологичные	Неэкологичные
1. Различия:		
по уникальности лексического состава		
а) в экологических песнях	59,46	-
б) в неэкологических песнях	-	53,16
в) расхождение в употребительности «сквозных» знаменательных слов	13,12	19,42
Всего	72,58	72,58
2. Сходство	27,42%	27,42%
Итого	100%	100%

В первой таблице отражены сходства и различия военных и современных экологических песен. Уникальность лексического состава двух песенных категорий почти одинаковая и является наиболее высокой при сравнении текстов данных песен (об этом свидетельствуют числовые показатели 52,05 и 53,66). В расхождении употребительности «сквозных» знаменательных слов также наблюдается минимальное различие (числовые показатели – 19,86 и 18,25).

Во второй таблице отражены сходства и различия военных и современных неэкологических песен. Согласно полученным данным, уникальность лексического состава высока в песнях военного времени (числовые показатели – 71,86 и 56,89).

Кроме того, наблюдается заметная разница в расхождении употребительности «сквозных» знаменательных слов (числовые показатели – 7,66 и 22,63).

В третьей таблице – сходства и различия современных экологических и неэкологических песен. Числовые данные указывают на тот факт, что сходство между сопоставляемыми песнями оказывается меньше, чем в первой паре сравнения. Однако оно больше, чем во второй паре сравниваемых песенных текстов.

Иными словами, наибольшие различия наблюдаются у военных и современных неэкологических песен, наименьшие – между военными и современными экологическими песнями. Приведённые таблицы иллюстрируют справедливость данных выводов.

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛИНГВИСТИЧНЫХ ТЕКСТОВ МАССОВЫХ ПЕСЕН

При исследовании конкретного речевого материала был поставлен вопрос о фоносемантических признаках «хороший – плохой» в русских песенных текстах противоположной направленности. Объектом исследования послужили 20 песен – десять экологических и, соответственно, десять неэкологических песен (№№ 11, 13-15, 17-22, 23, 25, 26, 29, 31, 33-37). Была использована методика, изложенная А. П. Журавлевым в его монографиях «Фонетическое значение» (1974) и «Звук и смысл» (1991).

Исследование было проведено в соответствии со всеми необходимыми требованиями:

- 1) Установлена текстовая частотность звукобукв в песнях.
- 2) Произведено удвоение ударных гласных, поскольку ударные гласные имеют в два раза больший вес в создании фоносемантического значения текста.
- 3) Указана нормальная частотность звукобукв в стихотворной речи [12, с. 193].
- 4) По формуле $\sigma = \sqrt{P_n \cdot (1 - P_n) / N}$ вычислена величина отклонений частотностей звукобукв от нормы. Кроме того, сравнивалась частотность каждой звукобуквы в песнях и высчитывалось ее отклонение от нормы в сигмах [2, с. 102].

5) В рамках исследования учитывались те звукобуквы, отклонение от нормы которых превышает ± 1 сигму. То есть, если отклонение частотности звукобуквы от нормы не превышает ± 1 сигму, это значит, что частотность данной звукобуквы находится в пределах допустимой погрешности. Однако если отклонение от нормы выходит за рамки ± 1 сигмы, то отклонение от нормы является неслучайным и значимым.

6) Были выбраны звукобуквы, частотность которых выходит за рамки ± 1 сигмы.

7) К анализу был привлечен всего лишь один признак – «хороший – плохой».

Звукобуквы, находящиеся в нейтральной шкале, в подсчетах не учитывались [3, с. 78–79].

8) Отклонение частотности каждой звукобуквы в сигмах умножается на показатель отклонения значимости данной звукобуквы. Таким образом получается вклад каждой звукобуквы в общий фон песенных текстов.

По итогам произведенных расчетов были составлены таблицы – см. статью «Фоносемантические признаки «хороший – плохой» в текстах песен противоположной направленности» [8].

Исследование было проведено в два этапа. На первом, пилотажном по своему характеру этапе были сопоставлены две песни, одна экологичная (Леонид Агутин – «Граница»), другая – неэкологичная (группа «Руки вверх» – «18 мне уже») [7, с. 70–79].

В результате произведенных расчетов составлены две таблицы (см. табл. 1 и 2).

Табл.1. Выбор признака «хороший» для песни «Граница»

Звуко- буквы	Нормальная частотность звукобукв	Текстовая частотность звукобукв	σ	Величина отклонений частотностей звукобукв от нормы	Величина отклонений значимости звукобукв от нейтральной точки шкалы	Вклад каждой звукобуквы в общий звуковой тон песни
a	0,037	0,03	0,005	-1,08	1,5	0
á	0,037	0,1	0,005	12,17	1,5	18,26
б	0,013	0,009	0,003	-1,15	0,6	0
б'	0,005	0,0007	0,002	-2,14	0	0

Крашенинникова И. В., Пузырев А. В.

в	0,028	0,025	0,004	-0,49	0,1	0
в'	0,011	0,0038	0,003	-2,43	-0,4	0
г	0,012	0,01	0,003	-0,35	-0,2	0
г'	0,003	0	0,001	-1,96	-0,6	0
д	0,020	0,018	0,004	-0,33	0,6	0
д'	0,017	0,003	0,003	-3,63	0,2	0
е	0,051	0,025	0,006	-4,11	1,1	0
é	0,029	0,029	0,004	0,17	1,1	0
ë	0,007	0,009	0,002	1,005	0,7	0,7
ж	0,008	0,014	0,002	2,73	-0,7	0
з	0,013	0,009	0,003	-1,15	-0,1	0
з'	0,002	0	0,001	-1,6	-0,4	0
и	0,041	0,01	0,005	-5,48	1,3	0
й	0,021	0,04	0,004	4,7	1,3	6,11
й'	0,020	0,008	0,003	-3,01	0,1	0
к	0,030	0,028	0,004	-0,4	0	0
к'	0,003	0	0,001	-1,96	-0,7	0
л	0,020	0,014	0,004	-1,32	0,9	0
л'	0,017	0,007	0,003	-2,55	1,2	0
м	0,025	0,03	0,004	1,23	0,5	0,62
м'	0,007	0,004	0,002	-0,99	-0,1	0
н	0,040	0,022	0,005	-3,17	0,6	0
н'	0,024	0,01	0,004	-3,24	0,1	0
о	0,065	0,043	0,006	-3,08	1,4	0
ó	0,034	0,028	0,005	-1,21	1,4	0
п	0,020	0,028	0,004	2,26	-0,5	-1,13
п'	0,006	0,006	0,002	0,1	-0,6	0
р	0,024	0,024	0,004	0,22	0,1	0
р'	0,014	0,017	0,003	0,95	0,4	0
с	0,032	0,019	0,005	-2,54	-0,6	0
с'	0,017	0,014	0,003	-0,82	-0,8	0
т	0,055	0,045	0,006	-1,53	0	0
т'	0,020	0,013	0,004	-1,72	-0,3	0
у	0,017	0,025	0,003	2,34	0	0
ý	0,013	0,012	0,003	-0,07	0	0
ф	0,002	0,0015	0,001	-0,35	-1	0

ЭКОЛИНГВИСТИЧНОСТЬ ТЕКСТОВ МАССОВЫХ ПЕСЕН..

ф'	0,001	0	0,0008	-1,13	-1,2	0
х	0,008	0,007	0,002	-0,08	-1,1	0
х'	0,001	0	0,0008	-1,13	-1,3	0
ц	0,004	0,006	0,002	1,26	-1	-1,26
ч	0,020	0,012	0,004	-1,92	0	0
ш	0,012	0,002	0,003	-3,17	-1	0
щ	0,003	0,0007	0,001	-1,45	-0,5	0
ы	0,015	0,022	0,003	2,34	-0,6	-1,4
ы́	0,009	0,018	0,002	3,6	-0,6	-2,16
э	0,000	0	0,0003	-0,42	1	0
э́	0,002	0	0,001	-1,5	1	0
ю	0,007	0,0007	0,002	-2,67	1,2	0
ю́	0,002	0	0,001	-1,73	1,2	0
я	0,011	0,012	0,003	0,51	1,2	0
я́	0,010	0,029	0,003	6,73	1,2	8,08
Суммарный показатель						+27,82

Результаты показывают, что суммарный показатель участия признака «хороший» в создании общей фонетической значимости текста «Граница» составляет 27,82.

Табл.2. Выбор признака «хороший» для деструктивной песни «18 мне уже»

Звуко- буквы	Нормальная частотность звукобукв	Текстовая частотность звукобукв	σ	Величина отклонений частотностей звукобукв от нормы	Величина отклонений значимости звукобукв от нейтральной точки шкалы	Вклад каждой звукобуквы в общий звуковой тон песни
а	0,037	0,033	0,005	-0,57	1,5	0
а́	0,037	0,042	0,005	1,04	1,5	1,56
б	0,013	0,003	0,003	-2,9	0,6	0
б'	0,005	0,008	0,002	1,62	0	0
в	0,028	0,024	0,004	-0,86	0,1	0
в'	0,011	0,012	0,003	0,53	-0,4	0
г	0,012	0,003	0,003	-2,86	-0,2	0
г'	0,003	0	0,001	-1,96	-0,6	0
д	0,020	0,009	0,004	-2,7	0,6	0
д'	0,017	0,014	0,003	-0,62	0,2	0

Крашенинникова И. В., Пузырев А. В.

е	0,051	0,048	0,006	-0,38	1,1	0
é	0,029	0,049	0,004	4,47	1,1	4,92
ë	0,007	0,002	0,002	-2,07	0,7	0
ж	0,008	0,01	0,002	0,95	-0,7	0
з	0,013	0,03	0,003	6,42	-0,1	-0,64
з'	0,002	0,007	0,001	4,52	-0,4	-1,81
и	0,041	0,022	0,005	-3,41	1,3	0
í	0,021	0,022	0,004	0,36	1,3	0
й	0,020	0,03	0,004	2,55	0,1	0,25
к	0,030	0,01	0,005	-4,005	0	0
к'	0,003	0,001	0,001	-1,24	-0,7	0
л	0,020	0,019	0,004	-0,22	0,9	0
л'	0,017	0,005	0,003	-3,34	1,2	0
м	0,025	0,02	0,004	-0,97	0,5	0
м'	0,007	0,017	0,002	4,5	-0,1	-0,45
н	0,040	0,008	0,005	-5,71	0,6	0
н'	0,024	0,029	0,004	1,28	0,1	0,12
о	0,065	0,039	0,006	-3,63	1,4	0
ó	0,034	0,03	0,005	-0,71	1,4	0
п	0,020	0,006	0,003	-3,44	-0,5	0
п'	0,006	0,0005	0,002	-2,52	-0,6	0
р	0,024	0,019	0,004	-1,14	0,1	0
р'	0,014	0,016	0,003	0,89	0,4	0
с	0,032	0,025	0,005	-1,28	-0,6	0
с'	0,017	0,009	0,003	-1,98	-0,8	0
т	0,055	0,02	0,006	-5,46	0	0
т'	0,020	0,005	0,004	-3,71	-0,3	0
у	0,017	0,02	0,003	0,97	0	0
ú	0,013	0,03	0,003	6,06	0	0
ф	0,002	0	0,001	-1,6	-1	0
ф'	0,001	0	0,001	-1,13	-1,2	0
х	0,008	0,004	0,002	-1,45	-1,1	0
х'	0,001	0	0,001	-1,13	-1,3	0
ц	0,004	0,015	0,002	6,4	-1	-6,4
ч	0,020	0,003	0,004	-4,41	0	0
ш	0,012	0,003	0,003	-2,86	-1	0

ЭКОЛИНГВИСТИЧНОСТЬ ТЕКСТОВ МАССОВЫХ ПЕСЕН:..

щ	0,003	0	0,001 5	-1,96	-0,5	0
ы	0,015	0	0,003	-4,37	-0,6	0
Ы	0,009	0,009	0,002	0,26	-0,6	0
э	0,000	0	0,000 3	-0,42	1	0
э́	0,002	0,001	0,001	-0,57	1	0
ю	0,007	0,001	0,002	-2,53	1,2	0
ю́	0,002	0	0,001	-1,73	1,2	0
я	0,011	0,01	0,003	-0,2	1,2	0
я́	0,010	0,04	0,003	10,92	1,2	13,1
Суммарный показатель						+10,65

Результаты данной таблицы свидетельствуют о том, что суммарный показатель участия признака «хороший» в создании фоносемантической значимости текста «18 мне уже» – 10,7.

На втором этапе аналогичным образом было сопоставлено по десять песенных текстов противоположной направленности.

Исследование показало, что как экологичные, так и неэкологичные по своим установкам песни в фоносемантическом плане могут выглядеть как «хорошие». Неэкологичный текст песни своим фоносемантическим ореолом мимикрирует под экологичную песню, или, что одно и то же, экологичный текст своим фоносемантическим ореолом мимикрирует под неэкологичную песню.

Иными словами, современные экологичные песни являются таковыми прежде всего за счет семантических, а не фоносемантических параметров. Положительное фоносемантическое значение большинства современных неэкологичных песен можно рассматривать в качестве мощного способа смысловой защиты текста [14].

Список литературы

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Журавлев, А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974. – 159 с.

3. Журавлев, А. П. Звук и смысл. Кн. для внеклас. чтения учащихся старших классов. – 2-е изд., испр. и доп. / А. П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с: ил.
4. Козлов, В. В. Работа с кризисной личностью: метод. пособие. – 2-е изд. доп. / В. В. Козлов – М.: Психотерапия, 2007. – 336 с. (Советы психолога)
5. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 840 с.
6. Крашенинникова И. В. Речевая эволюция конструктивности и деструктивности в массовых песнях. Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVII-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 17-19 мая 2017 г.) / Отв. ред. проф. А. В. Пузырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2017. С. 127–133.
7. Крашенинникова И. В. Фоносемантические признаки «хороший – плохой» в конструктивном и деструктивном текстах песен. Проблемы фоносемантики: Материалы Международного научного семинара (Орехово-Зуево, 23–25 ноября 2016 г.) / Отв. ред. проф. А. В. Пузырев. – Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»; М.: Ин-т языкознания РАН, 2016. – С. 70–79.
8. Крашенинникова И. В. Фоносемантические признаки «хороший – плохой» в текстах песен противоположной направленности // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 2. – С. 132-138.
9. Музыкальная энциклопедия: в 6 томах / Редакционная коллегия: В. А. Белый, В. С. Виноградов, Л. В. Данилевич, М. С. Друскин, О. Е. Левашева, И. И. Моравек, В. В. Протопопов, И. М. Ямпольский, Б. М. Ярустовский. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – 552 с.
10. Пузырев А. В. Об одной из важнейших проблем психологии, не вошедших в вузовские учебники. Материалы 6-ой Всероссийской научной конференции «Язык и мышление»: Психологический и лингвистический аспекты / Отв.ред.проф.

- А. В. Пузырев. – М.; Ульяновск: Ин-т языкознания РАН; Ульяновский гос.ун-т, 2006. – С. 85–100.
11. Пузырев А. В. Направленность хитовых песен радиостанций Европа+, Русское радио, радио DFM и Love Radio в 2012 г. // Язык и мышление поэта и писателя: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 15-18 мая 2013 г.) / Отв. ред. проф. А. В. Пузырев. – М.: Институт языкознания РАН; Институт русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2013. С. 54–62 (совм. со студ. Е. П. Борисовой и А. Г. Морозовой).
 12. Пузырев, А. В. О системном подходе в лингвистике: учебное пособие для студентов филологических специальностей / А.В. Пузырев. – М.: ВНИИгеосистем, 2014. – 520 с. (серия «Библиотека духовной культуры», вып.47).
 13. Сердобинцева Е. Н. Предисловие к сборнику «Экология русского языка» // Экология русского языка: Материалы 1-й Всероссийской научной конференции. – Пенза: Издательство Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2008. – С. 4–5.
 14. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
 15. Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.
 16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э. Телятниковой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 635, [5] с. – (Philosophy).

Источники:

Песни военных лет:

1. Лидия Русланова – Катюша
2. Леонид Утесов – Мы друзья, перелетные птицы
3. Ансамбль им. Александрова – Смуглянка
4. Клавдия Шульженко – Синий платочек
5. Лидия Русланова – В землянке

6. Краснознаменный ансамбль под управлением А. В. Александрова – До свиданья, города и хаты
7. Краснознаменный ансамбль Советской Армии имени А. В. Александрова – Вечер на рейде
8. Александр Леопольдович Хвыля, Петр Мартынович Алейников – Ты ждешь, Лизавета...
9. Владимир Нечаев – Огонек
10. Лидия Русланова – И кто его знает

Современные экологичные песни:

11. Инь-Ян – Гимн Семьи
12. Леонид Агутин и Отпетые мошенники – Граница
13. Александр Малинин – Белый конь
14. Любэ – Давай за
15. Любэ – Выйду ночью в поле с конем
16. Надежда Кадышева – Малиновый звон
17. Сергей Любавин – Волчонок
18. Вокальный ансамбль «Хористы» – О той весне
19. Лигалайз и Максим – Колыбельная
20. Трофим – Родина
21. Олег Газманов – Офицеры
22. Олег Газманов – Вперед, Россия

Современные неэкологичные песни:

23. Надежда Кадышева, Антон Зацепин – Широка Река
24. Братья Грим – Ресницы
25. МакСим – Нежность
26. Ирина Аллегрова, Слава – Первая Любовь – Любовь Последняя
27. Потап, Настя Каменских – Почему Молчишь
28. Стас Пьеха – Я Лист
29. Слава – Одиночество

30. Вера Брежнева – Реальная Жизнь
31. Нюша – Воспоминание
32. Григорий Лепс – Я Счастливый
33. Чай вдвоём – Ты не одна
34. Дима Билан – Я Ночной Хулиган
35. Женя Малахова – Мама
36. Егор Крид – Самая Самая
37. ВИА Гра (feat. Вахтанг) – У меня появился другой

Reference

1. Bondaletov V. D. Russkaya Onomastika [Russian Onomastics]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1983. 224 p.
2. Zhuravlyov A. P. Foneticheskoe Znachenie [Phonetical Meaning]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo Universiteta, 1974. 159 p.
3. Zhuravlyov A. P. Zvuk i Smysl [Sound and Meaning]. Kniga Dlya Vneklassnogo Chteniya Uchashchikhsya Starshikh klassov. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1991. 160 p.
4. Kozlov V. V. Rabota s Krizisnoi Lichnostyu [Work with a Crisis Person]. Moscow: Psikhoterapiya Publ., 2007. 336 p.
5. Kultura Russkoi Rechi: Entsiklopedicheskii Slovar-Spravochnik [Culture of the Russian Language]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 840 p.
6. Krasheninnikova I. V. Rehevaya Evolyutsiya Konstruktivnosti i Destruktivnosti v Massovykh Pesnyakh. Yazyk i Myshlenie: Psihologicheskie i Lingvisticheskie Aspekty [The Speech Evolution of Constructiveness and Destructiveness in Mass Songs. Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects]. Materialy XVII Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii (Orekhovo-Zuevo, 17-19 Maya 2017 g.). Moscow: Institut Yazykoznaniya RAN Publ., 2017, pp. 127–133.
7. Krasheninnikova I. V. Fonosemanticheskie Priznaki «Horoshii – Plohoi» v Konstruktivnom i Destruktivnom Tekstakh Pesen. Problemy Fonosemantiki

- [Phonosemantic Signs of “Good - Bad” in Constructive And Destructive Lyrics. Phonosemantics Problems]. *Materialy Mezhdunarodnogo Nauchnogo Seminara (Orekhovo-Zuevo, 23-25 Noyabrya 2016 g.)*. Moscow: Institut Yazykoznaniiya RAN Publ., 2016, pp. 70–79.
8. Krashennnikova I. V. Fonosemanticheskie Priznaki «Horoshii – Plohoi» v Tekstakh Pesen Protivopolozhnoi Napravlenosti [Phonosemantic Signs of “Good - Bad” in the Lyrics of the Opposite Direction]. *Vestnik VGU*, 2018, no 2, pp. 132-138.
 9. *Muzykalnaya Entsiklopediya: v 6 Tomakh.* [Musical Encyclopedia in 6 Vol.]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1976. 552 p.
 10. Puzyryov A. V. Ob Odnoi iz Vazhneishikh Problem Psihologii, ne Voshedshikh v Vuzovskie Uchebniki [About One of the Most Important Problems of Psychology not Included in High School Textbooks]. *Materiali 6 Vserossiiskoi Nauchnoi Konferentsii «Yazik i Myshlenie»: Psihologicheskii i Lingvisticheskii*. Moscow: Ulyanovsk: Institut Yazykoznaniiya RAN Publ., 2006, pp. 85–100.
 11. Puzyryov A. V. Napravlenost Khitovykh Pesen Radiostantsii Evropa+, Russkoe Radio, Radio DFM i Love Radio v 2012 g. [Direction of hit songs from Europe + radio station, Russian radio, DFM radio and Love Radio in 2012]. *Materialy XIII-i Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii (Ulyanovsk, 15-18 Maya 2013 g.)* Moscow: Institut Yazykoznaniiya RAN Publ., 2013, pp. 54–62.
 12. Puziryov, A. V. O Sistemnom Podkhode v Lingvistike: Uchebnoe Posobie Dlya Studentov Filologicheskikh Spetsialnostei [About the System Approach in Linguistics: a Manual for Students of Philological Specialties]. Moscow: VNIIGeosistem Publ., 2014. 520 p.
 13. Serdobintseva E. N. Predislovie k Sborniku «Ekologiya Russkogo Yazyka» [Preface to the Collection "Ecology of the Russian Language"]. *Materialy 1-i Vserossiiskoi Nauchnoi Konferentsii*. Penza: Izdatelstvo Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. V. G. Belinskogo, 2008, pp. 4–5.
 14. Sorokin Yu. A. Psikholingvisticheskie Aspekty Izucheniya Teksta [Psycholinguistic Aspects of Studying the Text]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 168 p.

15. Freid Z. *Psikhologiya Bessoznatelnogo* [Psychology of the Unconscious]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1989. 448 p.
16. Fromm E. *Anatomiya Chelovecheskoi Destruktivnosti* [Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow: Izdatelstvo AST, 2004. 635p.

ECOLINGUISTICS IN LYRICS: LEXICAL AND PHONO-SEMANTIC ASPECTS

Krashennnikova I. V., Puzyrev A. V.

Summary. The results of different researches are generalized in this article. The first one is about comparing notional words in ecological (constructive) and non-ecological (deconstructive) songs. Power of Distance method was used at this point. It was created by V. D. Bondaletov. This method allowed us to determine the most frequent and rare words. The second one deals with the phono-semantic «good – bad» features in lyrics of opposite orientation. The object of research is 22 Russian songs. 10 ecological and 10 non-ecological songs were compared. The subject of research is phono-semantic «good – bad» features in all compared texts. When studying and comparing phono-semantic meaning of song texts, a method stated by A. P. Zhuravlyov in his monographs «Phonetic Meaning» (1974) and «A sound and sense» (1991) was used. Analysis has shown that connection of the constructive oriented texts with a phono-semantic «something good» feature is nothing less than monosemantic. In some cases non-ecological song texts with their phono-semantic relation look «better» than ecological songs. Positive phono-semantic meaning of the majority of modern non-ecological song texts can be considered as a powerful way of semantic defensiveness.

Keywords: Power of Distance method, phonosemantics, phono-semantic meaning, «good – bad» feature, ecolinguistics, mass song.

УДК 81'373.612

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Павловская О. Е.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»,
г. Краснодар
E-mail: oera@mail.ru

Пузикова Г. В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»,
г. Краснодар
E-mail: gala-xu@mail.ru

Актуальность изучения семантической деривации как одного из основных способов словообразования обусловлена тем, что на протяжении последних десятилетий в связи с глобальными изменениями, происходящими в общественно-политической, экономической, научной и культурной жизни страны, процессы возникновения новых значений у уже существующих слов становятся все более активными, что отвечает одной из главных потребностей современности – наименованию новых явлений при экономии языковых средств. В то же время из-за сложности и многоаспектности семантической деривации существует множество подходов к ее пониманию.

В статье ставилась цель изучить и систематизировать существующие подходы представителей разных школ к определению семантической деривации, проанализировать соотношение лексико-семантического и морфолого-синтаксического способов словообразования, сформулировать и обосновать собственную точку зрения по данным вопросам, а также доказать принадлежность семантической деривации к основным способам словопроизводства.

Ключевые слова: семантическая деривация, лексико-семантический способ словообразования, полисемия, омонимия, омоним, лексико-семантический вариант.

ВВЕДЕНИЕ

Ключевой задачей высшего профессионального образования является качество подготовки кадров. В частности, выпускники филологических факультетов обязаны иметь полное и всестороннее представление о русском языке как о саморазвивающейся системе. В то же время студенты нефилологических вузов также должны познакомиться с системой современного русского языка [6; 12, с.4–6]. При наличии большого выбора энциклопедий, грамматик и учебников, многие из которых выдержали испытание временем и стали классическими, вопрос о создании учебной литературы, описывающей современный русский язык от фонетического до синтаксического уровня во всей полноте, остается актуальным.

Так, существует острая необходимость расширить раздел, посвященный словообразованию: на наш взгляд, в настоящее время он не отражает реальную языковую картину, поскольку не включает семантическую деривацию.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Повышенный интерес к семантической деривации остается неизменным на протяжении последних лет. Так, проводятся исследования отдельных лексических групп, в числе которых специальные единицы, возникающие в разных профессиональных областях (банковской сфере, политике, кинологии и т.д.), спортивная, медицинская, биологическая и т.п. терминология, глаголы, называющие социальные действия и отношения, предикаты сожаления и раскаяния, слова иноязычного происхождения, фитонимы и пр. Широко изучаются процессы возникновения новых слов путем переосмысления уже имеющихся как на базе языков народов, населяющих территорию Российской Федерации (адыгейский, удмуртский, татарский, чувашский, лезгинские и др.), так и иностранных языков (чаще всего английского, французского, немецкого). Ряд работ посвящен рассмотрению лексико-семантического способа словопроизводства на основе сопоставления схожих семантических процессов в двух и более языках. Также объектом исследований становится лексика прошлых веков, например: эмотивная лексика древнерусского языка, просторечная лексика XVIII в., русский военный дискурс XIX в. При этом в русистике отсутствует единая точка зрения на понимание сущности семантической деривации.

Лексико-семантический способ словообразования (употребляемый нами как функциональный синоним термина «семантическая деривация») был выделен в качестве отдельного способа словообразования еще В. В. Виноградовым, но, несмотря на это, он нередко не называется в числе основных способов словопроизводства или не признается вообще. К тому же семантическая деривация не получила достаточного представления в вузовских учебниках в отличие от морфологических способов, описанных достаточно подробно.

Это вызвано прежде всего разнообразием подходов – нередко диаметрально противоположных – к пониманию сущности и механизмов семантической деривации, что обусловлено сложностью и многоаспектностью этого процесса и приводит к сосуществованию двух терминов: «семантическая деривация», который обычно понимается как возникновение у лексической единицы нового значения, и «лексико-семантический способ словообразования», чаще всего рассматриваемый как образование новой лексической единицы в результате распада многозначного слова на омонимы.

Большинство русистов выделяют лексико-семантическое словообразование как диахронический способ словопроизводства, при котором происходит образование омонимов в результате семантического расщепления слова и обособления его лексико-семантических вариантов. Так понимают семантическую деривацию В. В. Виноградов, В. Н. Немченко, Н. М. Шанский, В. Н. Яковлев и многие другие [5; 11; 14; 15]. Эта же точка зрения изложена в большинстве учебников по современному русскому языку. В некоторых из них лексико-семантический способ представлен как способ словообразования, при котором различия в значении производящего и производного слов не сопровождаются формальными различиями. В качестве примеров обычно приводятся слова *кулак* («кисть руки со сжатыми пальцами» и «деревенский богатей») и *шляпа* («головной убор» и «недалекий человек»). Однако в словарях первый случай рассматривается как явление омонимии, а второй как полисемия. Закономерно возникает вопрос, следует ли толковать указанный факт как распространение авторами указанных учебников явления лексико-семантического образования слов и на возникновение новых значений или здесь имеет место не совсем корректный выбор примеров. Мы склонны видеть в подобном представлении иллюстративного материала расширенное понимание процессов семантической деривации.

Несколько отличается от позиции названной группы исследователей концепция В. М. Маркова, Э. А. Балалыкиной и Г. А. Николаева, которые подводят все случаи переносного употребления слов и всю многозначность под явление семантической деривации, трактуя ее как один из основных способов словообразования [4]. Явление

полисемии в русском языке отрицается, а все лексико-семантические варианты слов рассматриваются в качестве омонимов.

В. В. Лопатин и И. С. Улуханов считают, что лексико-семантический способ образования новых слов проявляется исключительно диахронически, представляя собой результат длительного развития различных значений одного слова, не типизирован как процесс, носит индивидуальный характер и не влечет за собой появления формально новых слов. На основании этого они относят семантическую деривацию к лексикологии, а не к словообразованию [7].

Достаточно близким к такому пониманию лексико-семантического образования оказывается А. И. Моисеев, который полемизирует с В. М. Марковым: «Полное отрицание многозначности, полисемии слов, перевод полисемии в омонимию как следствие семантического словообразования – крайность. Семантические процессы могут привести к образованию слов-омонимов, но в своей основной части они остаются в пределах полисемии. Семантический способ словообразования, ведущий к омонимии, крайний и редкий случай этих процессов» [9, 131].

Промежуточную позицию между двумя вышеупомянутыми точками зрения занимает Ю. Д. Апресян: «Если подходить к лексической полисемии как одному из синонимических средств языка, то наиболее интересным ее свойством является ее внутренняя близость к словообразованию ..., давшая основание говорить о «семантической деривации» как особом типе словообразовательных процессов.<...> Одни исследователи пытаются трактовать полисемию как чисто словообразовательное явление, т.е. явление, подобное словообразованию.<...> Другие исследователи видят в полисемии явление, подобное словообразованию семантически, но не формально. Занимаясь регулярными семантическими отношениями между значениями многозначных слов, Д. Н. Шмелев показал..., что во многих случаях такого рода имеет место производность, которая лишь формально отличается от производности при словообразовании.<...> Не настаивая на том, что факты такого рода суть факты словообразовательные Д. Н. Шмелев использовал для их обозначения более осторожный термин «семантическая деривация»...» [1, 187–189].

Еще одну точку зрения представляет О.С. Ахманова, которая дифференцирует понятия «словообразование лексико-семантическое» и «словообразование семантическое». Под первым она понимает образование слова путем семантического расщепления производящего слова, а под вторым – возникновение новых семантических единиц в результате изменения значения слова [2].

В. Н. Прохорова также дифференцирует семантический и лексико-семантический способы. Последний она относит к способам словообразования, утверждая при этом, что лексико-семантический способ словообразования самым тесным образом связан с многозначностью слова – образованием производных значений в слове. Усматривая в образовании производных значений в слове закономерный процесс функционирования лексики, В.Н. Прохорова осторожно определяет явление возникновения новых лексико-семантических вариантов у лексической единицы как семантическую деривацию. Однако она оговаривается, что при дальнейшем функционировании слова переносные значения могут отдаляться от основного значения, образуя новые слова-омонимы [13].

Наиболее близка нашему пониманию семантической деривации позиция С. А. Мегентесова. Рассматривая лексико-семантическое образование как один из способов словообразования, он видит причину невнимания к нему русистов, занимающихся вопросами словопроизводства, в том, что чаще всего данный способ не ведет к образованию новых слов непосредственно. «Прямым следствием этого процесса является полисемия слова, в рамках которой разные значения многозначного слова рассматриваются не как самостоятельные единицы, а как варианты одного и того же слова. При синхроническом подходе семантические изменения и полисемия слова представляются, таким образом, автономными аспектами лингвистики, непосредственно не связанными со словообразованием, условием которого является наличие двух или нескольких самостоятельных лексических единиц с деривационными отношениями между собой. Однако это положение коренным образом меняется, если подходить к данному вопросу с исторической точки зрения. В процессе исторического развития языка разные значения многозначного слова могут расходиться настолько, что языковое сознание

уже не воспринимает их как нечто единое и возникают разные слова-омонимы» [8, 70].

Многообразие точек зрения на сущность семантической деривации убеждает, что существование любой из них оправдано сложностью и многогранностью данного явления. Тот факт, что семантическое развитие значения слова не всегда завершается образованием слова-омонима, а в большинстве случаев ограничивается существованием новых значений в пределах полисемии, обусловил исключение семантической деривации из сферы словообразования и выделение в ряде случаев лексико-семантического образования слов, подразумевающего расщепление лексической единицы на два или более омонима, как отдельного способа.

В то же время нельзя не признать, что образование новых значений происходит намного регулярнее, чем выделение из многозначного слова омонима. Но, во-первых, такое утверждение справедливо только с точки зрения синхронического подхода к языку: из-за длительности последнего процесса, как правило, занимающего не одно десятилетие, крайне трудно реально оценить частотность образования омонимов в результате семантического развития. А во-вторых, в ряде случаев новое значение слова, возникшее в результате семантической деривации, рассматривается лексикографами в качестве его лексико-семантического варианта, тогда как оно имеет все признаки омонима и должно трактоваться как самостоятельная лексическая единица. На основании сказанного можно утверждать, что данный способ приводит к образованию новых слов, а не значений гораздо чаще, чем принято считать.

Однако в этом случае лингвисты сталкиваются проблемами понимания сущности полисемии и омонимии. Поскольку одни учёные относят к омонимам исключительно случайно фонетически и / или графически совпадающие слова, другие – все отдельные значения многозначных слов, а третьи – те лексические единицы, в значении которых большинство носителей языка не усматривает общих оттенков смысла, несмотря на их общее происхождение, оценить масштабы возникновения омонимов в результате семантической деривации представляется достаточно сложным.

Можно предположить, что именно неявность названных процессов позволила русистам дифференцировать семантическую деривацию и лексико-семантический способ словообразования. Однако подобное разделение кажется нам не совсем верным. Если принять за аксиому утверждение, что при лексико-семантическом способе происходит образование омонимов в результате отрыва одного из значений слова и его обособления в качестве самостоятельной лексической единицы, а при семантической деривации – образование новых значений у слова, тогда следует признать, что они представляют собой некое единство, поскольку для того, чтобы лексико-семантический вариант мог отделиться от слова, сначала он должен у этого слова развиться. Таким образом, возникновение омонима – конечный результат эволюции вторичного значения слова.

Невозможно точно сказать, где заканчивается функционирование нового лексико-семантического варианта (собственно семантическая деривация в понимании большинства русистов) и начинается распад многозначного слова на омонимы (так называемый лексико-семантический способ словообразования). Это единый процесс, проявляющийся в подавляющем большинстве случаев диахронически.

Однако существуют семантические дериваты, которые становятся омонимами по отношению к производящему слову в момент своего появления. Речь идёт о лексических единицах морфолого-синтаксического способа образования.

Как правило, морфолого-синтаксический способ в целом не рассматривается в энциклопедиях и вузовских учебниках. В справочной литературе по русскому языку разные его типы представлены отдельными статьями: субстантивация, адъективация и т.д., а в учебниках в числе основных способов словопроизводства называется только субстантивация. В то же время следует помнить о том, что в русистике существуют разные подходы к пониманию сущности данного способа словопроизводства.

Так, в частности, Н. В. Немченко, рассматривающий лексико-семантическое образование как отдельный способ, видит в морфолого-синтаксическом образовании слов разновидность флексийного (морфологического, парадигматического) способа

словообразования [11]. Такой подход представляется нам труднообъяснимым, поскольку при морфолого-синтаксическом словообразовании образование слова происходит без какого-либо специального словообразовательного аффикса: производная единица переходит в другую часть речи, т.е. становится омонимом производящей лексической единицей, и при этом получает новое значение. Из сказанного следует, что морфолого-синтаксический способ словообразования полностью соответствует традиционному пониманию лексико-семантического способа словопроизводства.

Однако следует отметить и существование иной точки зрения. Так, Н. М. Шанский, рассматривая образование в русском языке таких слов, как частица *значит* из глагола *значить* и наречие *шагом* из существительного *шаг*, пишет: «Переход из одной части речи в другую совершенно обязателен тогда, когда происходит лексикализация какой-либо одной формы слова. Два только что названных случая возникновения новых слов с помощью лексико-семантического способа словообразования образуют в нем особый тип деривации, названный В. В. Виноградовым морфолого-синтаксическим» [14, 262]. Под морфолого-синтаксическим способом словообразования Н. М. Шанский понимает образование новых лексических единиц в результате перехода слов одного грамматического класса в другой и усматривает в нем особую разновидность лексико-семантического способа: «Как и с помощью лексико-семантического способа в целом, посредством его не образуются слова, новые с фонетической точки зрения, однако, получая новую семантику, слово в этом случае приобретает и новые структурно-грамматические свойства» [14, 263].

При этом и в собственно лексико-семантическом способе словообразования, т.е. изменении значения слова при сохранении исходной принадлежности к лексико-грамматическому разряду, Н. М. Шанский выделяет разновидности образования новых единиц: на базе отдельного слова и на основе фразеологизма, как и при морфолого-синтаксическом словообразовании. В последнем случае новое слово возникает благодаря эллипсису зависимых слов и концентрации значения фразеологического оборота в целом на опорном слове. Рассматривая случаи

возникновения новых единиц на базе отдельных слов, он различает переосмысление целой парадигмы и частичное ее переосмысление [14].

На несколько иных позициях стоят Э. А. Балалыкина и Г. А. Николаев. Под влиянием идей В. М. Маркова они разрабатывают систему разновидностей семантической деривации: «В зависимости от словообразовательной базы и характера изменения семантики можно указать некоторые разновидности этого способа: 1) семантическое словообразование в его лексико-семантическом варианте (образование слов на основе развития семантики одного слова...); 2) семантическое словообразование в его морфолого-синтаксическом варианте (лексикализация грамматической формы...); при этом часто наблюдается переход одной части речи в другую..., сопровождаемый нередко компрессией (впотьмах, с размаху, наголову и т.п.; раздельное написание в этом случае – явление чисто орфографическое, не отражающее действительного положения вещей...); 3) семантическое включение, т.е. лексикализация словосочетания путем опущения: а) зависимого слова... б) опорного слова... 4) семантическое словообразование в его лексико-синтаксической разновидности – лексикализация словосочетания без опущения каких-либо компонентов – сращение двух или нескольких слов в одно...» [4, 29-30].

И.М. Некипелова предлагает разграничить понятия *семантическое словообразование* и *семантическая деривация*. К семантическому словообразованию следует относить характерные для любой языковой системы процессы, результатом которых становится как появление нового слова, являющегося семантическим производным, или дериватом, так и формирование и развитие омонимии, подразумевающей отождествление с многозначным графическим знаком двух или более слов, имеющих разные значения и обычно связанных с исходным значением отношениями производности, а также связанных между собой отношениями родства. К семантической деривации относятся процессы расширения семантического объема, в результате которых у слова появляются семантически производные значения, созначения, коннотации, что вначале влечет за собой возникновение семантического синкретизма, а затем ведет к его распадению, что и приводит к появлению полисемии.[10].

Рассмотрев имеющиеся точки зрения, мы предлагаем следующее понимание процессов семантической деривации, основанное на концепции Н. М. Шанского. Распространяя лексико-семантический способ словообразования не только на омонимию, но и на полисемию, находим необходимым выделить две его разновидности: собственно лексико-семантическое и морфолого-синтаксическое словообразование, поскольку последнее в полной мере соответствует принципу семантической деривации: изменение значения слова без изменения его формальной структуры и звукового состава. И в том и в другом случае образование новой единицы может происходить как на базе отдельного слова, так и словосочетания. Переосмысливаться может как целая парадигма, так и ее часть или одна даже словоформа. В зависимости от того, происходит при этом переход новой лексической единицы в другую часть речи или нет, различается тип собственно лексико-семантического образования слов, при котором такого перехода не происходит, и тип морфолого-синтаксического образования слов, при котором новое слово меняет частеречную принадлежность.

Относить лексико-синтаксическую разновидность семантического словообразования, а также лексикализацию грамматической формы, сопровождающуюся сменой частеречной принадлежности слова и компрессией, к процессам семантической деривации мы не находим возможным, поскольку они нарушают принцип лексико-семантического образования слов: формальная структура производного слова отличается от структуры производящего, равно как и звуковой состав.

Еще одной проблемой при изучении семантической деривации является вопрос об отношении к ней семантического калькирования. Н. М. Шанский считает, что появление у слова нового значения в результате семантического калькирования сходно с возникновением лексико-семантических вариантов в процессе семантической деривации. «Появление у исконного слова омонимического значения, свойственного иноязычному слову, оказывается возможным только тогда, когда последнее в качестве прямого значения имеет то же, что и исходное», – утверждает он [14, 261].

На наш взгляд, семантическое калькирование не является разновидностью семантической деривации: хотя образование значений в процессе калькирования иностранного слова внешне не противоречит принципу семантической деривации, однако в то же время оно не представляет собой процесс изменения значения, т.е. длительную эволюцию производящей основы, а характеризуется «мгновенным» появлением нового значения в языке в результате функционирования данной лексической единицы в другой языковой системе. Но тем не менее семантическое калькирование имеет много общего с лексико-семантическим образованием слов уже потому, что объектом калькирования становится слово, являющееся семантическим дериватом в родном языке. На основании сказанного выше мы находим возможным рассматривать семантическое калькирование как явление, находящееся на периферии семантической деривации и калькирования.

ВЫВОД

При рассмотрении лексико-семантического образования омонима как способа словообразования своеобразным словообразовательным формантом выступает изменение лексического значения слова, т.е. семантическая деривация. По этой причине, а также потому, что любое вторичное значение лексической единицы гипотетически может превратиться в омоним с течением времени, нами предлагается понимание семантической деривации как особого, специфического способа словообразования, представляющего собой процесс изменения лексического значения слова при сохранении его материальной оболочки и звукового состава, в результате чего у слова возникает еще одно значение, которое с течением времени в сознании носителей русского языка может оторваться от производящего значения, вызвав расщепление слова на омонимы, и который можно представить в виде цепочки: непроизводное значение слова – переносное употребление непроизводного значения – производное значение – слово-омоним.

Именно поэтому термин «лексико-семантический способ словообразования» мы используем как функциональный синоним термина «семантическая деривация» и

настаиваем на включении данного способа в раздел «Словообразование» с описанием деривационных моделей, которые могут быть сведены к видам разных типов семантических трансформаций.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – 472 с.
2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М., 1957. – 295 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966. – 75 с.
4. Балалыкина Э. А. Русское словообразование: учеб. пособие / Э. А. Балалыкина, Г. А. Николаев. – Казань, 1985. – 184 с.
5. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М., 1975. – 559 с.
6. Лобачева Н. А. Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография. Фонетика. Орфоэпия. Графика. Орфография: учеб. пособие для студентов нефилологических специальностей / Н. А. Лобачева. – Симферополь, 2015. – 287 с.
7. Лопатин В. В. и др. Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология: В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, М. А. Шелякин. – М., 1989. – 262 с.
8. Мегентесов С. А. Словообразование и семантический перенос / С. А. Мегентесов // Русское общее и терминологическое словообразование: сб. науч. тр. – Краснодар, 1993. – С. 69–73.
9. Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке: учеб. пособие / А. И. Моисеев. – Л., 1987. – 208 с.
10. Некипелова И. М. К вопросу о разграничении понятий *семантическая деривация* и *семантическое словообразование* в диахроническом аспекте / Некипелова И. М.

// Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2011. – № 2. – С. 33-46.

11. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. – М., 1984. – 255 с.
12. Павловская О. Е. Русский язык и культура речи: учеб. пособие / О.Е. Павловская, Т. Б. Трошева. – Краснодар, 2012. – 87 с.
13. Прохорова В. Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке / В. Н. Прохорова. – М., 1980. – 88 с.
14. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М., 1968. – 245 с.
15. Яковлев В. И. Морфемика и словообразование современного русского языка / В. И. Яковлев. – Барнаул, 1990. – 61 с.

References

1. Apresyan Yu. D. *Izbrannye Trudy. T. I. Leksicheskaya semantika* [Selected Works. V. I. Lexical Semantics] Moscow, 1995. 472 p.
2. Akhmanova O. S. *Ocherki po Obshchei i Russkoi Leksikologii* [Essays on General and Russian Lexicology] Moscow, 1957. 295 p.
3. Akhmanova O. S. *Slovar Lingvisticheskikh Terminov* [The Dictionary of Linguistic Terms] Moscow, 1966. 75 p.
4. Balalykina E. A. *Russkoe Slovoobrazovanie: Uchebnoe Posobie* [Russian Word-formation] Kazan, 1985. 184 p.
5. Vinogradov V. V. *Slovoobrazovanie v Yego Otnoshenii k Grammatike i Leksikologii* [Word-formation in Its Relation to the Grammar and Lexicology] *Izbrannye trudy. Issledovaniya po Russkoi Grammatike* [Selected Works. Researches on the Russian Grammar] Moscow, 1975. – 559 p.
6. Lobachyova N. A. *Sovremennyi Russkii Yazyk: Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya. Fonetika. Orfoepiya. Grafika. Orfografiya: uchebnoe posobie dlya studentov nefilologicheskikh spetsialnostei* [The Modern Russian Language:

- Lexicology. Phraseology. Lexicography. Phonetics. Orthoepy. Graphics. Spelling] Simferopol, 2015. 287 p.
7. Lopatin V. V. i dr. *Sovremennyi Russkii Yazyk. Teoreticheskii Kurs. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [The Modern Russian Language: Theoretical course. Word-formation. Morphology] Moscow, 1989. 262 p.
 8. Megentesov S. A. *Slovoobrazovanie i Semanticheskii Perenos* [Word-formation and semantic transfer] *Russkoe Obshchee i Terminologicheskoe Slovoobrazovanie: Sbornik Nauchnykh Trudov.* [Russian General and Terminological Word-formation] Krasnodar, 1993. Pp. 69–73.
 9. Moiseev A. I. *Osnovnye Voprosy Slovoobrazovaniya v Sovremennom Russkom Literaturnom Yazyke: uchebnoe posobie* [The Basic Problems of Word-formation in the Modern Russian Literary Language] Leningrad, 1987. 208 p.
 10. Nekipelova I. M. *K Voprosu o Razgranichenii Ponyatii Semanticheskaya Derivatsiya i Semanticheskoe Slovoobrazovanie v Diakhronicheskom Aspekte* [On the problem of delimitation of the notions semantic derivation and semantic word formation from a diachronic aspect] *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya Publ.* Tomsk, 2011, № 2. Pp. 33–46.
 11. Nemchenko V. N. *Sovremennyi Russkii Yazyk. Slovoobrazovanie* [The Modern Russian Language. Word-formation] Moscow, 1984. 255 p.
 12. Pavlovskaya O. E. *Russkii Yazyk i Kul'tura Rechi: uchebnoe posobie* [The Modern Russian Language and the Culture of Speech] Krasnodar, 2012. 87 p.
 13. Prokhorova V. N. *Polisemiya i Leksiko-Semanticheskii Sposob Slovoobrazovaniya v Sovremennom Russkom Yazyke* [Polysemy and Lexical-semantic Way of Word-formation in the Modern Russian Language] Moscow, 1980. 88 p.
 14. Shanskii N. M. *Ocherki po Russkomu Slovoobrazovaniyu* [Essays on Russian Word-formation] Moscow, 1968. 245 p.
 15. Yakovlev V. I. *Morfemika i Slovoobrazovanie Sovremennogo Russkogo Yazyka* [Morphemic and Word-formation of the Modern Russian Language] Barnaul, 1990. 61 p.

**PROBLEMS OF CONCEPTION OF THE ESSENCE OF SEMATIC
DERIVATION**

Pavlovskaya O. E., Puzikova G. V.

Summary. The actuality of researching of semantic derivation as one of the main ways of word-formation is caused by the following fact. Because of global changes in the socio-political, economic, scientific and cultural life of the country, the emergence of new meanings of already existing words is becoming more active. It corresponds to one of the main needs of modernity - to name new phenomena in combination with the economy of language means. At the same time, because of the complexity and multidimensionality of semantic derivation, there are many approaches to understanding of its conception.

The aim of the article was to study and systematize existing approaches of the representatives of different scientific schools to the definition of semantic derivation, to analyze the correlation of lexical and semantic and morphological and syntactic ways of word-formation, to formulate our own point of view for given problems and to prove the belonging of semantic derivation to the main ways of word-formation.

Key words: semantic derivation, lexical and semantic way of word formation, polysemy, homonymy, homonym, lexical-semantic variant.

АВТОРЫ

Валеева Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гавриш Татьяна Ростиславовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), г. Москва, Россия

Гуменюк Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики, профессор кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Корчевская Ольга Валериевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Крашенинникова Ирина Вячеславовна – частное учреждение – организация дополнительного образования «Корпоративный университет Группы компаний Волга-Днепр» г. Ульяновск, Россия

Неелова Ольга Игоревна – аспирантка факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской

АВТОРЫ

филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Павловская Ольга Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и речевой коммуникации ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», г. Краснодар, Россия

Петренко Даниил Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Прайд Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Примочкина Наталья Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), г. Москва, Россия

Проскурнина Людмила Васильевна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук при кафедре русского языка и русской литературы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия

Пузикова Галина Викторовна – преподаватель русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», г. Краснодар, Россия

Пузырев Александр Владимирович – доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии, дефектологии и социальной педагогики Государственного образовательного учреждения высшего образования

Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет», г. Орехово-Зуево, Россия

Соловьева Кристина Константиновна – обучающаяся кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Сурган Марина Александровна – ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чжан Менцзя – аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чумак-Жунь Ирина Ивановна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и русской литературы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия

Шум Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и издательского дела факультета информационно-полиграфических технологий Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Гавриш Т. Р.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ КАК ХУДОЖНИК-НОВАТОР: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ НАЧАЛО
РОМАНА «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА».....3

Гуменюк В. І.

П'ЄСА БЕРНАРДА ШОУ «ПІГМАЛІОН»: ОСОБЛИВОСТІ СЦЕНІЧНОГО
ТРАКТУВАННЯ ЛІТЕРАТУРНОЇ КЛАСИКИ.....20

Корчевская О. В.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
В. ПАРНАХА.....27

Орехов В. В.

«НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ» ЗАДАЧА НАЦИОНАЛЬНОГО АВТОРА В ОСМЫСЛЕНИИ
В. Г. БЕЛИНСКОГО.....40

Примочкина Н. Н.

«ЛЮБОВЬ И ГОЛОД ПРАВЯТ МИРОМ»: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
М. ГОРЬКОГО 1920-Х ГГ.....53

Чжан Менцзя

«ЗАГАДКА К. М. СТАНЮКОВИЧА» В ОСМЫСЛЕНИИ НАУКИ И КРИТИКИ.....63

Шум О. Ю.

ЛЮЦИФЕРИАНСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. П. ПНИНА
И М. ГОРЬКОГО.....89

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Неелова О. И.

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА КРЫМА.....113

Петренко Д. А., Соловьева К. К.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ОХОТНИКОВ ГЕРМАНИИ.....122

Прайд О. Ю.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТЫМЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В
УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ: АНАЛИТИКО-
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....137

Сурган М. А.

К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ ОЦЕНКИ В НАРЕЧИЯХ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ
УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ).....152

Чумак-Жунь И. И., Проскурнина Л. В.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА В ТЕКСТАХ ИСТОРИЧЕСКИХ
РОМАНОВ.....160

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Валеева Л. В.

ВЕКТОРЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА «ЧУДО»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XV–XVII ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА
ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ).....179

Крашенинникова И. В., Пузырев А. В.

ЭКОЛИНГВИСТИЧНОСТЬ ТЕКСТОВ МАССОВЫХ ПЕСЕН: ЛЕКСИЧЕСКИЕ И
ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....198

Павловская О. Е., Пузикова Г. В.

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ДЕРИВАЦИИ.....216

АВТОРЫ.....232